

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

3
2023

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal
Quarterly issues.
Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific journals and other editions (category K-1) for publishing Ph.D. research findings.
Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political studies:

- 5.5.2. Political institutions, processes, technologies
- 5.5.4. International relations, global and regional studies

5.6. Historical sciences:

- 5.6.1. Russian history
- 5.6.2. World history
- 5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047
e-mail: nborisov@rggu.ru;
zhabrov.a@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К-1) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политические науки:

- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6. Исторические науки:

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
электронный адрес: nborisov@rggu.ru;
zhabrov.a@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnoovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

- V.S. Mirzekhanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Panov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- P. Ruggenthaler*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- E.Yu. Sergeyev*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Usatchev*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A. Filler*, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France
- D.S. Foglesong*, professor, Rutgers University, New Jersey, USA
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T.A. Shakleina*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow, Russian Federation
- B. Shteltzel-Marks*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- A.L. Yurganov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors

- N.A. Borisov*, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, RSUH
- A.V. Zhabrov*, Cand. of Sci. (Political Science), RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

- А.К. Магомедов*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Мелкумян*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Мирзеханов*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- П. Руггенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- Д.С. Фоглсонг*, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск

- Н.А. Борисов*, доктор политических наук, доцент, РГГУ
- А.В. Жабров*, кандидат политических наук, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и методология политической науки

Михаил Н. Грачев

Политическая наука как проект ЮНЕСКО: к 75-летию
международной конференции «Методы в политической науке» 12

Николай А. Борисов

Политология в РГГУ: генезис и развитие
научно-образовательного проекта 28

Александр В. Малов

Билатеральный облик суверенитета
в зеркале научной дискуссии 48

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

Норайр А. Сараджян

Особенности итало-хорватских отношений
в контексте европейской интеграции и расширения
Североатлантического альянса 67

Андрей А. Захаров

О колониальных предпосылках федерализма в Нигерии 80

Политические риски: мировой опыт и российская специфика

Татьяна А. Подшибякина

Технологии риск-рецепции как инструмент
политического влияния в международных отношениях 95

Юлия Б. Княшева, Сергей В. Муращенко

Социально-политические риски гражданского участия
российской молодежи в условиях цифровизации общества 108

Политические процессы в прошлом и настоящем

Олег И. Зазнаев

Роспуск парламента в парламентских системах:
новации в законодательстве и политической практике 122

<i>Сергей П. Донцев</i> Феномен религиозных партий на постсоветском пространстве	138
<i>Ханлар А. Гаджиев, Ирина С. Шушпанова</i> Политическое проектирование образа будущего как фактор социально-политической стабильности России	154

CONTENTS

Theory and methodology of political science

Mikhail N. Grachev

Political science as a UNESCO project. To the 75th anniversary
of the international conference on “Methods in political science” 12

Nikolai A. Borisov

Political science at RSUH. Genesis and development
of a scientific and educational project 28

Alexander V. Malov

The bilateral image of sovereignty in the mirror of scientific discussion 48

Countries and regions of the world:

Development dynamics and models of cooperation

Norair A. Saradzhian

Features of Italian-Croatian relations in the context of European
integration and the expansion of the North Atlantic Alliance 67

Andrei A. Zakharov

On colonial prerequisites of federalism in Nigeria 80

Political risks: Global experience and russian specifics

Tatiana A Podshibyakina

Risk-reception technologies as a tool of political influence
in international relations 95

Yulia B. Kinyasheva, Sergei V. Murashchenkov

Socio-political risks of civic participation of the Russian youth
in the conditions of digitalization of society 108

Political processes in the past and in the present

Oleg I. Zaznaev

Dissolution of parliament in parliamentary systems.
Innovations in the legislation and political practice 122

<i>Sergei P. Dontsev</i> The phenomenon of religious parties in the post-Soviet space	138
<i>Khanlar A. Gadzhiev, Irina S. Shushpanova</i> Political image of the future projection as a factor of Russia's socio-political stability	154

Теория и методология политической науки

УДК 32.001

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-12-27

Политическая наука как проект ЮНЕСКО: к 75-летию международной конференции «Методы в политической науке»

Михаил Н. Грачев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, grachev.m@rggu.ru*

Аннотация. В статье анализируется деятельность ЮНЕСКО по реализации исследовательского проекта «Методы в политической науке» в первые годы после окончания Второй мировой войны. Итогом осуществления данного проекта стало признание политической науки в качестве самостоятельной дисциплины мировым академическим сообществом. Одним из ключевых событий в ходе работы над проектом стало проведение в сентябре 1948 г. в Париже международной конференции «Методы в политической науке», участники которой достигли принципиального соглашения о содержании предметной области формирующейся дисциплины, при этом, однако, отметив, что приведенный перечень предметов не претендует на исчерпывающую полноту или строгую логичность. Как показало обращение к копиям архивных документов, размещенным на сайте ЮНЕСКО, впоследствии данный перечень претерпел определенную корректировку, но, тем не менее, именно он стал основой для дальнейшего плодотворного сотрудничества ученых и специалистов из разных стран, занимающихся изучением различных сторон социально-политической действительности. На конференции был также сформирован Подготовительный комитет по созыву и организации работы учредительной конференции Международной ассоциации политической науки (МАПН), которая состоялась ровно год спустя, в сентябре 1949 г.

Ключевые слова: ЮНЕСКО, политическая наука, история политической науки, Международная ассоциация политической науки

Для цитирования: Грачев М.Н. Политическая наука как проект ЮНЕСКО: к 75-летию международной конференции «Методы в политической науке» // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 3. С. 12–27. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-12-27

© Грачев М.Н., 2023

Political science as a UNESCO project.
To the 75th anniversary of the international conference
on “Methods in political science”

Mikhail N. Grachev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
grachev.m@rggu.ru*

Abstract. The article analyzes the UNESCO activities in the implementation of the research project “Methods in political science” in the first years after the end of World War II. The project realization resulted in recognizing political science as an independent discipline by the world academic community. One of the key events during the work on the project was the holding of the international conference on “Methods in political science” in September 1948 in Paris. The participants of this conference reached a fundamental agreement on the content of the scope of the emerging discipline, while noting, however, that the list of subjects does not claim to be exhaustive completeness or strict logic. As shown by the reference to archival documents copies posted on the UNESCO website, subsequently the above list underwent certain adjustments, but, nevertheless, it became the basis for further fruitful cooperation between scientists and specialists from different countries involved in the study of various aspects of social and political reality. The conference also formed a Preparatory Committee to convene and organize the work of the Founding Conference of the International Political Science Association (IPSA), which took place exactly a year later, in September 1949.

Keywords: UNESCO, political science, history of political science, International Political Science Association

For citation: Grachev, M.N. (2023), “Political science as a UNESCO project. To the 75th anniversary of the international conference on “Methods in political science”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 12–27, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-12-27

С самого начала своей деятельности Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) уделяла особое внимание развитию и распространению социально-гуманитарных знаний, налаживанию международного сотрудничества в данных областях. Однако для того, чтобы такое сотрудничество стало не только возможным, но и продуктивным, организация столкнулась с необходимостью преодолеть определенные коллизии, связанные с существованием различных подходов к классификации гуманитарных и социальных дисциплин и трактов-

кам их предметных полей. Эти коллизии во многом были обусловлены как национально-государственной обособленностью процессов формирования систем академического знания в разных странах, так и соперничеством уже сложившихся научных школ и направлений.

В сфере изучения политики указанные противоречия проявлялись наиболее отчетливо. Статус политической науки как самостоятельной дисциплины признавался лишь в нескольких странах. Профессиональные ассоциации исследователей-политологов существовали только в США (основана в 1903 г.), Канаде (с 1913 г.), Финляндии (с 1935 г.), Индии (с 1938 г.). В 1932 г. была создана Китайская ассоциация политической науки, однако ее деятельность не получила своего дальнейшего развития вследствие охватившей страну гражданской, а затем и Второй мировой войны. В большинстве других стран изучением и осмыслением политических отношений, процессов и явлений занимались представители разных академических областей, чаще всего – правоведа, философы, историки, экономисты и социологи, которые разделяли во многом не совпадавшие представления о сущности, содержании и методах исследований, а также использовали специфическую для каждой конкретной дисциплины терминологию, что не способствовало установлению взаимопонимания и сотрудничества между учеными, принадлежавшими к различным научным школам.

В общих чертах организационные контуры решения указанной задачи были представлены уже на 1-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в декабре 1946 г. специальной Подкомиссией по социальным наукам, философии и гуманитарным исследованиям, которую возглавляла филиппинский историк Энкарнасьон Алзона. В состав подкомиссии также входили известные деятели науки и культуры послевоенного времени из разных стран: польский писатель и драматург Леон Кручковский, китайско-американский лингвист, профессор Калифорнийского университета в Беркли Чжао Юаньжэнь, американский социолог, первый афроамериканец, ставший президентом университета, Чарлз Спёрджен Джонсон и датский музыковед-византолог и филолог, профессор Копенгагенского университета Карстен Хёг. По итогам своей работы подкомиссия постановила: «...Рекомендовать Программной комиссии Генеральной конференции отделить философию и гуманитарные исследования от социальных наук и выделить их в отдельную категорию»¹. Есть основания полагать,

¹Report of the Sub-Commission on Social Sciences, Philosophy and Humanistic Studies // UNESCO. General Conference. First session. Paris: United Nations Educational Scientific and Cultural Organisation, 1947. P. 233–234.

что данное разграничение обуславливалось прежде всего тем обстоятельством, на которое обратил внимание Карл-Отто Апель: «...В англоязычных странах “humanities” – “гуманитарные дисциплины” – все еще понимаются из донучного горизонта гуманистических “artes” – “искусств”, – в частности, риторики и критики литературы, тогда как понятие “science” – “науки” – продолжает ориентироваться на идеал естественнонаучного метода» [Апель 2001, с. 125].

Следует отметить, что в докладе исполнительного секретаря Подготовительной комиссии ЮНЕСКО Джулиана Хаксли, представлявшего на втором пленарном заседании Генеральной конференции проект программы деятельности организации, был обозначен будущий статус политической науки: «В научной сфере мы должны рассматривать весь спектр фундаментальных дисциплин, как естественных, так и социальных, от физики до археологии доисторического периода, от эволюции до экономики, от геологии, анатомии и биохимии до антропологии, демографии и политической науки, не забывая при этом математику, находящуюся на одном конце данной шкалы, и психологию – на другом»². В свою очередь, Подкомиссия по социальным наукам, философии и гуманитарным исследованиям, рассматривая в качестве одного из долгосрочных проектов деятельности ЮНЕСКО анализ международной напряженности и угроз миру, подчеркнула, что для решения данной задачи «следует задействовать весь арсенал социальных наук, в частности, политической науки, экономики, социологии, антропологии, общественной географии и психологии... и следует изучать, разрабатывать и совершенствовать инструментарий и методы для исследования указанных вопросов»³.

Важным шагом на пути конституирования политической науки как самостоятельной дисциплины, признаваемой мировым академическим сообществом, явилось принятие на 2-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, состоявшейся в ноябре-декабре 1947 г., программы деятельности организации. В условиях ресурсных ограничений послевоенного времени было принято решение сконцентрировать на ближайший период усилия и ресурсы как государств-членов, так и Секретариата ЮНЕСКО на проведении относительно небольшого количества мероприятий, объединенных

²Second plenary meeting // UNESCO. General Conference. First session. Paris: United Nations Educational Scientific and Cultural Organisation, 1947. P. 20.

³Report of the Sub-Commission on Social Sciences, Philosophy and Humanistic Studies. P. 234.

в следующие направления: 1) «Реконструкция» (восстановление систем образования, науки и культуры в странах, пострадавших от войны); 2) «Коммуникация» (укрепление взаимопонимания между народами и государствами, в частности, посредством визитов и обменов делегациями); 3) «Образование» (сотрудничество в сфере образовательных программ); 4) «Культурный обмен»; 5) «Гуманитарные и социальные связи» (исследования и направления деятельности, представляющие взаимный интерес для специалистов в области социальных наук, гуманитарных дисциплин и философов); 6) «Естественные науки». В рамках пятого направления были обозначены восемь приоритетных исследовательских проектов: «Изучение факторов напряженности, влияющих на международное взаимопонимание», «Философский анализ существующих идеологических конфликтов», «Гуманистические аспекты культуры», «Исследование международного сотрудничества», «Методы в политической науке», «Социальные последствия развития науки», «История науки и культуры», а также «Мировой реестр», предполагавший создание всемирной системы учета работников, институтов, направлений деятельности, исследовательских ресурсов и состояния материально-технической базы в отдельных областях образования, науки и культуры⁴.

В целях реализации проекта «Методы в политической науке» Генеральному директору ЮНЕСКО поручалось:

- содействовать изучению предмета и круга проблем, рассматриваемых политологами разных стран в научно-исследовательских материалах последнего времени (научные публикации и учебники для уровня высшего образования), различных подходов и точек зрения, методов, приемов и используемой терминологии, а также обобщению разработок современной политической науки;
- обеспечить подготовку доклада политолога по указанным вопросам, включая рекомендации, направленные на содействие широкому применению международных стандартов в области политической науки;
- довести этот доклад до сведения государств-членов, национальных комиссий или сотрудничающих органов, где они существуют, выясняя, каким наилучшим образом изложенные в нем рекомендации могут быть реализованы и в какой степени они будут готовы сотрудничать в их осуществлении;

⁴См.: The Programme of Unesco in 1948 // UNESCO. Resolutions adopted by the General Conference during its second session. Paris: United Nations Educational Scientific and Cultural Organisation, 1948. P. 9, 25–27.

– представить на Третьей сессии Генеральной конференции результаты данного проекта⁵.

Следует признать, что такая новаторская программа действий была предложена для дисциплины, само право на автономное существование которой продолжало оставаться предметом дискуссий. Тем не менее приоритет, отдававшийся ЮНЕСКО именно политической науке, был оправдан практическими проблемами, на которых она должна была сосредоточить свое внимание.

Непосредственная работа над проектом началась в феврале 1948 г., когда его возглавил в качестве директора американский политолог, профессор Принстонского университета Уильям Эбенстайн. В рабочую группу по реализации проекта также вошли сотрудники департамента социальных наук ЮНЕСКО: итальянский историк-антифашист Массимо Сальвадори и ушедший в отставку с дипломатической службы польский специалист в области политической экономики доктор Казимеж Щерба-Ликерник. С самого начала было понятно, что данный проект можно будет реализовать только благодаря сотрудничеству ученых из тех стран, где отмечались значительные достижения в политической науке и смежных с ней областях. В этой связи рабочая группа направила ряду известных специалистов письмо, в котором, в частности, говорилось: «Мы бы хотели, чтобы исследователи, участвующие в проекте, представили главным образом ситуацию, которая сложилась в настоящее время в их дисциплинах... При написании вашего отчета было бы полезно разделить его на три основных раздела или главы, в каждой из которых рассматривается один из основных аспектов проекта: 1) содержание; 2) методология; 3) терминология» [Salvadori 1950, p. 2].

При определении характера материалов, которые предлагалось представить рабочей группе, возникла проблема, связанная с употреблением словосочетания «политическая наука» и его значением в рамках целей проекта. Как отмечал впоследствии М. Сальвадори, в английской версии резолюций, принятых 2-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО, это выражение использовалось в единственном числе, тогда как во французской – во множественном. По его мнению, в данном случае поднимался вопрос не просто о грамматике, но и о содержании понятия «политическое». Не менее трудно было дать определение термину «наука». Как его следовало понимать: в классическом смысле, как «приобретенное знание, проверенное точным наблюдением и логическим мышлением», или же трактовать более широко, как «сумму согласованных знаний относительно определенного предмета»? Принятие послед-

⁵Ibid. P. 26.

него варианта, которому отдавала предпочтение рабочая группа, предполагало значительное расширение круга исследователей, участвовавших в проекте, за счет приглашения специалистов из тех стран, где изучение и осмысление политических реалий не соответствовало строгим научным канонам [Salvadori 1950, p. 3].

Чтобы достичь в подобной ситуации какого-либо единства, необходимо было прийти хотя бы к некоторому предварительному согласию относительно объема и содержания формирующейся дисциплины. Исходя из опыта и практики, сложившейся в разных странах, рабочая группа определила следующие актуальные области, имеющие отношение к изучению политики: «политическая теория, включая историю политических идей; национальные (федеральные) и местные органы власти; конституционное и административное право; государственное и муниципальное управление (public administration); политические партии и общественное мнение; экономические функции органов власти; сравнительное изучение политических институтов; международные отношения; международная организация и управление; международное право» [Ebenstein 1948, p. 1183].

В работе над проектом приняли участие 74 исследователя, представившие рабочей группе свои доклады и отчеты о состоянии политической науки и смежных с ней областей знания в 28 странах. Некоторые из этих материалов охватывали весь спектр политических исследований в какой-либо одной стране или его значительную часть, однако в большинстве случаев авторы предпочитали ограничиваться лишь той специализированной тематикой, которая представляла для них непосредственный профессиональный интерес. Рабочая группа приняла решение опубликовать наиболее содержательные доклады в сборнике материалов проекта на двух тогдашних официальных языках ЮНЕСКО – французском и английском. Это издание увидело свет в 1950 г. [Contemporary political science 1950]. В приложении к сборнику был помещен перечень всех докладов, отчетов и сообщений, полученных департаментом социальных наук ЮНЕСКО в ходе работы над проектом [Reports 1950].

Проанализировав материалы, которые были получены от исследователей, сотрудничавших в рамках проекта, рабочая группа установила, что уровень развития дисциплин, связанных с изучением политики, существенно отличался в разных регионах мира. При этом систематическому осмыслению процессов и явлений в политической сфере не уделялось должного внимания даже в тех странах, где такие смежные дисциплины, как экономика, юриспруденция и история, уже давно стали признанными направлениями в структуре высшего образования и где университеты существовали уже несколько столе-

тий. Второй общий вывод, к которому рабочая группа пришла в результате обширных контактов с учеными разных стран, заключался в выраженном в целом стремлении к созданию институциональных условий для сотрудничества [Ebenstein 1948, p. 1185].

13–16 сентября 1948 г. в Доме ЮНЕСКО в Париже состоялась непосредственно связанная с проектом международная конференция «Методы в политической науке». В сообщении, которое было опубликовано несколько месяцев спустя в «Международном бюллетене социальных наук», отмечалось: «...Директор проекта пригласил нескольких политологов из разных стран встретиться в Доме ЮНЕСКО и обсудить наиболее важные вопросы... В частности, он хотел узнать их мнение о действительной области политической науки и о порядке анализа методологических проблем» [The UNESCO project 1949, p. 29]. Какими именно соображениями и предпочтениями руководствовался У. Эбенштейн, определяя персональный состав участников конференции, остается неясным. В результате в этом первом официальном совещании политологов на международном уровне приняли участие: Раймон Арон, профессор-агреже (*professeur agrégé*, эквивалент должности доцента) Национальной школы администрации, Париж, Франция; Фреде Кастберг, профессор публичного и международного права Университета Осло, Норвегия; Джордж Дуглас Говард Коул, профессор социальной и политической теории Оксфордского университета, Великобритания; Джон Гурмагних, директор Института международных отношений, Брюссель, Бельгия; Ежи (Жорж) Лангрод, профессор административного права Краковского университета, Польша; Уильям Александр Робсон, профессор государственного управления Лондонской школы экономики и политических наук, Великобритания; Мариадас Рутнасвами, вице-канцлер (проректор) Аннамалайского университета, провинция Мадрас, Индия; и Уолтер Райс Шарп, профессор государственного управления Городского колледжа Нью-Йорка, США.

Протокол заседаний конференции к настоящему времени не опубликован. Тем не менее о характере развернувшейся в ходе ее работы дискуссии можно судить по краткому изложению содержания и итогов состоявшегося обсуждения, которое представлено в статье У. Эбенштейна, увидевшей свет в декабре 1948 г. Так, в самом начале работы конференции один из ее участников⁶ высказал мнение, что, по крайней мере, в английском языке термин «наука» не может применяться к изучению политики и что следует проводить четкое разграничение между теми субъектами, которые так или иначе имеют ценностное измерение, и теми, которые в данном отношении ней-

⁶Есть основания полагать, что это был Дж. Коул.

тральны. Такая позиция в отношении политических исследований была принята в Оксфордском университете, где они осуществлялись на факультете искусств, а не факультете социальных наук. Несмотря на приведенный аргумент, почти все участники конференции высказались за сохранение термина «политическая наука», поскольку «существенные характеристики науки – индуктивно получаемое и систематически организованное знание – не являются монополией какой-либо одной ее отрасли и могут успешно применяться к изучению как институтов власти, так и конкретной их деятельности». В отношении проблемы методологии было достигнуто общее согласие в том, что целью международного сотрудничества политологов должно быть не искусственное наведение единообразия в подходах, а скорее повышение взаимной осведомленности о существующем разнообразии методов и методик исследования, с тем, чтобы ученые из разных стран «могли расширить диапазон своих знаний и взаимопонимания». Участники конференции также высказали мнение, что терминологические трудности, с которыми сталкиваются дипломаты, политики и исследователи, не могут быть решены путем составления международного политического словаря или глоссария: «Нужны не столько определения слов, сколько изучение конкретных институтов, как, например, анализ «парламента» в Великобритании по сравнению с таковым во Франции или административного класса в Китае по сравнению с таковым в Индии». При этом наиболее полезным, с точки зрения понимания основных терминов, стало бы «сравнение институтов и идей в похожих странах». Такой анализ можно было бы планировать и проводить в рамках региональных или международных исследовательских проектов [Ebenstein 1948, p. 1187–1188].

Руководствуясь предложениями рабочей группы проекта, участники конференции достигли соглашения о содержании предметной области политической науки, при этом, однако, отметив, что приведенный перечень предметов «не претендует на полноту или строгую логичность в своей классификации; он был составлен для обозначения наиболее важных областей изучения и исследовательских работ, входящих в состав политической науки»⁷. Копия фрагмента страницы итогового заявления, подписанного участниками конференции, на которой помещен указанный перечень, представлена на рис. 1.

⁷См.: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. International conference on: Methods in political science. 13 September 1948 – 16 September 1948. Statement issued by the members of the conference 16 September 1948. P. 3. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000157593/PDF/157593engb.pdf.multi> (дата обращения 18.04.2023).

SS/APS/2 - page 3
27 September 1948

B. THE SCOPE OF POLITICAL SCIENCE

The following list of subject matter does not claim to be complete or strictly logical in its classification; it was drawn up to indicate the most important fields of study and research comprised in political science.

I. POLITICAL THEORY

- (1) Political theory
- (2) History of political ideas

II. GOVERNMENT

- (1) The constitution
- (2) National government
- (3) Regional and local government
- (4) Public Administration
- (5) Economic and social functions of government
- (6) Comparative political institutions

III. PARTIES, GROUPS AND PUBLIC OPINION

- (1) Political parties
- (2) Groups and associations
- (3) Citizen participation in government and administration
- (4) Public opinion

IV. INTERNATIONAL RELATIONS

- (1) International politics
- (2) International organization and administration
- (3) International law

Рис. 1. Предметная область политической науки.

Фрагмент страницы итогового заявления на английском языке, подписанного участниками международной конференции «Методы в политической науке». URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000157593/PDF/157593engb.pdf.multi>
(дата обращения 18.04.2023)

Следует признать, что в данном перечне действительно допущено серьезное отступление от принципа логической классификации: первый раздел предметной области и входящий в него подраздел (1) имеют одинаковые названия: “Political theory” (политическая теория). Можно предположить, что, согласившись с предложением рабочей группы включить в данный раздел проблематику, связанную с изучением истории политических идей, авторы документа решили отойти от строгого противопоставления «истории» и «современности» и, ориентируясь на перспективное развитие дисциплины, провести между ними не границу, а своего рода условную демаркационную линию, понимая, что те или иные теоретические конструкции, которые представлялись на момент проведения кон-

ференции актуальными, впоследствии могли бы переместиться в «исторический» подраздел.

Название второго раздела, “Government”, исходя из его содержания, следует, на наш взгляд, трактовать не в узком смысле, как «правительство», а более широко – как «институты власти». Такая трактовка подразумевает изучение всех ветвей государственной власти, а также институтов местного самоуправления – там, где они существуют. Название подраздела (4) данного раздела, “Public administration”, представляется целесообразным передавать не дословным переводом «публичная администрация» [История 2015, с. 13], а устоявшимся в отечественной исследовательской и образовательной практике словосочетанием «государственное и муниципальное управление», имеющим, по существу, тождественное значение.

С учетом указанных моментов, смысловое содержание предметного поля политической науки, согласованного участниками конференции, можно представить следующим образом:

I. Политическая теория:

- 1) политическая теория;
- 2) история политических идей.

II. Институты власти:

- 1) Конституция;
- 2) национальные (высшие государственные) институты власти;
- 3) региональные и местные институты власти;
- 4) государственное и муниципальное управление;
- 5) экономические и социальные функции институтов власти;
- 6) сравнительное изучение политических институтов.

III. Партии, группы и общественное мнение:

- 1) политические партии;
- 2) группы и ассоциации;
- 3) участие граждан в институтах власти и управления;
- 4) общественное мнение.

IV. Международные отношения:

- 1) международная политика;
- 2) международная организация и управление;
- 3) международное право.

Содержание предметной области политической науки, согласованное участниками конференции, по сути, стало результатом достижения компромисса между представителями различных школ и направлений изучения политики: приверженцами теоретико-философского осмысления политических процессов и явлений, юристами-государствоведами, занимавшимися обоснованием и исследованием организационно-правовых основ

деятельности институтов публичной власти, представителями относительно молодой, но уже набравшей заметную силу бихевиористской школы американской политологии, внимание которых было сосредоточено на поведении и формах участия граждан в политической деятельности, и специалистами, изучавшими различные стороны мировой политики и международных отношений. Перечень включенных в предметную область разделов и подразделов представлял собой в значительной мере отражение ситуации, сложившейся к тому времени в академической среде отдельных стран, но при этом, как отмечал У. Эбенштейн, «ни в одной из них перечисленная тематика полностью не рассматривалась, и каждая из них могла бы с пользой для себя наблюдать и учиться на опыте, ошибках и достижениях политических исследований в других странах» [Ebenstein 1948, p. 1187–1188].

Впоследствии одна из приведенных в предметной области формулировок была изменена: в меморандуме о проекте «Методы в политической науке», подписанном М. Сальвадори 31 января 1949 г., второй раздел озаглавлен иначе – “Political Institutions” (политические институты)⁸. Аналогичное название данного раздела представлено во французской версии итогового заявления участников конференции, датированной 28 апреля 1949 г. и имеющей отметку “Rev.” (от фр. *révisé* – пересмотрено): “Institutions Politiques”⁹.

Вопрос о том, что послужило причиной указанного изменения и кто именно выступил его инициатором, остается открытым. Также не удалось найти каких-либо документальных подтверждений, свидетельствующих, что участники конференции тем или иным образом выразили свое согласие с данной корректировкой, которая, на наш взгляд, представляется достаточно сомнительной: в строгом смысле понятие «политические институты» охватывает своим содержанием не только институты публичной власти, но также и политические партии, ассоциации, иные формы организованного участия граждан в политической деятельности, указанные в третьем разделе предметной области. Тем не менее М. Сальвадори

⁸См.: *Salvadori M.* Memorandum on the project: “Methods in political science”. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000157595/PDF/157595engb.pdf.multi> (дата обращения 18.04.2023).

⁹См.: Organisation des Nations Unies pour l'éducation, la science et la culture. Conférence Internationale sur “Les méthodes en science politique”. Du 13 au 16 septembre 1948. Déclaration faite par les membres de la conférence, le 16 septembre 1948. P. 2. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000157593_fre/PDF/157593freb.pdf.multi (дата обращения 18.04.2023).

в своем предисловии к сборнику материалов, подготовленному по итогам проекта, привел именно такую скорректированную формулировку в качестве «утвержденной участниками конференции» [Salvadori 1950, p. 3]. Впоследствии данная редакция предметной области политической науки, несмотря на очевидные логические противоречия между включенными в нее отдельными определениями, не пересматривалась.

В плане создания институциональных условий для обеспечения сотрудничества ученых-политологов из разных стран в повестку дня конференции по предложению рабочей группы был включен вопрос о создании Международной ассоциации политической науки (МАПН). По итогам его обсуждения был сделан вывод, что «ограничиваться одним лишь заявлением о вере в необходимость такой Ассоциации было бы слишком мало, но учреждать ее на самой конференции было бы слишком много и преждевременно» [Ebenstein 1948, p. 1188]. В результате участники конференции приняли решение о создании Подготовительного комитета в составе У.Р. Шарпа (председатель), Р. Арона, У.А. Робсона и Дж. Гурмагтиха (секретарь) «с целью подготовки, при участии дополнительных членов, которые будут кооптированы в ближайшее время, проекта устава Международной ассоциации политической науки для его рассмотрения на представительной международной встрече ученых-политологов, которая состоится, как только позволят обстоятельства»¹⁰.

Конкретные сроки проведения данного мероприятия не указывались. По мнению У. Эбенштейна, оно могло состояться в конце 1949 – начале 1950 г. [Ebenstein 1948, p. 1189]. Однако благодаря активной и результативной деятельности Подготовительного комитета, в состав которого были дополнительно кооптированы Ангадипурам Аппадораи, генеральный секретарь Индийского совета по международным делам, и Марсель Бридель, профессор конституционного права и сравнительного изучения политических институтов Лозаннского университета [Boncourt 2011, p. 77], учредительная конференция МАПН, ознаменовавшая успешное завершение проекта ЮНЕСКО «Методы в политической науке», состоялась спустя ровно год, 12–16 сентября 1949 г. Деятельность Подготовительного комитета, связанная

¹⁰ United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. International conference on: Methods in political science. 13 September 1948 – 16 September 1948. Statement issued by the members of the conference 16 September 1948. P. 5. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000157593/PDF/157593engb.pdf.multi> (дата обращения 18.04.2023).

с разработкой устава МАПН и созывом учредительной конференции ассоциации, а также ход работы самой конференции и ее итоги представляют несомненный интерес для специалистов в области истории политической науки и, несомненно, должны стать предметом отдельного исследования. Однако следует признать, что поворотным моментом в реализации данного проекта тем не менее стала парижская конференция 1948 г., которая определила предметную область политической науки и тем самым обеспечила более прочную основу для дальнейшего плодотворного взаимодействия ученых и специалистов из разных стран, занимающихся изучением различных сторон социально-политической действительности.

Благодарности

Автор посвящает эту статью памяти Юрия Васильевича Ирхина (1947–2021), своего научного наставника и старшего товарища, доктора философских наук, профессора кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и кафедры теоретической и прикладной политологии Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, члена Российской ассоциации политической науки и МАПН. Работы Юрия Васильевича, в которых анализировался процесс становления МАПН и последующего участия отечественных специалистов в деятельности ассоциации [Ирхин 2017; Ирхин 2019a; Ирхин 2019b], придали автору творческий импульс, направленный на дальнейшее изучение данной проблематики.

Acknowledgements

The author dedicates this article to the memory of Yuri Vasilyevich Irkhin (1947–2021), his scientific mentor and senior comrade, Dr. of Sci. (Philosophy), professor of the Department of political science and political management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration and the Department of theoretical and applied political science of the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities, the member of the Russian Association of political science and IPSA. The Yu.V. Irkhin's works which analyzed the process of the IPSA formation and the subsequent participation of domestic specialists in the Association activities gave the author a creative impulse aimed at further study of this subject matter.

Литература

- Апель 2001 – *Апель К.-О.* Трансформация философии. М.: Логос, 2001. 338 с.
- Ирхин 2017 – *Ирхин Ю.В.* Международная ассоциация политической науки: институализация, генезис, концептуальные подходы и практики. М.: Реал Принт, 2017. 237 с.
- Ирхин 2019а – *Ирхин Ю.В.* 70 лет Международной ассоциации политической науки: этапы генезиса и осмысления мира политики (1949–2019) // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 12 (52). С. 2574–2582.
- Ирхин 2019б – *Ирхин Ю.В.* Создание, институализация и деятельность Международной ассоциации политической науки: к 70-летию МАПН // PolitBook. 2019. № 4. С. 97–114.
- История 2015 – История Российской ассоциации политической науки / Под ред. С.В. Пагрушева, Л.Е. Филипповой. М.: Аспект Пресс, 2015. 360 с.
- Boncourt 2011 – *Boncourt T.* L'internationalisation de la science politique: une comparaison franco-britannique (1945–2010). Bordeaux: Université Montesquieu – Bordeaux IV; Institut d'études politiques de Bordeaux; Centre Émile Durkheim, 2011. 452 p.
- Contemporary Political Science 1950 – Contemporary political science. A survey of methods, research and teaching. Paris: Unesco, 1950. 714 p.
- Ebenstein 1948 – *Ebenstein W.* Toward international collaboration in political science. A report on the UNESCO project “Methods in political science” // American Political Science Review. 1948. Vol. 42. No. 6. P. 1181–1189.
- Reports 1950 – Reports and essays received for the survey of political science organized by the UNESCO Project: “Methods in political science” // Contemporary political science. A survey of methods, research and teaching. Paris: UNESCO, 1950. P. 658–662.
- Salvadori 1950 – *Salvadori M.* Introduction // Contemporary political science. A survey of methods, research and teaching. Paris: UNESCO, 1950. P. 1–20.
- The UNESCO Project 1949 – The UNESCO project: “Methods in political science” // International Social Science Bulletin / Bulletin International des Sciences Sociales. 1949. Vol. 1. No. 1–2. P. 28–32.

References

- Apel, K.-O. (2001), *Transformatsiya filosofii* [Transformation der Philosophie], Logos, Moscow, Russia.
- Boncourt, T. (2011), *L'internationalisation de la science politique: une comparaison franco-britannique (1945–2010)*. Université Montesquieu – Bordeaux IV; Institut d'études politiques de Bordeaux; Centre Émile Durkheim, Bordeaux, France.
- Contemporary political science: a survey of methods, research and teaching* (1950), UNESCO, Paris, France.

- Ebenstein, W. (1948), "Toward international collaboration in political science. A report on the UNESCO project 'Methods in political science'", *American Political Science Review*, vol. 42, no. 6, pp. 1181–1189.
- Irkhin, Yu.V. (2017), *Mezhdunarodnaya assotsiatsiya politicheskoi nauki: instituzatsiya, genesis, kontseptual'nye podkhody i praktiki* [International Political Science Association. Institutionalization, genesis, conceptual approaches and practices], Real Print, Moscow, Russia.
- Irkhin, Yu.V. (2019), "70 years of the International Political Science Association. Stages of genesis and understanding of the political world (1949–2019)", *Political Science Issues*, vol. 9, no. 12 (52), pp. 2574–2582.
- Irkhin, Yu.V. (2019), "Creation, institutionalisation and activity of the International Political Science Association. On the 70th anniversary of IPSA", *PolitBook*, no. 4, pp. 97–114.
- Patrushev, S.V. and Filippova, L.E. (ed.) (2015), *Istoriya Rossiiskoi assotsiatsii politicheskoi nauki* [A history of the Russian Political Science Association], Aspekt Press, Moscow, Russia.
- Reports and essays received for the survey of political science organized by the UNESCO Project: "Methods in political science" (1950), in *Contemporary political science. A survey of methods, research and teaching*, UNESCO, Paris, France, pp. 658–662.
- Salvadori, M. (1950), "Introduction", in *Contemporary political science. A survey of methods, research and teaching*, UNESCO, Paris, pp. 1–20.
- The UNESCO project: "Methods in political science" (1949), *International Social Science Bulletin / Bulletin International des Sciences Sociales*, vol. 1. no. 1–2, pp. 28–32.

Информация об авторе

Михаил Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; grachev.m@rggu.ru

Information about the author

Mikhail N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; grachev.m@rggu.ru

УДК 32.001+378

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-28-47

Политология в РГГУ: генезис и развитие научно-образовательного проекта

Николай А. Борисов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nborisov@rggu.ru*

Аннотация. В марте 2023 г. исполнилось тридцать лет со дня принятия ученым советом РГГУ решения об открытии отделения политологии в Историко-архивном институте РГГУ. За эти годы был пройден долгий путь становления и развития образовательных программ по политологии и научно-педагогических школ в области политической науки. В статье на основе документов ученого совета, архивных делопроизводственных документов и интервью проанализированы институциональные и научные основания появления и формирования политологических программ в РГГУ, основные направления научных исследований. Определена специфика генезиса научно-образовательного проекта в области политологии в РГГУ по сравнению с другими университетами, основные этапы его развития, кадровый состав, особенности учебных программ, подготовка научно-педагогических кадров, сферы деятельности выпускников.

Показано, что возникновение политологических программ в РГГУ определялось уникальностью условий, сложившихся в научно-образовательной сфере в начале 1990-х гг.: в этот период советские нормы в сфере образования и науки уже не действовали, а новые еще не сформировались. Это дало возможность развернуть эксперименты, позволившие обрести свое лицо университету в целом и политологическим программам в частности. Идеи основателей политической науки и политологического образования в РГГУ, которые были заложены в начале 1990-х гг., не потеряли своего потенциала и актуальности и сегодня, когда российская высшая школа вновь вступила на путь серьезной трансформации.

Ключевые слова: политическая наука, РГГУ, Историко-архивный институт, образовательная программа, научные исследования, международные отношения

Для цитирования: Борисов Н.А. Политология в РГГУ: генезис и развитие научно-образовательного проекта // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 3. С. 28–47. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-28-47

© Борисов Н.А., 2023

Political science at RSUH. Genesis and development of a scientific and educational project

Nikolai A. Borisov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, nborisov@rggu.ru*

Abstract. March 2023 has marked thirty years since the decision was made by the Academic Council of the RSUH to open a department of political science at the Institute of History and Archives of the RSUH. Over the years, a long way has been passed in the formation and development of educational programs in political science and scientific and pedagogical schools in the field of political science. The article analyzes the institutional and scientific grounds for the emergence and formation of political science programs at the Russian State University for the Humanities, the main directions of scientific research on the basis of documents of the Academic Council, archival documents and interviews. The specifics of the scientific and educational project genesis in the field of political science at RSUH in comparison with other universities, the main stages of its development, personnel composition, features of curricula, scientific and pedagogical personnel training, fields of graduates' activity are determined.

It is shown that the emergence of political science programs at RSUH was defined by the uniqueness of the conditions developed in the scientific and educational sphere in the early 1990s: during that period, Soviet norms in the field of education and science were no longer in effect, and new ones had not yet been formed. It gave the opportunity to launch experiments that allowed the university in general and political science programs in particular to acquire their face. The ideas of the founders of political science and political science education at RSUH, which were laid down in the early 1990s, have not lost their potential and relevance today, when the Russian higher school has once again entered the path of serious transformation.

Keywords: political science, RSUH, Institute of History and Archives, educational program, scientific research, international relations

For citation: Borisov, N.A. (2023), "Political science at RSUH. Genesis and development of a scientific and educational project", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 28–47, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-28-47

В марте 2023 г. исполнилось тридцать лет со дня принятия ученым советом РГГУ решения об открытии отделения политологии в Историко-архивном институте РГГУ. Этому предшествовала

большая работа по выработке содержательных оснований учебного процесса и научных исследований, которые реализуются в РГГУ на протяжении всего тридцатилетнего периода. За эти годы накоплен значительный опыт подготовки специалистов, бакалавров, магистров политологии, а также аспирантов, кандидатов и докторов наук, сложились основы научно-педагогических школ. Вместе с тем обобщающих трудов, освещающих процессы генезиса и развития образовательных программ и научных исследований в области политических наук, в РГГУ до настоящего времени не создано. Понятно, что в небольшой по объему статье невозможно дать развернутый анализ этих процессов, однако представляется, что пришло время обобщить накопленный опыт и рассмотреть генезис и развитие политологии в РГГУ целостно, прежде всего с точки зрения научно-образовательной программы, а не отдельных структурных подразделений. Изучение истории подразделений РГГУ, реализующих образовательные и научные проекты в области политических наук, еще ждет своих исследователей. Очевидно при этом, что в течение небольшого периода после своего появления развитие образовательных и научных программ по политологии перестало быть равнозначным развитию отдельных структур, именно поэтому следует разделить исследование этих процессов.

В настоящей статье предлагается на основе документов, опубликованных в разное время в материалах ученого совета РГГУ, а также неопубликованных источников из университетских и личных архивов проанализировать возникновение и реализацию замысла подготовки студентов-политологов в РГГУ и развитие на этой основе научно-образовательных программ в последние тридцать лет, показать основные направления этого развития, наметить пути дальнейших исследований в этой области.

Следует прежде всего напомнить о тех внешних условиях, в которых происходило рождение политологии в РГГУ. Оно, конечно, не смогло бы состояться без решений на государственном уровне, а также вне концепции создания Российского государственного гуманитарного университета.

Как известно, в советский период политология как институционализированная наука и учебная дисциплина по ряду причин отсутствовала [Воробьев 2004а; Воробьев 2004b; Российская политическая наука 2008; История РАН 2015], хотя научное знание о политике в СССР, безусловно, развивалось, в том числе на основе Советской ассоциации политических (государствоведческих) наук, институтов Академии наук СССР и ведущих университетов [Соловьев 1998; Пляйс 2005; Пляйс 2007; Бурлацкий 2012;

Гуторов 2015; Шутов, Соболев 2020]. В 1979 г. в Москве проходил очередной XI Всемирный конгресс Международной ассоциации политической науки.

Тем не менее до 1980-х гг. выделение политологии в отдельную научную и образовательную область в СССР не предполагалось. Только 4 ноября 1988 г. в Постановлении Государственного комитета СССР по науке и технике № 386 «О номенклатуре специальностей научных работников» были закреплены «политические науки». Приказом ВАК СССР № 1 от 25 января 1989 г. эти изменения были утверждены¹. В 1989 г. была открыта первая в СССР кафедра политологии – в Ленинградском государственном университете, в 1991 г. – кафедра политологии в МГУ имени М.В. Ломоносова (отметим, что она была преобразована из кафедры теории социализма, которая в 1962–1990 гг. носила название кафедры научного коммунизма)². Были сформированы первые диссертационные советы (при Институте общественных наук при ЦК КПСС и при Уральском отделении АН СССР), заработал экспертный совет по политическим наукам ВАК СССР, состоялись первые защиты диссертаций [Шутов, Соболев 2020]. Сразу же отметим, что одну из первых в СССР диссертаций на соискание ученой степени доктора политических наук на тему «Политические процессы и общественные движения в современной Западной Европе» в 1991 г. защитил Р.Ф. Матвеев, впоследствии внесший большой вклад в становление и развитие политологии в РГГУ [Матвеев 1991].

Тем самым в СССР были созданы правовые основания для развития образовательных программ и научных исследований в области политических наук. Примерно в это же время шел процесс создания Российского государственного гуманитарного университета на основе Московского государственного историко-архивного института (об обстоятельствах создания РГГУ подробнее см. [Хорхордина 1997; Хорхордина 2020]), который с декабря 1986 г. возглавлял известный ученый и политический деятель, народный депутат СССР и РСФСР, доктор исторических наук, профессор Ю.Н. Афанасьев (1934–2015).

Постановление Совета Министров РСФСР об организации Российского государственного гуманитарного университета было

¹См.: Бюллетень Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР. М., 1989. № 3.

²См.: История факультета // Философский факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. URL: <https://philos.msu.ru/history> (дата обращения 05.03.2023).

издано 27 марта 1991 г.³ Университет стал первым советским вузом, в названии которого появилось слово «Российский». РГГУ создавался не просто как очередной университет в привычном для тех времен стиле переименования и «смены вывесок», а как научно-учебный центр нового типа, способный воздействовать на дальнейшее развитие гуманитарного знания в стране, призванный не столько отвечать на существующие запросы общества, сколько самому формировать их, задавая исследовательскую и образовательную повестку в области гуманитарных и социальных наук на десятилетия вперед.

В качестве одного из основных принципов РГГУ при его создании ректорат МГИАИ определил «фундаментальность гуманитарного знания, его опору на социальный опыт общества и личности, введение в качестве базовых дисциплин исторического цикла (собственно истории, истории философии, мировых религий, экономической, политической и общественной мысли, культуры, искусств и т. д.)»⁴. Несмотря на принципиальную новизну идеи гуманитарного университета, РГГУ не только формально-юридически, но и содержательно являлся преемником МГИАИ, а значит, развивался во многом с опорой на его наследие. Что касается изучения политической сферы, то в этом отношении в МГИАИ был накоплен уникальный опыт исследования истории дореволюционных политических партий и общественных объединений, истории государственных учреждений, истории международных отношений и внешней политики, государственного делопроизводства, источниковедения. С 1964 г. в МГИАИ существовал факультет государственного делопроизводства, который впоследствии стал основой для изучения проблем государственного и муниципального управления и создания факультета управления. Кроме того, специфика МГИАИ на момент его преобразования в РГГУ состояла в том, что институтская кафедра марксизма-ленинизма была ликвидирована и не могла послужить организационной и кадровой основой для развития политологии, как это часто бывало в других университетах, а кафедра научного

³Постановление Совета Министров РСФСР об организации Российского государственного гуманитарного университета № 175 от 27 марта 1991 г. // Российский государственный гуманитарный университет: замысел, воплощение, перспективы: информационные материалы к собранию профессорско-преподавательского состава РГГУ 6–7 февраля 1992 г. М., 1992. С. 11–12.

⁴Dies Academicus: годовой отчет за 1993 год / Российский государственный гуманитарный университет. М., 1994. С. 5.

коммунизма в институте отсутствовала. Учебные заведения, существовавшие до 1991 г. в комплексе зданий, переданных РГГУ (Высшая партийная школа при ЦК КПСС, Московская высшая партийная школа, Академия общественных наук при ЦК КПСС, Российский социальный-политический институт ЦК КП РСФСР), также не стали организационной и кадровой основой нового университета – на их основе были образованы Российская академия управления (впоследствии Российская академия государственной службы при Президенте РФ, ныне РАНХиГС) и Российский государственный социальный институт (ныне РГСУ), а в кадровом отношении работу в РГГУ продолжил в основном административно-хозяйственный персонал.

В силу указанных обстоятельств рождение политологии в МГИАИ-РГГУ могло состояться только на новых организационных и кадровых началах и на основе того специфического опыта, который был накоплен за годы существования института. Это можно одновременно считать и достоинством, и недостатком при формировании нового направления.

Примечательно, что уже в пояснительной записке к проекту создания РГГУ, составленной в августе 1990 г., в качестве одного из перспективных структурных подразделений был указан «факультет политологии, социологии, демографии, этнографии (отделение, школа)»⁵.

11 декабря 1991 г. в Историко-архивном институте РГГУ по инициативе кафедры истории политических партий и движений (бывшая кафедра истории КПСС) факультета архивного дела (заведующий кафедрой – доктор исторических наук, профессор В.М. Устинов) было принято решение об открытии специализации «Политология» на специальности «Историко-архивоведение» с февраля 1992 г.

По итогам обсуждения этого вопроса на совете ИАИ 11 декабря 1991 г. отмечалась «своевременность и важность постановки вопроса о подготовке специалистов в области политологии», готовность учебных программ по ряду учебных курсов («Введение в политологию», «История политических учений»), констатировалось наличие научно-методической базы и квалифицированных кадров преподавателей для подготовки специалистов-политологов⁶.

⁵Пояснительная записка к проекту создания Российского государственного гуманитарного университета // Российский государственный гуманитарный университет: замысел, воплощение, перспективы... С. 9.

⁶См.: Материалы к открытию специализации по политологии // Там же. С. 68–70.

В то же время очень скоро стало очевидным, что специализация по политологии в рамках специальности «Историко-архивоведение» перестала удовлетворять требованиям времени и накопленному к тому моменту потенциалу института.

В июне 1992 г. кафедре отечественной истории нового времени факультета архивного дела возглавил доцент А.П. Логунов, незадолго до этого защитивший в РГГУ докторскую диссертацию в возрасте 38 лет. Именно с этой кафедрой и ее руководителем связано возникновение первых образовательных программ по политологии в РГГУ.

В феврале и марте 1993 г. ученый совет РГГУ обсуждал вопросы об открытии направления и специальности «Политология» и образовании структурного подразделения, за которым была бы закреплена реализация соответствующих программ.

Временное положение о многоуровневой структуре высшего образования, принятое Миннауки в 1992 г., предусматривало возможность подготовки как бакалавров (не менее 4 лет) и магистров (2–3 года), так и специалистов (5–6 лет)⁷. Государственных образовательных стандартов еще не существовало (они появились только в 1994 г.), что давало определенную свободу действий при формировании образовательных программ и учебных планов. При этом «российское законодательство, не ломая тогда сложившуюся ранее традиционную для страны систему подготовки, сохранило ее наряду с новой, предоставляя вузам самим определяться, по какой образовательной модели готовить выпускников» [Горбунов 2006, с. 196–197]. Это позволило ряду вузов сразу начать подготовку по новой модели, не отказываясь от прежней.

Отмечалось, что подготовка политологов в РГГУ предполагает возможность следующих специализаций: теоретическая политология, прикладная политология, теория и история политических партий и движений, история политических учений, архивы политических партий и общественных организаций. Бакалавр политологии может работать в политологических и социологических центрах, в различных комиссиях государственных учреждений и аппаратах общественных организаций и политических партий, преподавать основы политических знаний в школах, лицеях, средних специаль-

⁷См.: Постановление Министерства науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации «О введении многоуровневой структуры высшего образования в Российской Федерации» № 13 от 13 марта 1992 г. // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=EXP&dst=100001&n=401487&req=doc#VC3OCYTHwyA2l3lY> (дата обращения 01.03.2023).

ных учебных заведениях, а диплом магистра политологии присваивает квалификацию эксперта-политолога, магистра политологических наук и дает право работать исследователем в научных центрах, преподавателем политологии и политической истории в вузах⁸.

Предусматривалась взаимосвязь изучения политологии с традициями преподавания в РГГУ истории, источниковедения, истории политических партий и движений, архивоведения, государственно-правовых и других учебных дисциплин⁹.

23 марта 1993 г. ученым советом РГГУ были приняты решения об открытии исторического и политологического отделений в Историко-архивном институте РГГУ, об утверждении учебных планов четырехгодичного обучения студентов (бакалавриата) по направлению подготовки Г09 «политология» и объявлении в 1993/94 уч. г. набора студентов в количестве 12 человек на первый курс дневного отделения на отделение политологии¹⁰. Приказом РГГУ 01–05–51/об от 18 мая 1993 г. эти решения были введены в действие.

Основные идеи, которые были заложены в первую образовательную программу отделения политологии, заключались в следующем: индивидуализация обучения; ориентация на широкую общегуманитарную и особенно историческую подготовку политолога; ориентация на подготовку бакалавров и специалистов, которые могут не только самостоятельно анализировать политические процессы, но и быть их активными субъектами; опора на «бескафедральную» организацию учебного процесса.

Индивидуализированный характер обучения выражался в возможностях работы с каждым отдельным студентом в зависимости от его индивидуальных потребностей и избранной специализации (этому, кроме прочего, способствовал исключительно

⁸ См.: Об открытии специальности «Политология» в Российском государственном гуманитарном университете // Российский государственный гуманитарный университет (август 1992 – февраль 1993 г.): материалы к собранию преподавателей и сотрудников университета 4 февраля 1993 г. / Российский государственный гуманитарный ун-т; сост. Н.И. Басовская, Е.И. Пивовар, В.Б. Киор. М., 1993. С. 30–35; Ученый совет РГГУ: январь–июнь 1993 г.: Сб. документов / Сост. О.М. Медушевская, Л.В. Тропкина. М., 1993. С. 55–85.

⁹ См.: *Dies Academicus*: годовой отчет за 1993 год. С. 24.

¹⁰ См.: Решение Ученого совета РГГУ об открытии в Историко-архивном институте РГГУ отделений по направлению подготовки Г08 «история», Г09 «политология», 23.03.93, протокол № 2 // Ученый совет РГГУ: январь–июнь 1993 г. С. 84–85.

благоприятный (сохранившийся до 2015 г.) норматив соотношения преподавателей и студентов 1:4, утвержденный специально для РГГУ решением правительства¹¹); спецификой образовательной программы, которая включала в себя, помимо обязательных дисциплин, большой набор дисциплин специализации, курсов по выбору, а также спецкурсов и профессорских спецсеминаров, которые студенты выбирали в соответствии со своими исследовательскими интересами. Нельзя не отметить и свободный выбор студентами тематики курсовых и дипломных работ.

Идея «бескафедральной» образовательной программы, противопоставленная кафедральному принципу организации учебного процесса, предусматривала объединение основного кадрового состава, реализующего новое направление подготовки, в одном структурном подразделении (позже его назовут департаментом). Как отмечал А.П. Логунов, «речь может идти о новых основаниях для концентрации интеллектуальных усилий преподавателей, не разделенных рамками кафедр. Дело не в том, что кафедры препятствуют этому, а именно в новых возможностях. Это и профессорские группы нового типа, и проблемные семинары, и исследовательские программы»¹². Идея до сих пор не утратила своей актуальности, однако в полной мере она реализована не была. Первоначально роль такого «департаamenta» играла кафедра отечественной истории нового времени Историко-архивного института во главе с А.П. Логуновым, на которой работали основоположники политологии в РГГУ: профессора Р.Ф. Матвеев, В.В. Шелохаев, доценты М.Н. Афанасьев, В.С. Бойцов, Т.В. Евгеньева, С.Н. Ениколопов, С.Б. Радкевич, Э.И. Рогоуленко, Г.Г. Спирина, С.Л. Чепель, ассистент Н.Л. Андропова и др. Конечно, следует отметить связанную с «местом рождения» политологии существенную ориентацию в подготовке политологов на исторические дисциплины, хотя наряду с ними сразу вводились курсы математики и математического моделирования политических систем.

¹¹ См.: Постановление Совета Министров РСФСР «О Российском государственном гуманитарном университете» № 465 от 6 сентября 1991 г. // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=w83OCYT6gejYF7q11&cacheid=D1C64669FAF6296FF61D3B1E0BF30FC8&mode=splus&rnd=Si3h9g&base=EXP&n=616488> (дата обращения 02.03.2023).

¹² Логунов А.П. Образовательная программа в организации учебного процесса: тезисы выступления // Семинар профессорско-преподавательского состава 24–27 января 1996 г., Голицыно: Тезисы выступлений. М.: РГГУ, 1996. С. 4–6.

Большое внимание в подготовке политологов уделялось иностранным языкам и курсам на иностранных языках, которые читали зарубежные ученые, привлекаемые к преподаванию. Это было вполне естественным в общих для всей страны условиях отсутствия фундаментальных российских работ в области политической науки и наличия некоторого комплекса «ученичества», связанного с желанием освоить достижения западной политической науки, причем часто те, которые на самом «Западе» стали считаться уже устаревшими.

В ходе первого приема абитуриенты сдавали экзамены по отечественной истории (устно), русскому языку и литературе (письменно – сочинение), иностранному языку (устно). На 12 мест было подано 60 заявлений, конкурс составил 5 человек на место, проходной балл – 12¹³.

По словам А.П. Логунова, отсутствие стереотипов и давления традиции при формировании нового направления было преимуществом, однако, с другой стороны, «был и определенный минус, потому что мало придумать концепцию, мало придумать идею – нужно найти кадры, людей, которые могли бы эту концепцию реализовать»¹⁴.

Что касается кадрового обеспечения учебного процесса в годы становления нового направления, то, наверное, не было ни одного сколько-нибудь известного российского политолога, который не работал бы в те годы в РГГУ. Кроме уже названных коллег, в разном качестве в РГГУ сотрудничали Г.Х. Шахназаров, В.В. Разуваев, Я.А. Пляйс, Ю.С. Пивоваров, И.В. Следзевский, В.Г. Сироткин, С.М. Хенкин и многие другие. Успешности в привлечении лучших преподавательских кадров из разных университетов добавляли сравнительно небольшой норматив нагрузки на одну ставку (что, в свою очередь, было следствием установленного для РГГУ соотношения студентов и преподавателей), а также возможность широко использовать почасовой фонд, что позволяло приглашать отдельных профессоров для чтения одного-двух лекционных курсов в год.

Анализируя сферы научных интересов основателей политологии в РГГУ, особенно до их прихода в политическую науку, можно убедиться, что они еще в советское время занимались политическими исследованиями, в том числе проблемами мировой политики и международного права: например В.В. Разуваев был профессиональным дипломатом, Р.Ф. Матвеев – юристом-международником,

¹³ См.: *Dies Academicus*: годовой отчет за 1993 год. С. 208, 210, 214.

¹⁴ *Межиева А.* ФИПП – сильные крылья [на основе интервью с А.П. Логуновым] // *Аудитория*. 2008. № 47–48. С. 2–3.

Я.А. Пляйс занимался историей политических партий, Ю.С. Пивоваров – историей политической мысли, Т.В. Евгеньева – политической журналистикой, С.Б. Радкевич – политическими партиями, С.Л. Чепель – профсоюзным движением во Франции. Этот список можно продолжать, хотя и указанных примеров достаточно для того, чтобы понять «генеалогию» политологической научно-педагогической школы РГГУ: она выростала не из научного коммунизма и не из истории КПСС не только по форме, но и по содержанию, и опиралась на лучшие достижения советской традиции изучения политического во всех его проявлениях. Линия же, связанная с развитием специализации по политологии на кафедре истории политических партий и движений (бывшей кафедре истории КПСС), продолжения не получила.

В 1995 г., когда первый опыт подготовки бакалавров в России оказался не вполне удачным, в РГГУ была открыта специальность «Политология». Первыми специализациями, открытыми в рамках этой специальности, были следующие: политический анализ и политическое прогнозирование; политическая экспертиза; политическая психология¹⁵. С одной стороны, их названия говорили о значительном прикладном аспекте подготовки политологов, с другой – они опирались на фундаментальную гуманитарную и общеполитологическую подготовку выпускников.

В 1996 г., когда отделение вышло за рамки первоначального замысла и по количеству студентов, и по содержанию программ, был создан факультет истории, политологии и права РГГУ (приказ РГГУ № 01-05-63/об от 02.07.1996 г.), деканом которого стал А.П. Логунов. Преимущества триединого факультета виделись прежде всего в том, что образовательные программы по истории, политологии и праву (впоследствии к ним добавились программы по связям с общественностью и востоковедению) рассматривались как дополняющие и взаимообогащающие друг друга компоненты¹⁶.

В марте 1997 г. была образована кафедра культуры мира и демократии, предложившая специализацию по культуре мира и консенсусологии, в мае 1997 г. открыта специализация по этнополитике, в июне 1998 г. – по политической регионалистике Ближнего Востока, в июне 2000 г. – по истории, политике и культуре Ирана, в 2002 г. – по европоведению, в 2006 г. – по политической

¹⁵ См.: Открытие новых специальностей, специализаций, направлений подготовки в РГГУ // Ученый совет РГГУ: 1995–1996 гг.: Сб. документов. Вып. 6 / Сост. О.М. Медушевская, Л.Н. Простоволосова, Л.В. Тропкина. М.: РГГУ, 1998. С. 256–261.

¹⁶ См.: *Межиева А.* Указ. соч. С. 2–3.

регионалистике Латинской Америки и по аналитике и консалтингу в публичной политике. Из этого перечня видно, насколько широким был содержательный охват политологической проблематики в университете и как вновь образованные специализации послужили основой новых научно-педагогических школ (востоковедение и африканистика, в том числе иранистика, мировая политика и международные отношения, зарубежное регионоведение, конфликтология, этнополитика и др.), которые сейчас развиваются в РГГУ в разных структурных подразделениях. Таким образом, были посеяны «семена» крупных программ и направлений, которые впоследствии успешно «проросли» в РГГУ на разных «почвах» порой вне прямой структурной связи с факультетом истории, политологии и права.

В 2018 г. была открыта программа магистратуры «Политическое обеспечение деятельности институтов публичной власти», в 2019 г. – «Этнополитика: межнациональные отношения и миграционная политика в Российской Федерации», в 2020 г. – «Этнополитика и миграция в современной России». Тем самым были продолжены традиции изучения и преподавания этнополитических дисциплин в сотрудничестве с Центром социально-политических процессов и информационных технологий РГГУ.

Интересно заметить, что первые специализации, связанные с политической психологией и политическими технологиями, а затем – с политической культурой, в точности повторяли генезис политической науки в США, которая начала свое становление как наука с появлением знаменитой Чикагской школы [Almond 1996; Алмонд 1997], оказавшей огромное влияние и на развитие политологии во всем мире. Сравнительная политология получила мощный импульс после Второй мировой войны в связи со становлением концепции гражданской культуры [Almond, Verba 1963]. Такой путь РГГУ также противоречил общероссийской традиции рождения политологии прежде всего из философии и политической экономики и еще раз подчеркивал специфику университета.

С 2007 г. наряду с четырьмя другими направлениями в университете в соответствии с новыми государственными образовательными стандартами факультет вновь перешел на подготовку политологов по двухуровневой системе бакалавриата и магистратуры. Была открыта образовательная программа бакалавриата «Государственная политика и управление; политический менеджмент», а в 2009 г. – магистерская программа «Права человека в социальном проектировании» (совместно с РУДН и МГИМО, действовала до 2019 г.). В 2011 г. состоялся первый выпуск бакалавров и магистров по новым образовательным программам. Отказ от пятилетнего специалитета имел неоднозначные последствия

для качества подготовки политологов: он привел к значительной интенсификации учебного процесса в бакалавриате, снижению количества бюджетных мест в магистратуре по сравнению с бакалавриатом и падению популярности аспирантуры. Ушла в прошлое и сложившаяся система специализаций, показавшая к концу 1990 – началу 2000-х гг. очень хорошие результаты.

Параллельно с развитием образовательных программ выстраивались программы научных исследований и подготовки научно-педагогических кадров, закладывались традиции проведения научных мероприятий. С 1996 г. проводились ежегодные конференции под общим названием «Новая Россия» (первая конференция носила название «Политические реалии и политические мифы» [«Новая» Россия 1996]), с 2013 г. конференции проходят под общим названием «Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций» (на октябрь 2023 г. запланировано проведение очередной, XIV конференции).

Первое научное направление, которое развивалось в новых структурах, было связано с изучением политической мифологии и неоархаики в российской политической культуре и традиции (Т.В. Евгеньева, И.В. Следзевский, Ю.С. Пивоваров, А.Л. Зверев и др.). Почти сразу же из него выделилось направление, связанное с изучением политико-культурных процессов в российских регионах, а впоследствии – с анализом политических процессов и политических режимов на региональном уровне, включая проблемы федерализма (А.Б. Шатилов, А.В. Юдельсон, С.И. Рыженков, А.С. Кузьмин, Г.М. Михалева, А.А. Захаров и др.). С этой же проблематикой было связано и изучение консенсуса и культуры мира как составной части современной политической культуры, теории и практик толерантности (А.П. Логунов, Л.В. Селезнева, В.Г. Сироткин, М.А. Гордеева, Г.Г. Спирина и др.).

С появлением Центра политологии и антропологии современного Востока (2002 г.) и открытием соответствующих специализаций получило развитие исследование религиозной идентичности, этнополитических и этноконфессиональных процессов в России и на постсоветском пространстве, а затем и современных политических процессов на Ближнем Востоке (А.В. Коротаев, А.Р. Аклаев, Г.А. Хизриева, Т.С. Гузенкова, И.Л. Алексеев, Г.Г. Косач, Е.С. Мелкумян, С.П. Донцев, Н.А. Филин и др.).

С приходом в РГГУ «второго поколения» политологов-исследователей сформировалось направление по изучению трансформации политических режимов, политических институтов и процессов в государствах постсоциалистического пространства (Г.М. Михалева, Н.А. Борисов, С.Л. Чепель); одним из ведущих стало направление

«Политическая коммуникация в условиях цифрового общества» во главе с М.Н. Грачевым, автором первой в России докторской диссертации по теории политической коммуникации [Грачев 2005] и составителем известной электронной библиотеки¹⁷; получило развитие направление «Государственная политика и управление, политический менеджмент» (В.Д. Зими́на, Ю.В. Ирхин, М.Н. Грачев, Н.В. Шатина и др.). Как справедливо отмечал А.П. Логунов, за появлением новых направлений и специализаций стояло «множество причин и глобальных трансформаций», в том числе «укрепление и усиление позиций государства и рост ценности государственности в общественном мнении; изменение положения России в окружающем мире и международных отношениях; все более активное включение в общественную жизнь «детей перестройки» (поколения, ориентирующегося на больший прагматизм и общие качества современных мировых ценностей)» [Логунов 2008, с. 10–11].

Развивались и исследования в области международных отношений и геополитики, тесно связанные со становлением образовательных программ по европоведению, Латинской Америке, Ближнему Востоку, иранистике. Достаточно назвать таких авторитетных ученых-международников, работавших в РГГУ, как В.М. Сергеев, А.В. Коротаев, Н.Ю. Кавешников, В.В. Разуваев, В.Я. Швейцер, Е.Ю. Усова и др., и обратить внимание на постоянное присутствие «международной» проблематики среди тем выпускных квалификационных работ и диссертаций студентов и аспирантов-политологов.

В то же время параллельно в РГГУ шло становление и развитие профессиональных образовательных и научных программ по международным отношениям и регионоведению, включая постсоветское пространство как отдельный макрорегион: с 2004 г. в рамках кафедры мировой политики и народонаселения (переименованной в 2006 г. в кафедру мировой политики и международных отношений), а с 2007 г. – на основе отделения международных отношений Историко-архивного института (с 2010 г. – отделение международных отношений и зарубежного регионоведения), преобразованного в 2015 г. в факультет с тем же названием. На базе этих структур развивалось изучение социокультурной составляющей международных отношений и зарубежного регионоведения, мифов и стереотипов восприятия, традиций общения, запечатленных в исторической и культурной памяти (В.И. Журавлева, Е.Ю. Сергеев, М.М. Сиротинская). Впоследствии сложились направления «Экспертология и зарубежное россиеведение» (О.В. Павленко, В.Ф. Пряхин) и

¹⁷ Библиотека Михаила Грачева. URL: Grachev62.narod.ru (дата обращения 01.03.2023).

«Мировое комплексное регионоведение» (А.Н. Комаров, Е.В. Исаева). В образовательной деятельности появились специализации по международному гуманитарному сотрудничеству, американистике, европейским и азиатским исследованиям, международному бизнесу. Учитывая, что на факультете истории, политологии и права эта тематика тоже традиционно была в центре внимания и что по новой номенклатуре специальностей и направлений подготовки направления «Политология», «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение» вошли в одну укрупненную группу «Политические науки и регионоведение»¹⁸, наиболее эффективной представлялась реализация всех этих программ в одном подразделении в целях объединения усилий и достижения наилучших результатов. Этим и объяснялась структурная реорганизация 2021 г., в ходе которой кафедра теоретической и прикладной политологии вместе с образовательными программами по политологии вошла в состав факультета международных отношений и зарубежного регионоведения, а сам факультет получил название «факультет международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения» (приказы РГГУ № 01–218/осн от 20 апреля 2021 г., № 01–407/осн от 13 июля 2021 г.). Кроме того, еще в 2006 г. был образован Учебно-научный центр, а затем кафедра постсоветских исследований, вошедшая в состав Института постсоветских (с 2022 г. – евразийских) и межрегиональных исследований, в фокусе внимания которого, кроме прочего, была и политологическая проблематика.

С 2006 г. в РГГУ издается научный журнал «Вестник РГГУ, серия: «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение»» (с 2018 г. выходит под названием «Вестник РГГУ, серия «Политология. История. Международные отношения»»), подготовка выпусков которого велась как политологами, так и международниками РГГУ¹⁹. Журнал получил известность в научном сообществе и достойные наукометрические показатели, благодаря чему в 2022 г. вошел в категорию К1 Перечня рецензируемых изданий, рекомендуемого ВАК при Минобрнауки России.

¹⁸ Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» № 1061 от 12 сентября 2013 г. // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153430 (дата обращения 22.02.2023).

¹⁹ Главные редакторы журнала: в 2006–2015 гг. – Е.И. Пивовар; в 2015–2019 гг. – А.П. Логунов; в 2019–2022 гг. – А.П. Логунов и О.В. Павленко; с 2022 г. – О.В. Павленко.

Подготовка научно-педагогических кадров по политологии началась почти сразу после открытия образовательных программ первого уровня. Уже в июне 1994 г. была открыта аспирантура по научным специальностям 23.00.01 – Теория и история политической науки; 23.00.02 – Политические институты и процессы; 23.00.03 – Политическая культура и идеология, а в июне 1997 г. – первый в РГГУ диссертационный совет по политическим наукам (кандидатский).

В июне 2001 г. в связи с принятием новой номенклатуры научных специальностей был открыт новый диссертационный совет (кандидатский) по политическим и юридическим наукам, а в июле 2010 г. – докторский диссертационный совет, которому было предоставлено право присуждать ученые степени не только по научным специальностям 23.00.01 и 23.00.02, но и по специальности 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития, что наряду с открытием в 2008 г. аспирантуры по соответствующей специальности означало конституирование нового научного направления, связанного с изучением политических проблем международных отношений, глобального и регионального развития. Чрезвычайно важно, что начиная с середины 2000-х гг. в РГГУ наметилась устойчивая тенденция воспроизводства научно-педагогических кадров в области политических наук, благодаря которой преподавательский состав пополняется выпускниками, защитившими диссертации (в том числе три докторских). С 1 июня 2023 г. на базе РГГУ действует новый диссертационный совет по политическим наукам по научным специальностям 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии и 5.5.4 – Международные отношения, глобальные и региональные исследования.

Несмотря на все сложности и переломные моменты в развитии политологического образования в РГГУ, главным критерием качества образования и подтверждением того, что магистральный путь развития направления был выбран верно, являются наши выпускники. За тридцать лет университет выпустил около 450 студентов по специальности и направлению «Политология» и 50 аспирантов с защитой диссертации, которые успешно работают во всех сферах профессиональной деятельности политологов и других сферах, как связанных с профессией, так и относительно далеких от нее. Ряд выпускников занимали или занимают руководящие должности в органах государственной власти и местного самоуправления (Н.Б. Иванов, М.Г. Арзаманов, С.С. Гапоненко, Л.А. Есина), политических партиях и общественных организациях (Е.С. Чимири), средствах массовой коммуникации (О.В. Алексеева), образовательных организациях (В.Д. Нечаев, А.Б. Шатилов, Н.А. Борисов), консалтинговых и экспертных агентствах (В.С. Котельников,

К.Е. Петров, О.А. Ильин, С.П. Митрахович), крупных коммерческих организациях (А.В. Бырихин, С.А. Туркин, С.В. Мруз, И.А. Семенов), ведут деятельность в качестве депутатов представительных органов (О.М. Подыганова, Г.В. Николаев).

Оглядываясь на прошедшее тридцатилетие, думается о том, что рождение политологии в РГГУ определялось уникальностью исторического момента: это был тот краткий период, когда советские нормы в сфере образования и науки уже не действовали, а новых еще не было либо они были крайне неустойчивыми, допускающими поливариантные трактовки и модели их реализации – это и создало то уникальное «окно возможностей», которое позволило развернуть широкие эксперименты, обрести свое лицо и университету в целом, и политологическим программам в частности. Это в полной мере отражало и политическую ситуацию в стране: коллеги хорошо знают, что период 1991–1993 гг. (от событий августа 1991 г. до принятия Конституции России в декабре 1993 г.) в политологической литературе получил название «периода неопределенности» [Гельман 2001а; Гельман 2001б].

Второй важный вывод, который можно сделать на основе осмысления этого периода, состоит в том, что идеи основателей политической науки и политологического образования в РГГУ, которые были заложены в начале 1990-х гг., оказались настолько масштабными, содержательными и интересными, что их с избытком хватило на прошедшие тридцать лет. Более того, они были своего рода «идеями на вырост» и не потеряли своего потенциала и актуальности и сегодня, когда российская высшая школа вновь вступила на путь серьезной трансформации.

Вместе с тем российская политическая наука и политологическое образование за эти годы проделали огромный путь, пройдя от этапа «ученичества» через не критическое восприятие западных концепций к выработке собственной специфики. Это в полной мере относится и к судьбам политологических исследований в РГГУ.

Остается надеяться, что с опорой на указанные выше традиции и с учетом всех достижений корпорация политологов РГГУ, включающая студентов, преподавателей и выпускников, будет двигаться дальше, решая новые задачи при обеспечении неизменно высокого качества учебного процесса и научной деятельности в сфере политических наук.

Литература

Алмонд 1997 – Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Полис: Политические исследования. 1997. № 6. С. 175–183.

- Бурлацкий 2012 – *Бурлацкий Ф.М.* От истоков к современному этапу развития политической науки в России: состояние предметной области, перспективные направления исследований и новые задачи // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 5. С. 15–27.
- Воробьев 2004а – *Воробьев Д.М.* Политология в СССР: формирование и развитие научного сообщества // Полис: Политические исследования. 2004. № 4. С. 169–178.
- Воробьев 2004б – *Воробьев Д.М.* Развитие политологического сообщества в постсоветской России // Полис: Политические исследования. 2004. № 6. С. 151–161.
- Гельман 2001а – *Гельман В.Я.* Постсоветские политические трансформации: наброски к теории // Полис: Политические исследования. 2001. № 1. С. 15–29.
- Гельман 2001б – *Гельман В.Я.* «Столкновение с айсбергом»: формирование концептов в изучении российской политики // Полис: Политические исследования. 2001. № 6. С. 6–17.
- Горбунов 2006 – *Горбунов А.П.* Российская высшая школа в условиях рыночных реформ 1990-х гг. // Новый исторический вестник. 2006. № 1. С. 181–207.
- Грачев 2005 – *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ: Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2005. 428 с.
- Гуторов 2015 – *Гуторов В.А.* Политика и образование: историческая традиция и современные трансформации // Полис: Политические исследования. 2015. № 1. С. 9–29.
- История РАПН 2015 – История Российской ассоциации политической науки / Под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. М.: Аспект Пресс, 2015. 360 с.
- Логунов 2008 – *Логунов А.П.* Роальд Федорович Матвеев: 15 лет в РГГУ // К 80-летию Роальда Федоровича Матвеева: Сб. науч. статей. М.: РГГУ, 2008. С. 6–12.
- Матвеев 1991 – *Матвеев Р.Ф.* Политические процессы и общественные движения в современной Западной Европе: Дис. ... д-ра полит. наук. М., 1991. 412 с.
- «Новая» Россия 1996 – «Новая» Россия: политические реалии и политические мифы: Материалы Межвузовской научной конференции, 29–30 ноября 1996 г. / Рос. гос. гуманитарный ун-т, Ист.-арх. ин-т, фак. истории, политологии и права; редкол.: А.П. Логунов (отв. ред.), Т.В. Евгеньева, Р.Ф. Матвеев, С.Б. Радкевич. М.: РГГУ, 1996. 67 с.
- Пляйс 2005 – *Пляйс Я.А.* О генезисе, предмете и современном состоянии политической науки в России // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2005. № 1. С. 9–32.
- Пляйс 2007 – *Пляйс Я.А.* В начале нового этапа развития политической науки в России // ПОЛИТЭК: Политическая экспертиза. 2007. № 2. С. 32–48.
- Российская политическая наука 2008 – Российская политическая наука: В 5 т. / Российская ассоц. политической науки [и др.]; под общ. ред. А.И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2008.
- Соловьев 1998 – *Соловьев А.И.* Мозаичная парадигматика российской политологии // Полис: Политические исследования. 1998. № 4. С. 5–20.
- Хорхордина 1997 – *Хорхордина Т.И.* Корни и крона: штрихи к портрету Историко-архивного института (1930–1991). М.: РГГУ, 1997. 108 с.

- Хорхордина 2020 – *Хорхордина Т.И.* Историко-архивный институт в истории отечественной высшей школы: 1930–2020 / Под ред. А.Б. Безбородова. 2-е изд., доп. М.: РГГУ, 2020. 449 с.
- Шутов, Соболев 2020 – *Шутов А.Ю., Соболев В.А.* Становление политической науки в СССР: к 30-летию официального признания // Диалог со временем. 2020. Вып. 71. С. 28–38.
- Almond 1996 – *Almond G.* Political science. The history of the discipline // *A new handbook of political science* / Ed. by R. Goodin, H.-D. Klingemann. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 50–96.
- Almond, Verba 1963 – *Almond G.A., Verba S.* The civic culture. Political attitudes and democracy in five nations. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1963. 576 p.

References

- Almond, G. (1996), “Political science. The history of the discipline”, in Goodin, R. and Klingemann, H.-D. (eds.), *A new handbook of political science*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 50–96.
- Almond, G. (1997), “Political science. The history of the discipline”, *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 175–183.
- Almond, G.A. and Verba, S. (1963), *The civic culture. Political attitudes and democracy in five nations*, Princeton University Press, Princeton, New Jersey, USA.
- Burlatskii, F.M. (2012), “From basics to the modern stage of development of political science in Russia. Subject-matter discipline, upcoming trends of research and new objectives”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, no. 5, pp. 15–27.
- Gel'man, V.Ya. (2001), “Post-Soviet regime transformations. Theory outlines”, *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 15–29.
- Gelman, V.Ya. (2001), “‘Crashing into an iceberg’. Concept formation and misformation in the study of Russian politics”, *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 6–17.
- Gorbunov, A.P. (2006), “Russian higher school in the conditions of market reforms of the 1990s”, *The New Historical Bulletin*, no. 1, pp. 181–207.
- Grachev, M.N. (2005), *Politicheskaya kommunikatsiya: teoretiko-metodologicheskii analiz* [Political communication. Theoretical and methodological analysis], D. Sci. Thesis (Political Science), Moscow, Russia.
- Gutorov, V.A. (2015), “Politics and education. Historical tradition and modern transformations”, *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 9–29.
- Khorkhordina, T.I. (1997), *Korni i krona: shtrikhi k portretu Istoriko-arkhivnogo instituta (1930–1991)* [Roots and crown. Touches to the portrait of the Institute of History and Archives], RGGU, Moscow, Russia.
- Khorkhordina, T.I. (2020), *Istoriko-arkhivnyi institut v istorii otechestvennoi vysshei shkoly: 1930–2020* [Institute of History and Archives in the history of Russian higher education: 1930–2020], RGGU, Moscow, Russia.

- Logunov, A.P. (2008), "Roald Fedorovich Matveev. 15 years at RSUH", in *K 80-letiyu Roal'da Fedorovicha Matveeva: sbornik nauchnykh statei* [To the 80th anniversary of Roald Fedorovich Matveev: collection of scientific articles], RGGU, Moscow, Russia, pp. 6–12.
- Logunov, A.P., Evgenyeva, T.V., Matveev, R.F. and Radkevich, S.B. (eds.) (1996), "Novaya" Rossiya: politicheskie realii i politicheskie mify: Materialy Mezhevuzovskoi nauchnoi konferentsii, 29–30 noyabrya 1996 ["New" Russia. Political realities and political myths. Proceedings of the interuniversity scientific conference, November 29–30], RGGU, Moscow, Russia.
- Matveev, R.F. (1991), *Politicheskie protsessy i obshchestvennye dvizheniya v sovremennoi Zapadnoi Evrope* [Political processes and social movements in modern Western Europe], D. Sci. Thesis (Political Science), Moscow, Russia.
- Patrushev, S.V. and Filippova, L.E. (eds.) (2015), *Istoriya Rossiiskoi assotsiatsii politicheskoi nauki* [History of the Russian Association of Political Science], Aspect Press, Moscow, Russia.
- Plyais, Ya.A. (2005), "About genesis, subject and contemporary situation in Russian political science", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, no. 1, pp. 9–32.
- Plyais, Ya.A. (2007), "Beginning a new stage of development of political science in Russia", *POLITEKS: Politicheskaya ekspertiza*, no. 2, pp. 32–48.
- Shutov, A., and Sobolev, V. (2020), "Formation of political science in the USSR. To the 30th anniversary of official recognition", *Dialogue with time*, vol. 71, pp. 28–38.
- Solov'ev, A. (1998), "The mosaic paradigmatic of Russian political science", *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 5–20.
- Solov'ev, A. (ed.) (2008), *Rossiiskaya politicheskaya nauka* [Russian political science], 5 vols. ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Vorob'ev, D. (2004), "Political science in the USSR. Formation and development of a scientific community", *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 169–178.
- Vorob'ev, D. (2004), "Development of political science community in post-Soviet Russia", *Polis, Political Studies*, no. 6, pp. 151–161.

Информация об авторе

Николай А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; nborisov@rggu.ru

Information about the author

Nikolai A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; nborisov@rggu.ru

УДК 321.011

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-48-66

Билатеральный облик суверенитета в зеркале научной дискуссии

Александр В. Малов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, malov.pvo@gmail.com*

Аннотация. Не вызывает серьезных сомнений, что эволюция мира политического протекает вместе с трансформацией его понятийно-категориального аппарата. Процесс необратимых перемен в этой сфере коснулся сегодня и такого базового для общественных наук понятия, как суверенитет. В рамках настоящей статьи было установлено, что альтернативные взгляды на двухстороннюю структуру суверенитета делают содержание этого понятия более объемным и требуют применения дополнительных средств, облегчающих его понимание. Одним из доказательств такого положения дел выступает весьма распространенная в политической науке классификация С. Краснера. Критический анализ последней, однако, не смог закрепить за типологией известного ученого приверженности основному научному принципу – объективности. В целях преодоления авторского субъективизма, приведшего к избирательному деактивированию одной из двух сторон суверенитета, было принято решение о теоретическом конструировании специальных подходов к пониманию суверенитета. Для выявления сторонников и оппонентов каждого из сформированных дискурсивных направлений была использована более строгая матрица, известная в политологии под словосочетанием «Большие споры». Применение последней, в соответствии с аксиоматическим методом, стало символом неудачной попытки проведения «методологической триангуляции», актуализировавшей разносторонний взгляд на понятийную структуру суверенитета.

Ключевые слова: суверенитет, глобализация, международные отношения, мировая политика

Для цитирования: Малов А.В. Билатеральный облик суверенитета в зеркале научной дискуссии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 3. С. 48–66. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-48-66

© Малов А.В., 2023

The bilateral image of sovereignty in the mirror of scientific discussion

Alexander V. Malov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
malov.pvo@gmail.com*

Abstract. The fact that the evolution of the “political world” occurs together with the transformation of its conceptual and categorical apparatus does not cause serious doubts. Today, the process of irreversible changes in the area has affected the concept of sovereignty as basic for the social sciences. The article found that alternative views on the bilateral structure of sovereignty make the content of that concept more voluminous and require the use of additional tools to facilitate its understanding. One of the evidences of such state of affairs is the classification of sovereignty by S. Krasner, which is common in political science. A critical analysis of S. Krasner’s typology, however, could not secure for the typology of the famous scientist the adherence to the basic scientific principle – objectivity. Overcoming the author’s subjectivity which stimulated the selective deactivation of one of the two sides of sovereignty it was decided to theoretically construct special approaches to understanding sovereignty. A more rigorous matrix, known in political science by the phrase “The Great Debates”, was used to identify supporters/opponents of each of the formed approaches, as well as to describe the difference in their research positions. The use of the matrix of Great Debates in accordance with the axiomatic method became an example of a not unsuccessful attempt to implement methodological triangulation, which updated the versatile “vision” of sovereignty and stimulated a more comprehensive view of it.

Keywords: sovereignty, globalization, international relations, world politics

For citation: Malov, A.V. (2023), “The bilateral image of sovereignty in the mirror of scientific discussion”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 48–66, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-48-66

Введение

В современных политических реалиях, характеризующихся усилением дезинтеграционных процессов в капиталистической мир-системе и подступающей кульминацией «однополярного момента», интерес к идее суверенитета возвращается, обостряя исследовательское желание дать рукописный ответ на два вопроса. Первый, «классический», вопрос, в историческом фундаменте

которого лежит непримиримое соперничество «монархомахов» и «абсолютистов», связан с предрасположенностью суверенитета к изменению своего агрегатного состояния: к делимости [Leibniz 1988; Lapidoth 1992; MacCormick 1993] и неделимости¹. Второй, «*постклассический*», вопрос фокусируется на теоретических инструментах анализа и методологических средствах классификации суверенитета, обуславливающих появление и функционирование его «профильных референтов»: целесообразность такого решения см. [Реут 2007; Кокошин 2015], его необоснованность см. [Черниченко 2010; Пастухова 2013; Терентьева 2017].

Цель настоящей статьи заключается в поиске ответов на артикулированные выше вопросы. Достижение поставленной цели, в свою очередь, предполагает последовательное решение таких исследовательских задач, как описание «двухсторонней природы» суверенитета и объяснение ее специфики; анализ существующих в академической литературе классификаций суверенитета и оценка их объективности; конструирование специальных подходов к пониманию суверенитета сразу по двум принципам: унитарности/дискретности и междисциплинарности/трансдисциплинарности; выявление представителей образовавшихся подходов и сравнительный анализ их мировоззренческих позиций в соответствии с предметом каждого из «Больших споров» в теории международных отношений; разработка формулы образования «профильного референта» суверенитета посредством согласования сфер внутрисударственной политики с научными областями их исследования; описание алгоритма функционирования «профильного референта» суверенитета (частного) и определение степени его влияния на состояние государственного суверенитета (общего).

Понятие и содержание

Невзирая на доктринальное множество и неутрачивающие академические споры, подавляющее большинство исследователей определяют суверенитет как атрибут власти государства, олицетворяющий ее самостийность, верховенство и автономию как во внутренних, так и во внешних политических интеракциях [Bull 2002, p. 8; Keohane 2003, p. 282; Левин 2003, с. 113; Моисеев 2014, с. 74].

Следуя за популярной в эпистемологическом сообществе дефиницией суверенитета, сосредоточимся на дуальной природе этой

¹См.: *Bodin J.* Les six livres de la République. Lyon: J. de Tournes, 1579. 758 p. См. также [Schmit 1985; James 1999].

терминологической единицы. Однако необходимо отметить, что «интернальный аспект» фокусируется на высшем органе власти и на «внутренних» вопросах государства: ресурсах, формах правления, политическом устройстве, легитимации насилия. Обратная, «экстернальная сторона», в свою очередь, подчеркивает незыблемое институциональное главенство государства, принимающего политическую самостоятельность и правовой паритет сходных ему игроков. Следовательно, суверенитет выступает магистральной функцией, активирование которой фиксирует внутренний властный орган в положении верховенства, ратифицируя само государство-нацию в статусе политического актора, обреченного на самодержавный и равноправный коммуникационный процесс с аналогичными членами интернационального диалога.

Двухсторонний облик суверенитета

Концептуальное размежевание суверенитета на «экстернальный» (внешний) и «интернальный» (внутренний), проводимое еще в эпоху Нового времени², продолжает оставаться весьма распространенной когнитивной операцией и в наши дни [Habermas 1996, pp. 126–128; Bull 2002, p. 8; Almond, et al. 2002, p. 14]. Однако вопреки тому, что процедура дифференциации двух сторон суверенитета существенно облегчает перцепцию самого понятия, она генерирует и новый мотив для научной дискуссии. Предметом последней выступает сам статус дифференцированных аспектов суверенитета. Так, по мнению первых исследователей, внутренняя и внешняя стороны, сливаясь в один смысловой комплекс, представляются атрибутами единой идеи суверенитета государства [Левин 2003, с. 111; Цымбурский 1993, с. 17–18]; по убеждению вторых, отделившиеся друг от друга компоненты суверенитета имеют законное право на автономное существование [Krasner 1995, pp. 118–119; Keohane 2003, p. 276]; с позиции третьих, аналогичное разграничение и вовсе бессмысленно, так как невозможно, сохраняя «внешнюю» суверенность, утратить «внутреннюю» [Иванов 2010, с. 13].

В качестве наглядного примера обозначенных выше различий обратимся к известной классификации авторитетного специалиста в области международных отношений С. Краснера,

²См.: Гегель Г. *Философия права* // Гегель Г. *Собрание сочинений*: В 14 т. Т. 7. М.: Соцэкгиз, 1934. 380 с.; *Эллинек Г. Общее учение о государстве*. СПб.: Изд. книжного магазина Мартынова, 1908. 626 с.

выделявшего в своих ранних работах четыре ипостаси суверенитета («интернационально-правовую», «вестфальскую», «внутреннюю» и «взаимозависимости») [Krasner 1995, pp. 118–119; Krasner 1999, p. 3], а в более поздних только три («интернационально-правовую», «вестфальскую/вателлианскую» и «внутреннюю») [Krasner 2004, p. 87; Krasner 2011, p. VII; Krasner 2017, p. 41].

Исходя из существа дела, отметим, что предложенная типология представляется лишь модернизированной версией «двухстороннего» суверенитета, «внутренний» аспект которого остался неизменным, а «внешний» подвергся систематизации по принципу выборочной активизации двух функций государственного суверенитета: 1) права на невмешательство и автономию («вестфальский/вателлианский суверенитет»); 2) монополии на заключение/денонсацию международных соглашений («Интернационально-правовой суверенитет»).

Как было упомянуто ранее, особенностью классификации С. Краснера выступает закрепление концептуальной независимости за каждым изолированным аспектом суверенитета. Однако в чем же заключается смысл такой операции? С высокой долей вероятности предположим, что в момент принятия этого решения интеллектуальная энергия Краснера была направлена на патриотическую защиту национальных интересов и оправдание геополитической активности США. Следовательно, реализация стратегического плана по глобальной гегемонистской экспансии и деактивации суверенитетов государств-конкурентов требовала законных оснований, в том числе и в научной сфере. Именно с целью теоретического аннулирования суверенитета как фундаментального принципа международных отношений было принято решение о деактивации его «внешнего» оборонительного элемента (оболочки), в результате удаления которого открывался беспрепятственный доступ к его «внутреннему» компоненту (ядру), отвечающему за внутригосударственное администрирование. Для выражения своих подлинных академических намерений сам С. Краснер задействовал понятие «суверенитета совместного пользования», означающее внедрение внешних действующих лиц одного государства в некоторые структуры внутренней власти другого на неопределенный срок [Krasner 2004, p. 108]. Нелишним будет добавить, что идея об опциональной активации ключевых функций «внешнего» суверенитета была охотно поддержана другим прославленным ученым-международником и представителем школы неоклассического либерализма Р. Кохейном, использовавшим классификацию С. Краснера для оправдания акта гуманитарной интервенции в «проблемные общества» в целях защиты прав

человека и устранения угрозы либеральной демократии [Keohane 2003, pp. 276, 286, 297].

Таким образом, высокая идеологизация и отчетливая геополитическая ангажированность С. Краснера полностью затмили «объективность» в предложенной им классификации, а в силу избирательного интереса к «внешнему» аспекту суверенитета «внутренняя» сторона этого понятия и вовсе была оставлена без должного исследовательского внимания.

В связи с открывшимися обстоятельствами актуализируется необходимость конструирования таких подходов к интерпретированию суверенитета, которые будут основываться на взглядах представителей ведущих школ и основных парадигм в теории международных отношений (ТМО), относящихся к «внешнему» суверенитету не только как к «переменной», но и как к «константе». Более того, в рамках образовавшихся подходов появится возможность скорректировать и доминирующее в «эпистемологическом сообществе» представление о «внутреннем» аспекте суверенитета как о заветном трофее для государства-захватчика, позиционирующего себя в роли эффективного администратора на территории оккупированного им политического актора. В этой связи вполне уместно выглядит разработка идеи об усилении «внутреннего» суверенитета посредством адресного, независимого и самодостаточного развития стратегически важных сфер внутрисоветской политики. Движение в аналогичном исследовательском направлении не только расширит концептуальные границы самого суверенитета, но и способствует формированию понятийно-категориального аппарата для альтернативной геополитической действительности в многополярной системе координат.

Подходы к осмыслению

Как заведено законами формальной логики, для корректной операции по систематизации научного знания необходимо сначала определиться с ее основаниями. В нашем случае таковыми критериями будут считаться сразу два бинарных принципа. Первая дихотомия – субстанциональная делимость/неделимость суверенитета (*классический вопрос*), для описания которой будет использоваться антонимическая пара унитарный/дискретный. Вторая дихотомия – механическая полнота/неполнота постижения суверенитета, осуществляемая с помощью ослабления/усиления жесткости дисциплинарных делений научного знания и трансфера научных методов (*постклассический вопрос*), будет вы-

ражена в терминах междисциплинарный/трансдисциплинарный [Львов 2012, с. 161].

Определившись с вводными параметрами для классификации, приступим к непосредственному конструированию самих подходов к пониманию суверенитета. Итак, первым подходом является *унитарно-междисциплинарный*, основывающийся на признании терминологического единства двух сторон суверенитета (*внешней* и *внутренней*), приоритетное право на квалифицированное объяснение которого закреплено за качественными методами научного познания, равноценно используемыми в системе юридических и политических наук. Вторым подходом выступает *дискретно-междисциплинарный*, который отвергает терминологическую целостность двух сторон суверенитета, чья политико-правовая сущность может быть корректно описана лишь при помощи количественных (экономико-математических) методов научного познания. Третьим подходом представляется *унитарно-трансдисциплинарный*, основывающийся на признании терминологической монолитности двух сторон суверенитета как сложного объекта, обладающего особенностями, для изучения которых применяются и синтезируются соответствующие этим особенностям дисциплинарные подходы, методы и знания.

Не исключая возможности того, что из представленных выше «вводных данных» возможно скомбинировать именованые и для иных подходов к интерпретации суверенитета, мы остановимся лишь на трех вариантах. Причина такого решения скрывается за непосредственным содержанием каждого из предлагаемых нами подходов, включающих в себя разность мировоззренческих позиций и теоретико-методологических приемов исследования социальной реальности конкретными учеными, разделившимися на сторонников и оппонентов каждого из представленных нами подходов.

Монолитен ли суверенитет?

В разные века проponentы унитарно-междисциплинарного метода понимали под суверенитетом не поддающийся квантификации качественный атрибут политического актора³. Одним из поводов для такой убежденности выступила и сама этимология понятия, отсылающая к таким лексическим компонентам латинской лингвистики, как *Super* (расположенный над), *Superior* (преобладающий) и *Supernus* (возвышенно-героический), применяющихся

³См.: *Bodin, J. Op. cit.* См. также [Schmit 1985; James 1999].

для маркировки божественных «сил света и неба» [Леонов 2013, с. 131]. Следовательно, при наличии высшей степени проявления признака (филологического и семиотического) суверенитет де-вальвирует потенциал когнитивных операций по дефинированию его как сокращающейся или повышающейся меры.

С асимметричными убеждениями выступают сторонники дискретно-междисциплинарного метода, уверенные в подвижной структуре суверенитета, выступающего количественным свойством политического актора [Leibniz 1988; Lapidoth 1992; Mac-Cormick 1993]. Импровизированная понятийная гибкость первоначально предполагала трансфер суверенного фонда по маршруту «государство-государство», что способствовало рождению таких дефиниций, как относительный суверенитет и полусуверенное государство⁴. С середины XVIII в. список политических игроков, способных «принимать на аутсорсинг» определенную часть суверенного фонда государства-нации, стал увеличиваться. Появление новых политических акторов предопределило начало процедуры экспроприации привилегированного права на суверенитет у государства-нации. Под знаменем либерального идеализма институту государственности было предъявлено обвинение в преступном обращении с суверенитетом, оживляющим дух национализма. В конечном счете для пропонентов дискретно-междисциплинарного метода суверенитет трансформировался в механическую привилегию как государственных, так и надгосударственных институтов. Идентифицированная операция стимулировала семиотическое вооружение суверенитета такими прилагательными, как «ослабевающий», «ограниченный», «многослойный», «фрагментированный» [Buzan, Little 2000, p. 359].

Необходимо подчеркнуть, что зафиксированная разность во взглядах на предрасположенность суверенитета к изменению своего агрегатного состояния была спровоцирована несходным восприятием сторонниками двух подходов таких базисных категорий политической науки, как государство и власть. Беря во внимание эти обстоятельства, для дальнейшей дифференциации исследовательских позиций и систематизации подходов к интерпретации суверенитета воспользуемся более строгой понятийно-категориальной матрицей, получившей название «Большие споры» в ТМО.

⁴См.: *Kreittmayr W.X.* Grundriß des Allgemeinen, Deutsch und Bayrischen Staatsrechtes. Leipzig: Crätz, 1769. 505 s.; *Moser J.J.* Versuch des neuesten Europäischen Völker-Rechts in Friends und Kriegs-Zeiten. Frankfurt a/M.: Varrentrapp und Wenner, 1777. 577 s.

Суверенитет в «больших спорах»

Следует сразу оговориться, что мировоззренческие основания проponentов дискретно-междисциплинарного метода сформированы либерально-идеалистической парадигмой, в то время как взгляды сторонников унитарно-междисциплинарного метода базируются на парадигме классического реализма.

С позиции методологии приверженцы унитарно-междисциплинарного метода выразили инструментальное предпочтение «традиционалистам», а сторонники дискретно-междисциплинарного метода – теоретико-практическим тактикам «модернистов».

Дискуссия вокруг двух базовых для общественных наук понятий (государства и власти) указала на асимметрию взглядов последователей унитарно-междисциплинарного и дискретно-междисциплинарного методов.

С точки зрения первых, потеря государством-нацией суверенитета не дисквалифицирует суверенитет как свойство, способствующее функционированию планетарного политического механизма. Таким образом, государство-нация остается генеральным актором в глобальной политике.

С точки зрения вторых, суверенитет необходимо аннулировать как эмблему тоталитарного государства, самостоятельность которого теряет смысл при глобализации, обожающей фантом *Ното economicus*.

С позиции эпистемологии проponentы унитарно-междисциплинарного и дискретно-междисциплинарного методов, солидаризируясь вокруг комбинированных позиций неореалистов и неолиберальных институционалистов, утверждают суверенитет как фрагмент объективной действительности, существующей независимо от познающего ее субъекта. Необходимо уточнить, что эпистемологический анализ, утвердив идейный паритет между представителями двух методических течений, стимулировал разногласие внутри одного из них. К примеру, доля проponentов *унитарно-междисциплинарного* метода, неодобрительно воспринявшая процедуру элиминации субъекта (интерпретатора) из процесса объективного постижения суверенитета (интерпретируемого), выразила свою приверженность рефлексивистским, постмодернистским и постструктуралистским трендам в эпистемологии. Подобная реабилитация полномочий субъекта (исследователя) превратила суверенитет (исследуемое) в «дискурс о суверенитете». В итоге использование дискурсивных практик в гармонии с принципом трансдисциплинарности (подразумевающим синтез всех междисциплинарных знаний и методов научного познания) открыло путь к адресному изучению профильных

референтов суверенитета, совпадающих с конкретными сферами внутригосударственной политики. Схожие представления о категориально-понятийном развитии суверенитета, в итоге, оформились в автономное *унитарно-трандисциплинарное* направление, оригинальность которого будет оценена далее.

Профильные референты: за и против

Приверженцы *унитарно-трандисциплинарного* направления уверены, что суверенитет, не являясь исключительно политическим явлением, содержит в себе и факультативные области социально-правовой жизни. Вместе с тем в идейной квинтэссенции суверенитета государства покоится отраслевой модулятор, активирующий различные сферы деятельности: юридическую, экономическую, социально-политическую, культурную, психологическую и другие [Кокошин 2015, с. 10].

В целях фокусирования внимания на изучаемой наукой сфере и спецификации области суверенитета, проponentы унитарно-трандисциплинарного течения внедряют факультативные части речи, маркирующие характерную черту объекта. Схожее оснащение суверенитета частными прилагательными, по мнению О.Ч. Реута, не перечит понятийной спецификации суверенитета, помогая верифицировать дискурсивную преданность исследователя к определенному категориально-понятийному аппарату, используемому в эпистемологическом сообществе [Реут 2007, с. 117].

Такое вооружение суверенитета специальными референтами спровоцировало отклик у проponentов *унитарно-междисциплинарного* течения, по скептическому наблюдению которых, динамичная раификация суверенитета указывает на его расщепляемость – диалектическое свойство для понятия, определяемого в терминах монолитности и несокрушимости [Терентьева 2017, с. 198; Черниченко 2010, с. 25–31].

Во избежание процедуры «делегирования» суверенного фонда разным внутригосударственным субъектам (области, городу, краю), провоцирующим соперничество вариативных «суверенитетов» (продовольственного, таможенного и др.), проponentы *унитарно-междисциплинарного* течения трактуют суверенитет лишь при тесном взаимодействии с государством-нацией [Пастухова 2013, с. 362]. Более того, для сторонников *унитарно-междисциплинарного* направления бескомпромиссными выступают и моменты «о фиксированном числе ответвлений суверенитета [Терентьева

2017, с. 198]», а также «об алгоритме их появления и порядке жизнедеятельности [Черниченко 2010, с. 25–31]».

Парируя предъявленные реплики, проponentы *унитарно-трансдисциплинарного* течения отмечают, что государственный суверенитет монолитен и автономен, а прикрепление тематических прилагательных объясняет конкретную область функциональной активности политического актора [Овчинников 2011, с. 6–9]. Следовательно, профильные составляющие единого суверенитета государства выступают операционными деривативами, не имеющими права на принятие самостоятельного решения [Шахматьев 2013, с. 76].

Алгоритм образования

Сосредоточившись на доводах внутрисистемных противников о бесчисленном количестве оттенков суверенитета, сформируем генеральные характеристики образования профильного референта суверенитета. Центральным условием выступает органическая увлеченность эпистемологического сообщества определенной сферой суверенитета, подтверждаемая динамичными темпами публикационной деятельности ученых и экспертов. Следующим условием является появление квалифицированного специалиста по конкретному направлению суверенитета, обладающего тематическими дискурсивными практиками. Финальным условием выступает строгий запрет на процесс сепарации суверенитета «по субъекту», утверждающий автономию за появившимися «объектами». В итоге только приверженность отмеченным условиям конституирует профильную область суверенитета. Несоблюдение одного из выработанных законов ведет к экстремному отстранению любого профиля государственного суверенитета, требующего обретения особого положения.

К профильным ответвлениям суверенитета, отвечающим сегодня сразу трем фундаментальным правилам селекции, относятся: *правовой суверенитет* [Бредихин 2011], *экономический суверенитет* [Kurek 2016], *фискальный суверенитет* [Шахматьев 2013], *финансовый суверенитет* [Zimmermann 2013], *ресурсный суверенитет* [Schrijver 1997], *таможенный суверенитет* [Овчинников 2011], *энергетический суверенитет* [Симонов 2007], *технологический суверенитет* [Maxigas 2018], *продовольственный суверенитет* [Чугров, Малов 2019], *информационный суверенитет* [Yeli 2017].

В перечень профильных ответвлений суверенитета, частично отвечающих требованиям, входят: *суверенитет духа* [Матвейчев 2009], *цивилизационный суверенитет* [Золкин 2016], *интеллекту-*

альный суверенитет [Карнаушенко 2015], *идеологический суверенитет* [Сердюков, Фролова 2015].

В совокупности первые три кандидата на обладание профильным званием исключаются за несоблюдение критерия об умышленном созидаании опорного «субъекта» суверенитета, за исключением конвенциональных (государства, народа и нации). Например, в ситуации с интеллектуальным суверенитетом мыслится обладатель интеллекта, поэтому создается инновационный субъект – индивид или бог. Заключительный претендент не отвечает второму закону, закрепляющему за идеологией статус ложной формы сознания.

Для визуального комфорта отразим субординацию видов государственного суверенитета, соотнесенных с профильными областями его компетентного изучения. Выстроенная на рис. 1 классификация выступит ассистентом в вопросе функциональной активности профильной области суверенитета (части), влияющего на фазовое состояние суверенитета государства (целого).

Рис. 1. Координация ответвлений суверенитета государства с профильными сферами его изучения. Составлено автором

Алгоритм функционирования

Статусное обретение суверенитета, подразумевающее качественную активизацию верховенства самодостаточности и автономии, активизируется в процессе формирования стратегии по реставрации правосубъектности политического актора. Вместе с тем рождение профильного референта выступает операцией трансформации суверенитета из спекулятивного механизма оживления внешней автономии государства, в компетентную тактику обновления «экзогенной среды» политической системы.

Беря в расчет обусловленность всех «профессиональных спутников суверенитета», благополучное осуществление одной отраслевой программы предопределяется успешной реализацией другой. Например активизация продовольственного суверенитета невозможно без обретения таможенного, ресурсного, энергетического, технологического и экономического суверенитетов. Снискание последнего подразумевает, в свою очередь, наличие у субъекта финансового, правового, информационного и фискального суверенитетов. Согласованность десяти субординированных членов, таким образом, ведет к совокупной реализации генеральной антикризисной задачи по активированию политическим актором верховенства, самодостаточности и автономии (см. рис. 1).

Идентифицированная взаимозависимость профильных спутников подтверждает безрезультативность актов задействования их в качестве количественных барометров, определяющих политическую состоятельность государства, и обесценивает заряд различных математических методов. Следовательно, для успешной реализации «общего» суверенитета отсутствует процедурная необходимость в квантификации, так как достаточно лишь в полном объеме материализовать один из его частных профильных компонентов. Однако это не говорит о том, что аккумулированный резерв ресурсов, предназначенных для реализации стратегии по реанимации государственной правосубъектности, должен быть направлен в отношении лишь одной профильной сферы. Наоборот, воплощение общего суверенитета предполагает одномоментную, симметрично распределенную деятельность по всем его профильным направлениям. Отмеченная стратегия, согласовываясь с методом восхождения от абстрактного к конкретному, способствует обретению государством реального суверенитета [Кокошин 2015, с. 10–11]. Вместе с тем бойкотирование профильной спецификации суверенитета способствует государству-нации обрести лишь фальшивое звание субъекта международных отношений и мировой политики.

Summa summarum

В рамках настоящего исследования было установлено, что альтернативные взгляды на «двухстороннюю структуру» суверенитета делают содержание этого понятия более объемным. Одним из доказательств такого положения дел выступает весьма распространенная в науке о международных отношениях классификация С. Краснера. Этап подробного рассмотрения последней, однако, не смог закрепить за типологией известного американского ученого приверженности основному научному принципу – объективности. С целью преодолеть «авторский субъективизм», приведший к избирательному деактивированию одного из двух элементов суверенитета (внешнего), было принято решение о теоретическом конструировании специальных подходов к пониманию суверенитета. Основанием для новой систематизации выступили сразу два принципа: признание/непризнание концептуальной автономии за отделившимися друг от друга (внешней и внутренней) сторонами суверенитета; ориентация на принцип междисциплинарности (предполагающий транзит методов исследования из одной научной дисциплины в другую)/трандисциплинарности (настаивающий на синтезе всех моно- и междисциплинарных знаний) при анализе суверенитета.

Для выявления сторонников и оппонентов каждого из сформированных подходов и описания разности их исследовательских позиций (эпистемологических, теоретических, методологических, онтологических) было решено применить более строгую понятийно-категориальную матрицу, известную в политической науке под словосочетанием «Большие споры». Использование последней стало примером небезуспешной попытки проведения «методологической триангуляции», не став при этом элементарным суммированием трактовок суверенитета представителями различных парадигм и школ в ТМО, что в подобном случае привело бы к пятикратному увеличению самих подходов к интерпретации суверенитета.

Последующая фиксация разночтений в методологической и эпистемологической областях послужила поводом для образования нового подхода, открывающего путь к адресному изучению «профильных референтов суверенитета». Движение в аналогичном исследовательском направлении представляется должным восполнением пробела в классификации С. Краснера – детализацией потенциала «внутренней» стороны суверенитета, ориентированной на разрешение проблем в конкретной, материальной сфере общественно-политического союза. Таким образом, квалифицирован-

ное и адресное действие суверенитета (средства) пропорционально рассредоточенному по десяти равнозначным и взаимозависимым областям внутригосударственной политики (цели), позволяет современному государству активировать не только «внешний», но и «внутренний» суверенитет и обрести статус полноценного субъекта мировой политики.

Литература

- Almond et al. 2002 – *Almond, G. et al.* Comparative politics today: a world view. New York: Longman Pub Group, 2002. 802 p.
- Bull 2002 – *Bull H.* The anarchical society. A study of order in world politics. N.Y.: Columbia University Press, 2002, 329 p.
- Buzan & Little 2000 – *Buzan B. & Little R.* International systems in world history: Remaking the study of international relations. Oxford: Oxford University Press, 2000. 452 p.
- James 1999 – *James A.* The practice of sovereign statehood in contemporary international society // Political Studies. 1999. Vol. 47. No. 3. P. 457–473.
- Habermas 1996 – *Habermas J.* The European nation state. Its achievements and its limitations. On the past and future of sovereignty and citizenship // Ratio Juris. 1996. Vol. 9. No. 2. P. 125–137.
- Keohane 2003 – *Keohane R.* Political authority after intervention. Gradations in sovereignty // Humanitarian Intervention / Ed. by J.L. Holzgrefe and R. Keohane. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 275–298.
- Krasner 1995 – *Krasner S.* Compromising Westphalia // International Security. 1995. Vol. 20. No. 3. P. 115–151.
- Krasner 1999 – *Krasner S.* Sovereignty. Organized hypocrisy. Princeton: Princeton University Press, 1999. 280 p.
- Krasner 2004 – *Krasner S.* Sharing sovereignty. New institutions for collapsed and failing states // International Security. 2004. Vol. 29. No. 2. P. 85–120.
- Krasner 2011 – *Krasner S.* Foreword. Varieties of sovereignty // The future of United States, China, and Taiwan relations / Ed. by Cheng-yi Lin and D. Roy. New York: Palgrave Macmillan. 2011. P. VII–XVII.
- Krasner 2017 – *Krasner S.* The persistence of state sovereignty // International politics and institutions in time / Ed. by K. Orfeo Fiorettes. Oxford: Oxford University Press. 2017. P. 39–59.
- Kurek 2016 – *Kurek T.E.* Economic sovereignty: Prosperity in a free society. Reston: Alvarian Press, 2016. 354 p.
- Lapidoth 1992 – *Lapidoth R.* Sovereignty in transition // Journal of International Affairs. 1992. Vol. 45. No. 2. P. 325–346.
- Leibniz 1988 – *Leibniz G.W.* Political writings. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 264 p.

- MacCormick 1993 – *MacCormick N.* Beyond the sovereign state // The Modern Law Review. 1993. Vol. 56. No. 1. P. 1–18.
- Maxigas 2018 – *Maxigas P.* Keeping technological sovereignty. The case of internet relay chat // Technological sovereignty / Ed. by A. Hache. Barcelona: Ritimo foundation. 2018. P. 67–81.
- Schmit 1985 – *Schmit C.* Political theology: Four chapters on the concept of sovereignty, Cambridge: MIT Press. 1985. 70 p.
- Schrijver 1997 – *Schrijver N.* Sovereignty over natural resources: Balancing rights and duties, Cambridge: Cambridge University Press. 1997. 452 p.
- Yeli 2017 – *Yeli H.* A three-perspective theory of cyber sovereignty // PRISM. 2017. Vol. 7. No. 2. P. 109–115.
- Zimmermann 2013 – *Zimmermann C.D.* The concept of monetary sovereignty revisited // The European Journal of International Law. 2013. Vol. 24. No. 3. P. 797–818.
- Бредихин 2011 – *Бредихин А.Л.* Суверенитет как политико-правовой феномен. М.: Инфра-М, 2011. 121 с.
- Золкин 2016 – *Золкин А.Л.* Цивилизационный суверенитет России как философская проблема // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 24–27.
- Иванов 2010 – *Иванов В.В.* Теория государства. М.: Изд-во ВШЭ, 2010. 288 с.
- Карнаушенко 2015 – *Карнаушенко Л.В.* Интеллектуальный суверенитет государства и проблема его обеспечения в обществе начала XXI в. // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 10–14.
- Кокошин 2015 – *Кокошин А.А.* Национальные интересы, реальный суверенитет и национальная безопасность // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 5–19.
- Левин 2003 – *Левин И.Д.* Суверенитет. СПб.: Юридический центр Пресс. 2003. 373 с.
- Леонов 2013 – *Леонов А.С.* Государственный суверенитет: этимология и предыстория развития концепта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3. С. 131–135.
- Львов 2012 – *Львов Л.В.* Проектирование учебно-методического комплекса: от дисциплинарного к трансдисциплинарному подходу // Вестник ЧГАА. 2012. Т. 62. С. 158–167.
- Матвейчев 2009 – *Матвейчев О.* Суверенитет духа. М.: Эксмо, 2009. 448 с.
- Моисеев 2014 – *Моисеев А.А.* О некоторых взглядах на суверенитет // Право и государство. 2014. № 4 (65). С. 74–79.
- Овчинников 2011 – *Овчинников С.Н.* Таможенный суверенитет: верховенство государственной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 3. С. 6–9.
- Пастухова 2013 – *Пастухова Н.Б.* Государственный суверенитет: история и современность. М.: Аспект Пресс. 2013. 366 с.
- Реут 2007 – *Реут О.Ч.* Прилагательные суверенитета: суверенитет как прилагательное // Полис: Политические исследования. 2007. № 3. С. 115–124.
- Сердюков, Фролова 2015 – *Сердюков В.А., Фролова В.Б.* Экономика России и правовое обеспечение // Путеводитель предпринимателя. 2015. № 26. С. 253–258.

- Симонов 2007 – *Симонов К.В.* Глобальная энергетическая война. М.: Алгоритм, 2007. 272 с.
- Терентьева 2017 – *Терентьева Л.В.* Концепция суверенитета государства в условиях глобализационных и информационно-коммуникационных процессов // *Право: Журнал Высшей школы экономики.* 2017. № 1. С. 187–200.
- Цымбурский 1993 – *Цымбурский В.Л.* Идея суверенитета в посттоталитарном контексте // *Полис: Политические исследования.* 1993. № 1. С. 194–202.
- Черниченко 2010 – *Черниченко С.В.* Делим ли государственный суверенитет? // *Евразийский юридический журнал.* 2010. № 12. С. 25–31.
- Чугров, Малов 2019 – *Чугров С.В., Малов А.В.* Продовольственный суверенитет и воспитание: гармонизация по-японски // *Вестник РУДН. Серия: Социология.* 2019. № 4. С. 665–677. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-4-665-677>.
- Шахматетьев 2013 – *Шахматетьев А.А.* Налоговый суверенитет и налоговая юрисдикция государства // *Современное право.* 2013. № 3. С. 76–81.

References

- Almond, G. et al. (2002), *Comparative politics today. A world view*, Longman Inc., New York, USA.
- Bredikhin, A.L. (2011), *Suverenitet kak politiko-pravovoi fenomen* [Sovereignty as a political and legal phenomenon], Infra-M, Moscow, Russia.
- Bull, H. (2002), *The anarchical society. A study of order in world politics*, Columbia University Press. Columbia, USA.
- Buzan B. and Little, R. (1998), *International systems in world history. Remaking the study of international relations*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Chernichenko, S.V. (2010), “Is sovereignty of a state divisible?”, *Eurasian Law Journal*, no. 12, pp. 25–31.
- Chugrov, S.V. and Malov, A.V. (2019), “Food sovereignty and education. A Japanese type of harmonization”, *RUDN Journal of Sociology*, no. 4, pp. 665–677, DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-4-665-677>.
- James, A. (1999), “The practice of sovereign statehood in contemporary international society”, *Political Studies*, vol. 47, no. 3, pp. 457–473.
- Habermas, J. (1996), “The European nation state. Its achievements and its limitations. On the past and future of sovereignty and citizenship”, *Ratio Juris*, vol. 9, no. 2, pp. 125–137.
- Ivanov, V.V. (2010), *Teoriya gosudarstva* [Theory of the state], HSE Publishing House, Moscow, Russia.
- Karnaushenko, L.V. (2015), “The intellectual sovereignty of the state and the issue of its security in the society of the 21st century”, *Society and Law*, vol. 54, no. 4, pp. 10–14.

- Keohane, R. (2003), "Political authority after intervention. Gradations in sovereignty", in Holzgrefe, J.L. and Keohane, R. (eds.), *Humanitarian Intervention*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 275–298.
- Kokoshin, A. (2015), "National interests, real sovereignty and national security", *Questions of philosophy*, no. 10, pp. 5–19.
- Krasner, S. (1995), "Compromising Westphalia", *International Security*, vol. 20, no. 3, pp. 115–151.
- Krasner, S. (1999), *Sovereignty. Organized hypocrisy*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Krasner, S. (2004), "Sharing sovereignty. New institutions for collapsed and failing states", *International Security*, vol. 29, no. 2, pp. 85–120.
- Krasner, S. (2011), "Foreword. Varieties of sovereignty", in Cheng-yi Lin and Roy, D. (eds.), *The future of United States, China, and Taiwan relations*, Palgrave Macmillan, New York, USA, pp. VII–XVII.
- Krasner, S. (2017), "The persistence of state sovereignty", in Orfeo Fiorettes, K. (ed.), *International politics and institutions in time*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 39–59.
- Kurek, T.E. (2016), *Economic sovereignty. Prosperity in a free society*, Alvarian Press, Reston, USA.
- Lapidoth, R. (1992), "Sovereignty in transition", *Journal of International Affairs*, vol. 45, no. 2, pp. 325–346.
- Leibniz, G.W. (1988), *Political writings*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Levin, I.D. (2003), *Suverenitet* [Sovereignty], Legal Center Press, Saint Petersburg, Russia.
- Leonov, A.S. (2013), "State sovereignty. Etymology and prehistory of the concept", *Bulletin of the Lobachevsky Nizhny Novgorod University*, no. 3, pp. 131–135.
- Lvov, L.V. (2012), "Designing an educational complex, from disciplinary to trans disciplinary approach", *Bulletin of the Chelyabinsk Agroengineering*, vol. 62, pp. 158–167.
- MacCormick, N. (1993), "Beyond the sovereign state", *The Modern Law Review*, vol. 56, no. 1, pp. 1–18.
- Matveychev, O. (2009), *Suverenitet dukha* [Sovereignty of the spirit], Eksmo, Moscow, Russia.
- Maxigas, P. (2018), "Keeping technological sovereignty. The case of internet relay chat", in Hache, A. (ed.), *Technological sovereignty*, Ritimo foundation, Barcelona, Spain, pp. 67–81.
- Moiseev, A.A. (2014), "About some views on sovereignty", *Law and State*, vol. 65, no. 4, pp. 74–79.
- Ovchinnikov, S.N. (2011), "Custom sovereignty. The supremacy of state power", *State power and local government*, no. 3, pp. 6–9.
- Pastukhova, N.B. (2013), *Gosudarstvennyi suverenitet: istoriya i sovremennost'* [State sovereignty. History and modern times], Aspect Press, Moscow, Russia.
- Reut, O.Ch. (2007), "Adjectives of sovereignty. Sovereignty as an adjective", *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 115–124.

- Schmit, C. (1985), *Political theology. Four chapters on the concept of sovereignty*, MIT Press, Cambridge, UK.
- Schrijver, N. (1997), *Sovereignty over natural resources, Balancing rights and duties*, CU Press, Cambridge.
- Serdyukov, V.A. and Frolova, V.B. (2015), “The economy of Russia and legal support”, *Guide of the entrepreneur*, no. 26, pp. 253–258.
- Shakhmametyev, A.A. (2013), “Tax sovereignty and tax jurisdiction of the state”, *Modern Law*, no. 3, pp. 76–81.
- Simonov, K.V. (2007), *Global'naya ehnergeticheskaya voina* [Global energy war], Algorithm, Moscow, Russia.
- Terentyeva, L.V. (2017), “Concept of the state sovereignty in the conditions of global and information communication processes”, *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no. 1, pp. 187–200.
- Tsybursky, V.L. (1993), “The idea of sovereignty in a post-totalitarian context”, *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 194–202.
- Yeli, H. (2017), “A three-perspective theory of cyber sovereignty”, *PRISM*, vol. 7, no. 2, pp. 109–115.
- Zimmermann, C.D. (2013), “The concept of monetary sovereignty revisited”, *The European Journal of International Law*, vol. 24, no. 3, pp. 797–818.
- Zolkin, A.L. (2016), “Civilizational sovereignty of Russia as a philosophical issue”, *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 2, pp. 24–27.

Информация об авторе

Александр В. Малов, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; malov.pvo@gmail.com

Information about the author

Alexander V. Malov, Cand. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; malov.pvo@gmail.com

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327.51

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-67-79

Особенности итало-хорватских отношений в контексте европейской интеграции и расширения Североатлантического альянса

Норайр А. Сараджян

МГИМО МИД России, Москва, Россия,

norair.saradzhan@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению роли Италии в процессе присоединения Хорватии к евроатлантическим институтам. Цель работы состоит в том, чтобы на примере итало-хорватских отношений определить роль стран Европы в процессе европейской интеграции постсоциалистических государств и их вступлении в НАТО. В рамках исследования были подробно рассмотрены труды и высказывания ведущих итальянских ученых и политиков, касающиеся оценки места Балканского региона во внешней политике Италии. Последовавший далее детальный анализ двустороннего сотрудничества государств помог определить ключевые области взаимодействия, повлиявшие на сближение Загреба с Европейским союзом и Североатлантическим альянсом. В конечном итоге был сделан вывод, что Италия сыграла весомую роль в интеграционных процессах Хорватии, предприняв в рамках итало-хорватских отношений несколько основных шагов, которые ускорили вступление западнобалканской республики в ЕС и НАТО. Каждый из вышеупомянутых пунктов межгосударственного взаимодействия был детально рассмотрен для более точного выявления особенностей отношений двух стран в контексте расширения евроатлантических институтов. По результатам исследования была определена универсальная модель сотрудничества, которая в дальнейшем может быть использована также и для изучения других аналогичных случаев.

Ключевые слова: Италия, Хорватия, сотрудничество, интеграция, ЕС, НАТО

Для цитирования: Сараджян Н.А. Особенности итало-хорватских отношений в контексте европейской интеграции и расширения Североатлантического альянса // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 3. С. 67–79. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-67-79

© Сараджян Н.А., 2023

Features of Italian-Croatian relations in the context of European integration and the expansion of the North Atlantic Alliance

Norair A. Saradzhian

MGIMO University, Moscow, Russia, norair.saradzhian@gmail.com

Abstract. The article is about studying the role of Italy in the process of Croatia's accession to the Euro-Atlantic institutions. The purpose of the work is to determine the role of European countries in the process of European integration of post-socialist states and their entry into NATO, using the example of Italian-Croatian relations. The study considered in detail the works and statements of leading Italian scientists and politicians regarding the assessment of the place of the Balkan region in Italy's foreign policy. The subsequent detailed analysis of the bilateral cooperation of the states helped to identify the key areas their interaction that influenced the rapprochement of Zagreb with the European Union and the North Atlantic Alliance. Ultimately, it was concluded that Italy played a significant role in the integration processes of Croatia, taking several major steps within the framework of Italian-Croatian relations that accelerated the entry of the Western Balkan republic into the EU and NATO. Each of the above points of interstate interaction was considered in detail in order to more accurately identify the specifics of relations between the two countries in the context of expanding Euro-Atlantic institutions. Based on the results of the study, a universal model of cooperation was determined, which can later be used to study other similar cases.

Keywords: Italy, Croatia, cooperation, integration, EU, NATO

For citation: Saradzhian, N.A. (2023), "Features of Italian-Croatian relations in the context of European integration and the expansion of the North Atlantic Alliance", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 67–79, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-67-79

Введение

В конце XX в. международные отношения переживали одну из самых масштабных перестроек в мировой истории. Смена биполярного мира многополярным и распад социалистических режимов подтолкнули руководства европейских государств к активизации своей внешней политики и выстраиванию диалога с новыми пост-социалистическими республиками.

Одной из таких стран, желающих пересмотреть свое место в мировой политике, была Италия. Территориальное расположение, историческая связь и культурная близость определили Балканы как одно из ключевых направлений итальянской внешней политики.

Сотрудничество стран Западной Европы со странами постсоциалистического лагеря стало одной из основных причин улучшения политической и экономической ситуаций в новых республиках. Выгодное взаимодействие делает западные интеграционные процессы привлекательными для стран Восточной Европы и по сей день.

Таким образом, актуальность темы исследования обуславливается дальнейшим расширением сотрудничества ведущих европейских стран-членов ЕС и НАТО со странами постсоциалистического лагеря и вовлечением их в зону своего влияния.

Данный вопрос представляет научный интерес в связи со своей актуальностью и отсутствием универсальной модели сотрудничества европейских государств с бывшими странами социалистического лагеря, в результате которого последние становятся членами Европейского союза и Североатлантического альянса. Отсутствие такой модели объясняет также и практическую значимость данного исследования.

Теоритическая основа исследования опирается на функциональный подход к определению средней державы, согласно которому государство среднего уровня способно влиять на международные процессы и вносить изменения в структуру международного порядка [Сагг 2014, р. 79].

Цель данной работы: определить роль стран Европы в процессе европейской интеграции постсоциалистических государств и их вступлении в НАТО на примере итало-хорватских отношений.

Балканский регион в итальянской политической науке

Постепенный распад социалистического лагеря подтолкнул власти Италии начать обсуждение о серьезном пересмотре внешней политики страны. Министр иностранных дел республики Джанни Де Микелис в своем выступлении в комиссии по иностранным делам Палаты депутатов итальянского парламента в сентябре 1989 г. обозначил две перспективы развития Европы. Глава Фарнезины полагал, что Запад должен включить страны Восточной Европы в свои структуры, иначе сам будет поглощен Востоком. Он выделил три возможных направления европейской внешней политики: балкано-дунайское, средиземноморское и «галльское» западноевро-

пейское. Де Микелис был убежден, что в новом мировом порядке Италия должна была выступить в качестве «протагониста» и занять одно из ведущих положений в мировой политике¹.

Вместе с окончанием «холодной войны» в Италии активизировались дискуссии на тему членства страны в различных альянсах. Одним из первых по этому вопросу высказался военный эксперт Карло Жан. Он утверждал, что в ближайшем будущем НАТО продолжит играть основополагающую роль для обеспечения безопасности Италии. Такой вывод связан с продолжающимся продуктивным тесным сотрудничеством Рима и Вашингтона в Средиземноморском регионе. В свою очередь, Европа может служить основой итальянской безопасности только в том случае, если Италия, проводя свою восточную политику, будет координировать свои действия с Германией. Исходя из этого, Италия в нынешнем балканизированном мире должна сконцентрировать все свои ресурсы на сотрудничестве с Россией, Украиной и Восточной Европой. Это, по мнению Карло Жана, поможет Риму увеличить свой вес как в НАТО, так и в ЕС [Jean 1994, p. 205].

Тему итальянской восточной политики чуть позже в своей статье продолжил бывший министр юстиции Италии Пьеро Фассино. Основную часть своей работы он посвятил Балканскому направлению. Стабильность в регионе, по его мнению, может обеспечить лишь экономическое и военное присутствие ЕС и НАТО. В свою очередь, стратегия Италии на полуострове должна быть направлена на укрепление межгосударственного сотрудничества. Именно поэтому ее задача – стимулировать региональные отношения и взаимосвязь между народами. Весомый вклад в решение данного вопроса, по мнению Фассино, может сделать ОБСЕ. Еще одним немаловажным инструментом регионального сотрудничества является Центрально-европейская инициатива – крупнейшая в этом регионе организация, которая может сыграть ключевую роль как для объединения стран, которые собираются вступить в ЕС и НАТО, со странами, для которых перспектива вступления еще далека, так и для стимулирования и поддержки политического и экономического перехода государств Центральной и Юго-Восточной Европы. В рамках Центрально-европейской инициативы Италия стала главным политическим и экономическим партнером Хорватии [Fassino 1998, p. 265].

Балканское направление итальянской внешней политики оставалось актуальным и в последующие годы. В мае 2000 г. постоян-

¹Зюнова Т.В. История внешней политики Италии: Учебник. М., 2016. С. 242.

ный представитель Италии в Североатлантическом совете Амедео де Франкис заявил, что поддерживать мир на Балканах под силу только НАТО, которая имеет в регионе 60 тыс. своих военнослужащих. Именно поэтому Балканский регион занимает центральное место в Североатлантическом альянсе, а Италия, в свою очередь, играет ведущую роль на Балканах и в стратегии, разрабатываемой НАТО для этого региона².

8 июня 2000 г. в своей речи перед Сенатом министр иностранных дел Италии Ламберто Дини продолжил идею «протагонизма», которую в свое время озвучил в парламенте Джанни Де Микелис. По мнению Дини, на смену биполярному миру пришел «мир протагонистов», в котором у Италии есть свои определенные зоны ответственности. Одним из ключевых направлений итальянской внешней политики, помимо евроинтеграции Центральной и Восточной Европы, является Балканский регион. По словам главы МИД Италии, у Рима на Балканах есть две цели: обеспечить стабильность на полуострове и привнести в страны региона гражданские ценности и демократию. Эти цели Италия намеревалась достичь с помощью Адриатической инициативы³.

Тему Балкан и итальянской внешней политики 20 января 2001 г. продолжил основатель журнала *Limes* Лучо Караччоло. Рассматривая Балканский полуостров в качестве транзитного региона, Караччоло выделил три измерения: евразийское, евро-средиземноморское и итало-европейское.

В первом случае Балканский регион можно определить как «систему трех морей» (Каспийского, Черного и Средиземного). Речь тут идет о транзите различных энергоресурсов через территорию Балканского полуострова. По мнению Караччоло, Балканы могут соединить богатую ресурсами зону Каспийского моря с Западной Европой.

Евро-средиземноморское измерение предполагает, что Балканы предназначены для связи северной части Европы со средиземноморской. В основном это касается Греции, которая культурно и исторически связана с Западной Европой, но находится вдали от нее. Поэтому Италия заинтересована в том, чтобы вовлечь весь

²См.: *De Franchis A. Italy in the Balkans // NATO Review. 2000. September 1. URL: <https://www.nato.int/docu/review/2000/Building-stability-Balkans/Italy-in-the-Balkans/EN/index.htm> (дата обращения 20.01.2023).*

³См.: *Intervento del Ministro degli Affari Esteri, Onorevole Lamberto Dini, alla Commissione Affari Esteri del Senato della Repubblica sulle priorità della politica estera italiana // Testi e Documenti sulla politica estera dell'Italia / Servizio storico archivi e documentazione. Roma, 2000. P. 62.*

Балканский полуостров в процесс евроинтеграции и завершить его вступлением стран региона в Европейский союз.

В итало-европейском измерении с геополитической точки зрения Балканы для Италии имеют точно такой же статус, как Польша и Чехия для Германии. Стабилизация и экономическая интеграция региона имеет для Рима основополагающее значение. Для достижения данной цели Италии необходимо откорректировать свою Адриатическую политику и укрепить свое присутствие в Адриатико-Балканском регионе [Cagacciolo 2001].

Окончание холодной войны дало Италии возможность проводить более самостоятельную и соответствующую ее национальным интересам внешнюю политику, в которой одну из ключевых позиций занимал Балканский полуостров. Урегулирование ситуации на Балканах воспринималось Римом не только как решение вопроса собственной безопасности, но и как персональная ответственность перед всей остальной Европой. Италия взяла на себя обязанность поддерживать мир в регионе, бороться с ростом криминала и развивать демократические институты в странах полуострова. Также, помимо этого, итальянские лидеры обещали Балканским народам помощь в ускорении процессов интеграции в НАТО и ЕС. Таким образом, можно сказать, что в Риме Балканы определяются как зона личных интересов, а сама Италия себя позиционирует в качестве главного партнера для стран региона.

Италия и Хорватия: от югославского кризиса до евроинтеграции

20 января 1990 г. на XIV съезде Союза коммунистов Югославии представители республик потребовали от Белграда трансформировать СФРЮ в равноправную конфедерацию. Однако сербская делегация отказалась выполнять эти условия, чем подтолкнула хорватов и словенцев выйти из Союза [Pauković 2008, p. 23]. В этом же году в Словении и Хорватии состоялись первые свободные выборы, на которых победили правые партии. Все это привело к тому, что 25 июня 1991 г. Хорватия и Словения приняли декларации о независимости⁴.

⁴The Conflicts // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. URL: <https://www.icty.org/en/about/what-former-yugoslavia/conflicts> (дата обращения 22.01.2023).

Сразу после провозглашения независимости Словении и Хорватии министры иностранных дел Италии и ФРГ Джанни Де Микелис и Ганс-Дитрих Геншер провели телефонный разговор со своим югославским коллегой Будимиром Лончаром, в ходе которого заявили, что для Италии и Германии в качестве субъекта международного права остается признанной только СФРЮ [Барабанов 2002, с. 53].

Продолжая политику приверженности территориальной целостности СФРЮ, Джанни Де Микелис вместе со своими коллегами из Нидерландов и Люксембурга Хансом Ван ден Бруком и Жаком Посом в качестве представителя ЕЭС выступил посредником в ходе подписания Брионской декларации между Словенией, Хорватией и Югославией. По соглашению, подписанному 7 июля 1991 г., было объявлено о прекращении боевых действий в Словении, контроль над границами которой передавался в руки словенской полиции. Также было приостановлено вступление в силу деклараций о независимости двух республик, а на границах было восстановлено состояние, существовавшее до 25 июня 1991 г. [Анникова, Радусинович 2015, с. 95].

В начале января 1992 г. югославская народная армия начала обстрел хорватской части Истрии. Италия осудила действия Белграда и потребовала прекратить бомбардировку заселенных преимущественно итальянцами территорий⁵. Данный эпизод стал одной из главных причин ускорения процесса признания независимости Хорватии и Словении со стороны Европейского сообщества и изменения позиции Италии по данному вопросу.

15 января 1992 г. все члены ЕЭС, а также Австрия, Болгария, Канада, Венгрия, Мальта, Польша и Швейцария признали независимость Республики Хорватия⁶. В тот же день министры иностранных дел Италии и Хорватии подписали в Риме Меморандум о взаимопонимании по вопросу защиты итальянских меньшинств в Словении и Хорватии. Стороны обязались поддерживать равное отношение к итальянскому меньшинству в обоих государствах, а также признать *Unione Italiana* единственной организацией, представляющей интересы итальянцев, проживающих в этих странах. Хорватия и Словения, по документу, также обязывались обеспе-

⁵См.: *Ansaldo M.* L'Italia: "basta bombe sull'Istria" // *La Repubblica.it*. 1992. Gennaio 4. URL: <https://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/1992/01/04/italia-basta-bombe-sull-istria.html?ref=search> (дата обращения 22.01.2023).

⁶См.: День международного признания Хорватии // *Calend.ru*. URL: <https://www.calend.ru/holidays/0/0/1771/> (дата обращения 22.01.2023).

чить свободу перемещения, свободу труда и защиту от дискриминации на территориях, где проживает итальянское меньшинство⁷.

Несмотря на подписание вышеупомянутого документа, в середине 1990-х гг. в Хорватии началось очевидное ущемление прав итальянского меньшинства. Правительство страны подняло вопрос о продаже имущества итальянских беженцев, которое они оставили на территории республики. Власти Италии вынуждены были вмешаться, чтобы как можно скорее урегулировать данную ситуацию.

Окончательно вопрос с итальянским населением Хорватии решился в 1996 г., когда Рим и Загреб подписали Договор о правах меньшинств, согласно которому Хорватия обязалась уважать права итальянского меньшинства в соответствии с международными и внутренними документами, обеспечить единообразие правового режима для итальянского меньшинства на своей территории. Вдобавок к вышеперечисленному Загреб гарантировал свободу перемещения, свободу труда и защиту гражданам Словении с итальянскими корнями. В свою очередь, Италия обязалась предоставить хорватскому автохтонному меньшинству право создавать культурные учреждения и ассоциации⁸.

После смерти Франьо Туджмана в конце 1999 г. в Италии начали видеть в Хорватии перспективу ускорения демократизации страны. В этой связи 6 апреля 2000 г. в Риме с совместным заявлением выступили министры иностранных дел Италии и Хорватии Ламберто Дини и Тонино Пицула. Министры объявили о своем намерении превратить простые двусторонние отношения между их странами в партнерские, к укреплению которых приведут демократические изменения в Хорватии. Дини заявил, что Рим окажет Загребу поддержку в вопросах заключения соглашения об ассоциации и стабилизации Хорватии с ЕС, а также участия хорватских военных в программе НАТО «Партнерство ради мира». В свою очередь, Пицула обозначил соответствие требованиям евроатлантических институтов и вступление в них одними из главных целей Хорватии⁹.

⁷См.: Memorandum of understanding among Croatia, Italy and Slovenia on the protection of the Italian minority in Croatia and Slovenia // Archivio dei Trattati internazionali Online. URL: <https://itra.esteri.it/Search/Allegati/46999> (дата обращения 22.01.2023).

⁸См.: Trattato sui diritti delle minoranze // Archivio dei Trattati internazionali Online. URL: <https://itra.esteri.it/Search/Allegati/43858> (дата обращения 22.01.2023).

⁹См.: Dichiarazione congiunta italo-croata / Servizio storico archivi e documentazione // Testi e Documenti sulla politica estera dell'Italia. Roma, 2000. P. 176.

19 мая 2000 г. Италия и Хорватия подписали Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности. Данный документ предусматривал проведение совместных учений, обмен военнослужащими, а также установление постоянной координации между военно-морскими силами стран. Помимо этого, соглашение включало в себя пункты о создании общих программ производства военного оборудования и организации совместных групп экспертов для проведения исследований в Адриатике¹⁰.

Через месяц после подписания совместной итало-хорватской декларации Хорватия присоединилась к программе «Партнерство ради мира» и стала членом Совета Евроатлантического партнерства [Tatalović 2003, p. 211]. В октябре 2001 г. между ЕС и Хорватией было подписано соглашение об ассоциации и стабилизации, а в 2003 г. Загреб официально подал заявку на вступление в Европейский союз¹¹. За активное участие в учениях НАТО в апреле 2008 г. во время Бухарестского саммита альянса Хорватия получила официальное приглашение вступить в организацию. В марте 2009 г. парламент республики ратифицировал Североатлантический договор, а 1 апреля Хорватия стала полноправным членом НАТО [Šimunović 2015, p. 175].

В том же году между Италией и Хорватией был подписан меморандум о сотрудничестве между правительствами республик. В целях дальнейшего укрепления отношений в рамках программы ассоциации Хорватии с Европейским союзом стороны договорились создать Координационный комитет министров, отвечающих за внешнюю политику, промышленность, энергетику, окружающую среду, сельское хозяйство и образование. Данный комитет собирался не менее одного раза в год и по итогам своей работы предоставлял правительствам стран рекомендации по решению конкретных проблем в различных областях¹².

¹⁰ См.: Accordo tra il governo della Repubblica Italiana e il governo della Repubblica di Croazia sulla cooperazione nel settore della difesa // Archivio dei Trattati internazionali Online. URL: <https://itra.esteri.it/Search/Allegati/47950> (дата обращения 22.01.2023).

¹¹ См.: Вступление Хорватии в Евросоюз // ИМЭМО. URL: http://old.imemo.ru/ru/publ/comments/2013/comm_2013_014.pdf (дата обращения 22.01.2023).

¹² См.: Memorandum sulla cooperazione tra il governo della Repubblica Italiana e il governo della Repubblica di Croazia // Archivio dei Trattati internazionali Online. URL: <https://itra.esteri.it/Search/Allegati/49239> (дата обращения 22.01.2023).

Тесное взаимодействие между правительствами Италии и Хорватии укрепило отношения между двумя странами в различных сферах и значительно ускорило присоединение последней к ЕС. Договор о вступлении был подписан в декабре 2011 г., а 1 июля 2013 г. Хорватия стала полноправным членом Европейского союза [Šehulić-Vukadinović 2013, p. 49].

Отношения между Римом и Загребом в первое время независимости Хорватии развивались крайне напряженно. Итальянское руководство не сразу решилось на признание республики. Однако нерешенный вопрос безопасности итальянцев Истрии подтолкнул Италию начать активный диалог с хорватским правительством. Решив вопрос с итальянским населением Хорватии, Рим и Загреб перешли к более тесному сотрудничеству, включающему в себя проведение совместных программ в различных сферах, в числе которых армия, энергетика, промышленность, образование. Такое взаимодействие помогло Хорватии выполнить требования НАТО и ЕС по вступлению в эти организации и в конечном счете стать полноправным членом Североатлантического альянса и Европейского союза.

Заключение

Крах ялтинско-потсдамской системы международных отношений и установление нового мирового порядка подтолкнули итальянское руководство к активизации своей внешней политики. В связи с этим в Риме были определены ключевые направления внешнеполитической деятельности Италии. Одним из главных пунктов новой итальянской внешней политики стал Балканский полуостров. Для обеспечения собственной безопасности Италии необходимо было начать процесс стабилизации региона. Ключевым инструментом для достижения такой цели являлся процесс расширения евроатлантических институтов, в ходе которого страны региона должны были вступить в Североатлантический альянс и Европейский союз. Именно поэтому Италия решила взять на себя роль ключевого партнера для государств полуострова и оказать им поддержку в данном вопросе.

Сотрудничество Италии с Хорватией значительно ускорило интеграционные процессы последней. Взаимодействие Рима с Загребом включало в себя несколько основных шагов, которые, в конечном итоге, привели западнобалканскую республику к членству в ЕС и НАТО.

Первым таким шагом было устранение межгосударственных разногласий между Италией и Хорватией. Для этого были достиг-

нуты ряд соглашений, которые касались безопасности и прав итальянского меньшинства, проживающего в Истрии.

Значительную роль в ускорении процессов интеграции сыграло тесное взаимодействие министров иностранных дел и глав правительств в рамках двусторонних встреч и официальных визитов, в ходе которых итальянские чиновники обещали своим коллегам оказать содействие в вопросе присоединения Хорватии к евроатлантическим организациям. Такой формат сотрудничества также предусматривал подписание ряда соглашений, в числе которых были и документы, касающиеся сферы безопасности. Они подразумевали проведение совместных военных учений и обмен военнослужащими. Взаимодействие в военной сфере привело к тому, что Хорватия стала участником программы НАТО «Партнерство ради мира», а дальнейшее участие в военных учениях организации привело страну к окончательному вступлению в Североатлантический альянс.

За вступлением в НАТО последовала еще более активная работа по присоединению Хорватии к Европейскому союзу. Для достижения данной цели был подписан ряд документов, который предполагал тесное взаимодействие между правительствами республик. Эти соглашения предусматривали создание новых институтов для решения вопросов, связанных с внешней политикой, судебной системой, соблюдением прав человека, промышленностью, энергетикой, окружающей средой, сельским хозяйством и образованием. Созданные механизмы сотрудничества должны были ускорить решение основных проблем страны-кандидата и сформировать новые рекомендации, выполнение которых ускорило бы процесс европейской интеграции. В конечном итоге такое тесное взаимодействие привело к тому, что все основные препятствия на пути к вступлению в ЕС были устранены и Хорватия стала полноправным членом Европейского союза.

Исходя из вышесказанного, можно резюмировать, что общая последовательность действий в рамках сотрудничества развитых стран Европы с государствами, желающими стать частью евроатлантических институтов, выглядит следующим образом: 1) устранение межгосударственных разногласий; 2) военная кооперация и совместные учения с целью повысить уровень вооруженных сил страны-кандидата до стандартов НАТО; 3) создание объединенных двусторонних комитетов министров для составления рекомендаций по реформам и контроля за их последующей реализацией. Именно в таком ключе развивались итало-хорватские отношения, которые, в конечном счете, привели Рим и Загреб к положительному результату. Более того, добившись европейской интегра-

ции Хорватии и ее вступления в Североатлантический альянс, Итальянская Республика показала, что действительно является средней державой и способна оказывать значительное влияние на международные процессы.

Таким образом, можно сделать вывод, что Италия сыграла достаточно весомую роль в процессе европейской интеграции Хорватии и ее вступлении в НАТО. Благодаря грамотной выстроенной внешней политике Рим смог не только укрепить свои позиции на Балканах, но и стать надежным партнером для Загреба. Основные шаги, принятые Италией для стабилизации и решения ключевых проблем Хорватии, значительно ускорили интеграционные процессы последней и помогли ей довольно быстро стать членом ЕС и Североатлантического альянса. Пример такого взаимодействия может служить в качестве универсальной модели сотрудничества также и для других стран, взявших курс на вступление в Европейский союз и НАТО

Литература

- Анникова, Радусинович 2015 – *Анникова В.А., Радусинович М.* Этнические конфликты на территории бывшей Югославии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 4. С. 94–102.
- Барабанов 2002 – *Барабанов О.Н.* Италия после холодной войны «от средней державы» к «миру протагонистов». М.: РОССПЭН, 2002. 160 с.
- Caracciolo 2001 – *Caracciolo L.* Evoluzione della situazione balcanica e riflessi sulla sicurezza in Italia // *Per Aspera ad Veritatem*, 2001. No. 20 (maggio–agosto). P. 40–55.
- Carr 2014 – *Carr A.* Is Australia a middle power? A systemic impact approach // *Australian Journal of International Affairs*, 2014. Vol. 68. Issue 1. P. 70–84. DOI: 10.1080/10357718.2013.840264.
- Čehulić-Vukadinović 2013 – *Čehulić-Vukadinović L.* Croatia's entry into the European Union and perspectives of further EU enlargement to the Western Balkans // *Megatrend revija*. 2013. Vol. 10. No. 3. P. 49–64.
- Fassino 1998 – *Fassino P.* Che cosa significa Ostpolitik // *Limes*. 1998. No. 3. P. 263–269.
- Jean 1994 – *Jean C.* La nostra sicurezza nel mondo balcanizzato // *Limes*. 1994. No. 4. P. 201–212.
- Pauković 2008 – *Pauković D.* Posljednji kongres Saveza komunista Jugoslavije: uzroci, tijek i posljedice raspada // *Suvremene teme*. 2008. No. 1. P. 21–33.
- Šimunović 2015 – *Šimunović P.* Making of an Ally – NATO membership conditionality implemented on Croatia // *Journal of Transatlantic Studies*. 2015. Vol. 13. No. 2. P. 175–203. DOI: 10.1080/14794012.2015.1022372.
- Tatalović 2003 – *Tatalović S.* Croatia and NATO // *Medjunarodni problem*. 2003. Vol. 55. No. 2. P. 203–222. DOI: 10.2298/MEDJP0302203T.

References

- Annikova, V.A. and Radusinovich, M. (2015), "Ethnic conflicts in the former Yugoslavia", *RUDN Journal of Sociology*, vol. 15, no. 4, pp. 94–102.
- Barabanov, O.N. (2002), Italiya posle kholodnoi voiny "ot srednei derzhavy" k "miru protagonistov" [Post-Cold war Italy. From "Middle Power" to "Protagonist World"], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Caracciolo, L. (2001), "Evoluzione della situazione balcanica e riflessi sulla sicurezza in Italia", *Per Aspera ad Veritatem*, no. 20 (maggio-agosto), pp. 40–55.
- Carr, A. (2014), "Is Australia a middle power? A systemic impact approach", *Australian Journal of International Affairs*, vol. 68, iss. 1, pp. 70–84. DOI: 10.1080/10357718.2013.840264.
- Čehulić-Vukadinović, L. (2013), "Croatia's entry into the European Union and perspectives of further EU enlargement to the Western Balkans", *Megatrend revija*, vol. 10, no. 3, pp. 49–64.
- Fassino, P. (1998), "Che cosa significa Ostpolitik", *Limes*, no. 3, pp. 263–269.
- Jean, C. (1994), "La nostra sicurezza nel mondo balcanizzato", *Limes*, no. 4, pp. 201–212.
- Pauković, D. (2008), "Posljednji kongres Saveza komunista Jugoslavije: uzroci, tijek i posljedice raspada", *Suvremene teme*, no. 1, pp. 21–33.
- Šimunović, P. (2015), "Making of an Ally – NATO membership conditionality implemented on Croatia", *Journal of Transatlantic Studies*, vol. 13, no. 2, pp. 175–203, DOI: 10.1080/14794012.2015.1022372.
- Tatalović, S. (2003), "Croatia and NATO", *Međunarodni problemi*, vol. 55, no. 2, pp. 203–222, DOI: 10.2298/MEDJP0302203T.

Информация об авторе

Norair A. Saradzhan, аспирант, МГИМО МИД России, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76; norair.saradzhan@gmail.com

Information about the author

Norair A. Saradzhan, postgraduate student, MGIMO University, Moscow, Russia; 76, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119454; norair.saradzhan@gmail.com

О колониальных предпосылках федерализма в Нигерии

Андрей А. Захаров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zakharov.aa@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются элементы федеративной государственности, которые в начале 1960-х гг. достались обретающей независимость Нигерии от уходящих британских колонизаторов. Из предпринятого автором анализа следует, что это наследие было двойственным. С одной стороны, благодаря разработанной и внедренной бывшей метрополией федеративной схеме до сегодняшнего дня удается сохранять целостность некогда условного социально-политического пространства, ныне называемого Нигерией; с другой стороны, созданная Лондоном федерация оказалась национально-территориальной, т. е. изначально обремененной множеством врожденных пороков и потенциальных рисков. Наделив каждую из трех доминирующих в Нигерии этнических групп – хауса-фулани, йоруба и игбо – собственным субъектом федерации в лице Северного, Западного и Восточного регионов и тем самым сплавив воедино этнос и территорию, бывшая метрополия встроила в основания возводимого федеративного здания предпосылки для мощного этнического конфликта. После предоставления независимости, состоявшегося в 1960 г., этот конфликт вырвался на поверхность; он дестабилизировал Нигерию на протяжении всего существования Первой республики 1960–1966 гг., едва не разрушив федерацию, спровоцировав сецессию Биафры и последовавшую за ней кровопролитную гражданскую войну. В полной мере последствия британского федеративного эксперимента Нигерии не удалось преодолеть до сих пор – именно поэтому их изучение представляется важным.

Ключевые слова: Нигерия, федерализм, колониальное правление, хауса-фулани, йоруба, игбо, этническая федерация

Для цитирования: Захаров А.А. О колониальных предпосылках федерализма в Нигерии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 3. С. 80–94. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-80-94

On colonial prerequisites of federalism in Nigeria

Andrei A. Zakharov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
zakharov.aa@rggu.ru*

Abstract. The article considers those elements of federal statehood that in the early 1960s went to the newly independent Nigeria from the outgoing British colonialists. It follows from the analysis undertaken by the author that this legacy was twofold. On the one hand, thanks to the federal scheme developed and implemented by the ex-metropolis, it is still possible to maintain the integrity of the once conditional socio-political space, now called Nigeria; on the other hand, the federation created by London turned out to be national-territorial, that is, initially burdened with a lot of congenital defects and potential risks. By endowing each of the three dominant ethnic groups in Nigeria – Hausa-Fulani, Yoruba, and Igbo – with their own federating entity in the face of the Northern, Western and Eastern regions and thereby fusing together the ethnos and territory, the former metropolis built into the foundations of the federal building being built prerequisites for a powerful ethnic conflict. After independence, which took place in 1960, this conflict broke to the surface; it destabilized Nigeria throughout the existence of the First Republic of 1960–1966, almost destroying the federation, provoking the secession of Biafra and the bloody civil war that followed. To the full extent, the consequences of the British federal experiment of Nigeria have not been overcome so far; that is why their study is important.

Keywords: Nigeria, federalism, colonial rule, Hausa-Fulani, Yoruba, Igbo, ethnic federation

For citation: Zakharov, A.A. (2023), “On colonial prerequisites of federalism in Nigeria”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 80–94, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-80-94

Почти во всех ситуациях, в которых африканские политики запускали федеративные проекты, ключевым мотивом выступало именно предотвращение или, как минимум, приглушение межэтнического конфликта. Привлечение федеративной модели для обустройства молодых государств, возникавших по мере деколонизации, во всем мире мотивировалось прежде всего этим фактором, но в Африке его значение оказывалось особенно выдающимся. Мнение известного нигерийского политика 1960–1970-х гг., согласно которому единственно приемлемой для специфических условий Нигерии является федеральная конституция, поскольку

Нигерия – многоязычное и многонациональное государство [Аво-лово 1968], в полной мере применимо и ко многим другим федералистским начинаниям постколониальной поры.

Основы федеративной государственности в этой стране, как известно, были заложены еще англичанами, причем, занимаясь этим делом, они не могли не учитывать выраженные особенности переустраиваемого владения [Babalola 2019, pp. 40–43]. Территория, занимаемая Нигерией на современной карте мира, на протяжении своей истории не отличалась политической целостностью: в доколониальную эпоху она, как и многие другие области Африки, являла собой пестрый набор самостоятельных царств, халифатов, вожеств, империй, городов-государств [История Нигерии 1981; Falola, Heaton 2008]. Несмотря на интенсивные экономические связи, большинство из них развивалось практически независимо друг от друга. Все эти образования не только отличались выраженной самобытностью, но и неустанно враждовали между собой: например, доминировавшая в XIX в. на нигерийском севере обширная империя фулани – халифат Сокото [Johnston 1967; Falola, Heaton 2008, pp. 62–73] – неоднократно покушалась на соседние земли, и лишь густые леса юга и запада, в которых мусульманская кавалерия не могла развернуться в полной мере, спасали от ее экспансии маломощные, хотя и более древние конгломераты, созданные йоруба, бини и другими народами. Основой для консолидации богатства и власти во многих местных государствах, причем не только северных, служила работорговля, в которую они были широко вовлечены на протяжении XVI–XVIII вв.

После того как Берлинская конференция 1884–1885 гг. подтвердила заинтересованность Великобритании в освоении побережья Гвинейского залива, Лондон, используя торговую Королевскую компанию Нигера, приступил к методичному освоению сначала прибрежной зоны, а потом и глубинных районов будущей Нигерии. Как и в других частях планеты, подвергшихся британской колонизации, процесс сопровождался инспирируемым англичанами слиянием мелких политических образований и втягиванием их властителей в «договорные отношения» с британской короной; коммерсанты Королевской компании Нигера имели право заниматься подобными вещами, поскольку в 1886 г. получили от королевы Виктории разрешение представлять ее интересы в общении с туземцами. По словам нигерийского ученого, «капитаны британских судов, ходивших у побережья современной Нигерии, имели в карманах типовые копии так называемых “договоров о протекции”, предлагаемых ими властителям и вождям племенных сообществ, с которыми они вступали в контакт». Как и следовало ожидать, позже представители постколо-

ниальных элит объявили эти договоры «документами сомнительной силы» [Natufe 2015, pp. 98–99].

Центростремительные тенденции окончательно взяли верх после того, как в 1900 г. коронная администрация сменила коммерческую структуру в роли политического покровителя южной и северной частей того пространства, которое позже будет названо «Нигерией»: в результате появились Южный и Северный протектораты. Показательно, что до той поры никакого обобщающего названия для этих земель вообще не существовало; изобретателем инновационного географического термина выступила журналистка Флора Шоу, впервые использовавшая его в публикации в «The Times» в начале 1897 г. [Hill 2012, p. 128]. К тому моменту Королевская компания Нигера уже давно критиковалась за насаждение торговой монополии, в 1889–1891 гг. ее злоупотребления расследовались в парламенте, в 1894 г. одно из разоренных ее речных племен разгромило ее штаб-квартиру в городе Акасса, убив (и съев) нескольких европейцев, а в 1899 г. она лишилась королевской хартии. Как справедливо отмечает историк Ниал Фергюсон, «трансформация торговой монополии в протекторат была типичной для “драки за Африку”»: этот процесс повторялся на континенте многократно [Ferguson 2004, p. 327].

В 1903 г., подчинив северный халифат Сокото, англичане завершили территориальное оформление своего очередного африканского приобретения. В 1914 г. обе административные единицы, северная и южная, а также основанная еще в 1861 г. колония Лагос (в 1906 г. ее включили в состав Южного протектората) были объединены колонизаторами в одно политическое образование. Как и предписывалось британскими обычными, в первую очередь Вестминстер санкционировал создание в нем местной ассамблеи, состоявшей из 30 европейцев и шести нигерийцев. И хотя эта институция, не обладавшая ни законодательными, ни исполнительными функциями, оставалась чисто совещательным органом, ее расовый состав наперед предопределял ту манеру, в какой суждено было выковываться нигерийскому федерализму: его несущие конструкции монтировались практически без участия африканцев.

Это была далеко не единственная оставленная англичанами «родовая травма», с которой позже пришлось разбираться властям и народам независимой Нигерии. Еще более фундаментальной из доставшихся им прорех новоявленного политического дизайна была нарочитая искусственность свежего объединения. «Границы, прочерченные в ходе создания современной Нигерии, никогда не имели ни малейшего геофизического или социального смысла для

народов, населявших регион, – отмечают историки. – Очертания Нигерии на современных картах относительно произвольны, поскольку они кроились волей европейских политиков, а не социальной эволюцией локальных сообществ» [Falola, Heaton 2008, p. 17]. Англичане, как не раз подчеркивали местные ученые, вовсе не ставили своей целью создание сплоченного нигерийского общества: приоритетными были интересы британской казны, которая хотела избавиться от необходимости финансировать управленческие структуры отсталого и аграрного Севера, переложив это бремя на более передовой и торговый Юг [Kalu 2008, p. 37]. Безусловные удобства администрирования, однако, не компенсировали глубочайшей разнородности двух частей «склеенной» Лондоном колонии, каждая из которых сохраняла выраженную самобытность. Это было вполне объяснимо, поскольку «в доколониальном прошлом территории будущего союзного государства не имели опыта пребывания в составе единого государственно-политического образования и развивались как полностью самостоятельные, изолированные в этническом и культурно-религиозном отношении регионы с собственными традициями и институтами, нормами хозяйственной деятельности» [Каменская 1998, с. 73].

Разумеется, этот факт сказывался и на установках местных политиков. Вполне показательной, в частности, можно считать следующую сентенцию, прозвучавшую из уст одного из депутатов колониальной легислатуры в ходе парламентской сессии 1948 г.: «Многие обманывают себя, считая Нигерию чем-то нераздельным. Но эта целостность искусственна, она заканчивается прямо за дверьми нашей палаты. Южные племена, пытающиеся обосноваться на Севере, не смешиваются с местными народностями, а мы, северяне, видим в них захватчиков. Нигерийское единство есть лишь благое пожелание британцев» [Osadolor 2018, p. 35]. Подобные позиции разделялись и теми деятелями, кто непосредственно обеспечивал переход к независимости. Как говорил в 1952 г. Абубакар Тафава Балева, видный политик-северянин, спустя пять лет назначенный первым премьер-министром колонии, а еще через три года ставший главой правительства независимой Нигерии, «с самого слияния 1914 г. британское правительство пыталось превратить Нигерию в единую страну, но нигерийский народ разнороден во всем, включая религию, привычки, язык, устремления. ...Мы, северяне, считаем, что все это “нигерийское единство” не для нас» [Natufe 2015, pp. 99–100]. Кстати, на северных территориях накануне независимости бытовало мнение, согласно которому политическое единство двух разнородных кусков страны можно будет гарантировать только посредством обращения все нигерийцев в ислам – и это также не

укрепляло ощущение национальной общности, поскольку в стране было немало христиан и анимистов. Наконец, к сказанному можно добавить, что под великим разломом по линии «Север – Юг» таились другие разломы, дробящие и раскалывающие, в свою очередь, оба больших сегмента.

Еще одна проблема была связана с тем, что, управляя непохожими друг на друга регионами, европейские чиновники применяли к ним разные подходы. На мусульманском Севере, где еще до прихода белого человека успели сформироваться сложные административные механизмы, преобладали такие методы косвенного управления, которые предусматривали самые широкие prerogatives местных владык. В этом плане приход колонизаторов сказался на здешних иерархических пирамидах не слишком существенно – в них просто менялось верховное начальство: «если раньше эмиры Северной Нигерии получали власть из рук султана Сокото, то теперь они наделялись аналогичной властью английской администрацией» [Falola, Heaton 2008, p. 115]. Из-за этого мусульманские эмираты хауса-фулани британцами не только не разрушались, но сохранялись в неприкосновенности и даже поддерживались. Так, первый губернатор колонии Фредерик Лугард и его преемники долгое время строго ограничивали доступ христианских миссионеров в исламские регионы Севера; и, хотя в результате обитатели Северной Нигерии лишались доступа к европейскому образованию, здешние эмиры были очень довольны. Что же касается мигрантов-южан, перебиравшихся на Север, то им приходилось существовать в условиях сегрегации, проживая обособлено от мусульман и обучая своих детей в отдельных школах; кроме того, им не позволялось приобретать землю и владеть ею.

На христианском и языческом Юге дело обстояло иначе, поскольку тут традиционные институты либо не смогли пережить колонизацию, либо не успели кристаллизироваться. В то время как «фуланийская империя по африканским стандартам имела чрезвычайно развитые управленческие структуры», в южных регионах «статус традиционной власти был сильно подорван европейским влиянием еще в первый период британского проникновения» [Сурыпин 2013, с. 113–114]. В результате в юго-восточной части Нигерии непосредственное присутствие европейцев всегда оставалось более ощутимым, а косвенное управление не выглядело столь же натуральным, как в северных территориях. Попытки англичан сформировать новую страту «назначаемых вождей» и наделить последних функциями, отсутствовавшими у традиционных правителей – например, возложить на них взимание налогов с населения, – не встречали понимания подданных и отторгались ими.

Все сказанное оборачивалось весьма неоднозначными последствиями. С одной стороны, к моменту предоставления независимости северяне располагали более солидным потенциалом социального действия и политической мобилизации – народные массы Севера были более управляемыми; с другой стороны, большая подверженность южан европейским влияниям и, в частности, наличие среди них множества христиан позволяли им в приоритетном порядке занимать те места в управленческих структурах, которые отводились колонизаторами для чернокожих. Как отмечают специалисты, «с 1890-х гг. умение читать и писать по-английски стало краеугольным камнем для выстраивания карьеры типичным представителем местного среднего класса» [Falola, Heaton 2008, p. 127]. Однако если на Юге перепись 1921 г. зафиксировала наличие 32 тысяч граждан, получивших европейское образование, а количество действующих школ составляло 2200, то на Севере в тот же период практически не было ни того, ни другого. В более поздние времена этот перепад самым роковым образом сказался на таком важнейшем государственном институте, как вооруженные силы: англичане, стремясь поддержать опекаемый ими Север экономически, широко привлекали на армейскую службу местных мусульман, но при этом в офицерском корпусе складывалась мощная прослойка из более образованных христиан. Именно в силу сказанного «к провозглашению независимости вооруженные силы республики были укомплектованы в основном северянами, но возглавлялись по большей части южанами – в особенности игбо из Восточного региона» [Falola, Heaton 2008, p. 166]. Этот фактор в полной мере дал знать о себе в эпоху нигерийских военных переворотов 1960–1980-х гг.

Перепады, обособлявшие Север и Юг друг от друга, сохранялись и в сфере организации самого колониального владычества. Нигерийская конституция 1922 г. – так называемая «конституция Клиффорда» (каждой нигерийской конституции колониальной поры присваивалось имя британского губернатора, в правление которого она принималась) – расширила местную легислатуру до 46 членов, десять из которых были избираемыми. Важно подчеркнуть, что в число избираемых депутатов попали не только белые: три чернокожих депутата направлялись в законодательный совет мужским населением Лагоса, а еще один депутат – мужским населением Калабара. Для британской Африки это был первый случай выборного присутствия местных жителей в колониальной легислатуре [Falola, Heaton 2008, p. 134]. Более того, отныне этот орган мог заниматься ограниченным законотворчеством, принимая нормативные акты, действующие на территории бывшей колонии Лагос и южных провинций. Северные провинции, однако, продолжали

напрямую управляться британским губернатором, опиравшимся на традиционные элиты. В 1939 г. колониальная администрация сделала еще один шаг, обернувшийся самыми серьезными последствиями в будущем: оставив нигерийский Север в неприкосновенности, Лондон разделил нигерийский Юг на две части – восточную и западную. Эта нарезка была закреплена в следующем Основном законе колониальной поры – в «конституции Ричардса», принятой в 1946 г. С формальной точки зрения федерализм в этом акте пока отсутствовал, хотя первые его ростки уже появились. Помимо того, что законодательный совет во главе с генерал-губернатором был превращен в общенациональный орган, а представительство коренных жителей в нем было расширено – на их долю теперь приходилось более половины мандатов, – в колонии учреждались отдельные региональные легислатуры для Севера, Востока и Запада. Этим институциям вменялось в обязанность заниматься – правда, под надзором британских чиновников, – вопросами местного значения. Хотя нигерийские историки склонны критиковать это новшество, указывая на то, что тогдашние областные парламенты «не имели практически никаких полномочий» [Natufe 2015, p. 100], оно объективно способствовало становлению политической субъектности нигерийских регионов. Исходя из сказанного, вполне можно поддержать экспертное мнение, согласно которому «само понятие “регионального”, закрепленное в “конституции Ричардса”, послужило фундаментом для последующего выстраивания в Нигерии федеральной системы управления» [Adeniran 2020, p. 257].

Процесс был продолжен в 1951 г., когда в результате внесения поправок в «конституцию Ричардса» на свет появилась «конституция Макферсона»: согласно обновленному Основному закону колонии, три региона получали возможность делегировать своих представителей в два новых органа: Совет министров в составе восемнадцати членов (двенадцать из них были нигерийцами) и Палату представителей в составе 142 депутатов (136 из которых были нигерийцами). Квоты регионов и в исполнительном, и в законодательном органе были равными, а отбор кандидатов поручался региональным легислатурам. Кроме того, эти легислатуры могли и законодательствовать в некоторых вопросах регионального значения – правда, с губернаторского одобрения. Народившиеся на рубеже 1940-х и 1950-х гг. местные политические партии по большей части критиковали Конституцию 1951 г. – в основном из-за того, что ее разрабатывали и совершенствовали без привлечения нигерийских специалистов; такая критика, однако, в ретроспективе кажется не совсем добросовестной, поскольку, во-первых, Нигерия того времени почти не имела собственных юридических

кадров, а, во-вторых, обе версии «конституции Ричардса» – и 1946 и 1951 гг., – внесли неоспоримый вклад в приучение нигерийских элит к федеративному устройству. Благодаря именно этой «конституционной гимнастике» к середине 1950-х гг. будущие лидеры независимой Нигерии, несмотря на свою племенную, языковую, территориальную и религиозную разнородность, в большинстве своем воспринимали федерализм в качестве единственного базиса, способного обеспечить жизнеспособность их страны после ухода англичан. Кроме того, Конституция 1951 г. впервые санкционировала проведение в колониальной Нигерии всеобщих выборов.

Главные проблемы, дебатировавшиеся в политическом и научном сообществе на протяжении десятилетия, которое предшествовало независимости, касались того, сколько составных частей должно быть в будущем суверенном государстве и по какому принципу их нарезать [Egwin 2020, pp. 19–31]. Собственно, все разнообразие мнений сводилось к двум базовым позициям: согласно первой за основу выстраиваемой федеративной конструкции предлагалось взять те самые три региона – Север, Восток и Запад, – которые и без того уже использовались в качестве административных единиц; согласно второй количество сегментов федерации следовало существенно увеличить, наделив политической субъектностью максимальное число местных этнических и лингвистических групп. Региональные политики и региональные партии – а иных в тогдашней Нигерии, собственно, и не было, – высказывались на этот счет по-разному.

С одной стороны, мусульманский Север поддерживал трехчленную схему, но при этом настаивал на том, чтобы все законопроекты, рассматриваемые федеральным парламентом, предварительно обсуждались в региональных парламентах. «Проект английского губернатора отвечал настроениям политиков Северного региона, проявлявших готовность скорее поддержать план слабого конфедеративного договора с Югом, нечто вроде нигерийского общего рынка, чем прочный союз с обширными полномочиями федерального правительства – из опасения, что места в административном аппарате столицы и регионов, в том числе и самого Севера, заполнят более квалифицированные, образованные и мобильные южане» [Каменская 1998, с. 82]. Лидеры северян, в том числе и будущий премьер-министр Балева, высказывали опасения по поводу того, что степень готовности регионов к федеративным порядкам слишком разная и что подгонять отстающих – имелись в виду именно северяне, консервативные и патриархальные – не стоит. Их можно было понять: местные политики «четко осознавали, что не имеющий выхода к морю Север вынужден сотрудничать с йоруба и

игбо с Запада и Востока, но согласиться с централизованной управленческой системой они не могли» [Kendle 1997, p. 145]. С другой стороны, христианизированный Запад пропагандировал подход, который условно можно назвать «вильсоновским»: он предполагал федеративное деление, призванное самым всесторонним образом учесть этническое и лингвистическое разнообразие страны. Как писал в 1947 г. Обафеми Аволово, один из политических лидеров йоруба, «в условиях подлинного федерализма к малым и большим группам следует относиться одинаково, несмотря на их численность. Каждая из них заслуживает автономии в решении своих внутренних вопросов и у каждой должен быть собственный региональный парламент» [Natufe 2015, p. 102]. Что же касается Востока, то позиция доминировавших там элит игбо предполагала, по крайней мере поначалу, высокоцентрализованный федерализм – который, спустя десятилетия, и взял верх.

Тем не менее главным «держателем акций» во всей этой истории оставалось британское министерство по делам колоний: именно его позиция в конечном итоге оказалась определяющей. Выстраивая свою линию, Лондон исходил из трех постулатов: во-первых, многоуровневая гетерогенность Нигерии предписывает ей федеральную форму правления; во-вторых, наделение политической субъектностью не только «большой тройки», а всех нигерийских групп повлечет за собой фрагментацию политики и дестабилизацию экономики; наконец, в-третьих, необходимо уважать желание Севера самостоятельно вершить собственные дела, избегая избыточно централизованного федерализма [Kendle 1997, pp. 145–146]. Последнее не было пустым опасением: в 1950 г. Северный регион уже угрожал покинуть федерацию, если ему не гарантируют равную с Югом норму политического представительства.

В 1954 г. с одобрения британского парламента была принята первая конституция, провозглашавшая колонию федерацией («конституция Литтлтона»). В ее состав входили три упоминаемые выше региона и федеральный округ Лагос. Законодательную власть в федеративном государстве осуществляла однопалатная легислатура, состоявшая из 184 депутатов, 92 из которых представляли Север, 42 и 42 – Восток и Запад, шесть – Британский Камерун, административно подчиненный Нигерии, и два – столичный федеральный округ. Федеральные министерства комплектовались лидером победившей на общенациональных выборах партии, а еще четыре министра делегировались законодательными собраниями каждого из трех регионов, а также Британского Камеруна. В то время как федеральный центр оставлял за собой внешнюю политику, оборону и безопасность, регионы отвечали за начальное и среднее

образование, сельское хозяйство, здравоохранение и местное самоуправление. Предполагалась также сфера совместной компетенции, включавшая регулирование экономического развития, рынка труда, высшей школы. Правовая система и публичная служба были регионализированы. Иначе говоря, этот этап вполне можно назвать классикой федералистского жанра; единственным отступлением от общепринятого на тот момент стандарта было то, что площадкой территориально-административного переустройства становилась не очерченная колония, основанная белыми поселенцами, а самая что ни на есть черная колония. В целом же нигерийский случай представлял собой «федерацию через разукрупнение» (*federation by disaggregation*) [Adeniran 2020, p. 258].

В принципе врожденные пороки нигерийского федерализма, сполна проявившиеся после выхода страны из-под колониальной опеки, начали обнаруживаться уже в 1955–1960 гг., по мере того как три федерирующихся региона понемногу приспособивались к новообретенному статусу самоуправляющихся территорий. К моменту провозглашения полной независимости от Великобритании, которое состоялось 1 октября 1960 г., уже было очевидно, что каждый из регионов, «остававшихся почти полностью самостоятельными социально-политическими единицами» [Dikshit 1975, p. 211], контролируется одной из трех основных этнических групп, в тот момент в совокупности составлявших две трети населения страны: хауса-фулани (Север, 29%), игбо (Восток, 18%) или йоруба (Запад, 21%). По оценкам этнографов, в Нигерии проживают около 250 лингвистических групп, причем к провозглашению независимости более 65% населения составляли три вышеупомянутых крупнейших этноса, а шесть следующих за ними крупных групп давали в совокупности еще 25%. Не исключено, что как раз этим и диктовался замысел британских творцов федерации, стремившихся сузить поле потенциальных конфликтов, казавшихся неизбежными в столь пестрой среде. Но они не предвидели (или не захотели предвидеть), что каждая группа, опираясь на свое региональное господство, включится в жесткую борьбу за федеральный центр, попутно подавляя в подконтрольных региональных парламентах политическое представительство меньшинств, не входящих в «большую тройку» [Diamond 1988].

Для Африки такие конфликты были типичным заболеванием, обычно сопровождавшим развитие новых государств, которые населены более или менее равновеликими меньшинствами, хотя нигерийский случай усугублялся крайней разобщенностью составных частей новорожденной федерации. Лондон же привычно рассматривал различные сегменты своего владения в качестве

самостоятельных колоний, и «вплоть до 1946 г. нигерийцы, проживавшие в двух частях страны, почти не имели административных или политических контактов друг с другом» [Paden 2005, p. 37]. Именно в этом состояла главная причина, заставлявшая мусульманский Север Нигерии с большим подозрением относиться к идее независимости, которую с определенного момента пропагандировала Великобритания, после Второй мировой войны пытавшаяся поскорее избавиться от колониальных обременений.

Указывая на описанную выше ситуацию, некоторые местные ученые утверждают, что населяющие британскую Нигерию пестрые группы только выиграли бы в том случае, если бы местные политические активисты в 1960 г. отвергли проект единого государства и пошли своими самостоятельными путями. «Изумляет и удручает то, как нигерийские лидеры с Востока, Запада и Севера, осуждая слияние 1914 г. как “фарс”, “обман” или “ошибку”, одновременно всеми силами пытались этот беспорядок легитимировать», – пишет Игхо Натufe [Natufe 2015, p. 106]. С его точки зрения, нигерийцам следовало бы взять за образец чернокожих жителей Северной и Южной Родезии, а также Ньясаленда, в начале 1960-х гг. отвергших навязанный колонизаторами федеративный союз и выбравших независимость: нигерийские элиты «допустили фатальный просчет, не позволив исправить допущенную в 1914 г. ошибку, когда для этого представилась подходящая возможность» [Natufe 2015, p. 106]. Если учесть все те метаморфозы, которые были пережиты нигерийской федерацией в дальнейшем, подобные заявления покажутся небезосновательными.

В процессе конструирования колониальной федерации в Нигерии метрополия нарушила несколько базовых правил, призванных сопровождать создание государств подобного типа. Во-первых, совпадение этнических ареалов с территориальными границами превращало федерацию в арену нескончаемой политической войны за обладание федеральным центром с его деньгами и властью. Во-вторых, в этом противоборстве заведомо и всегда выигрывала лишь одна сторона – нигерийский Север, превосходивший взятые в совокупности Восток и Запад как по численности населения, так и по территории. В-третьих, от федеративного торга с участием трех доминирующих групп были полностью отстранены малые этнолингвистические группы, в совокупности весьма многочисленные. В-четвертых, сочетание этнофедерализма с партийной системой вестминстерского типа предполагало функционирование только тех партий, которые имели выраженный этнический профиль и не отстаивали общенациональные интересы. Наконец, в-пятых, неспособность федерального центра, «взятого в плен» одним из трех

доминирующих акторов, выполнять функции беспристрастного арбитра, провоцировала обращение оттесненных от власти акторов к неконвенциональным – насильственным – способам политического действия, включая путч и сецессию. Обобщая, можно сказать, что именно изъяны конституционного дизайна обрекли Нигерию сначала на крушение Первой республики и кровопролитную гражданскую войну, затем на десятилетия военных диктатур, а потом, причем вплоть до сегодняшнего дня, на нескончаемое пребывание в категории failed states – государственных образований, не способных контролировать всю свою территорию и выполнять базовые социальные функции [Hill 2012]. В настоящее время, по мнению специалистов, «нигерийское правительство, неимоверно раздутое, утратившее всякое доверие и погрязшее в бюрократии, выказывает полнейшую неспособность заниматься проблемами страны и, фактически, бросает подавляющее большинство нигерийцев на произвол судьбы» [Campbell, Page 2018, p. 11]. Причем есть все основания утверждать, что инициаторы британских административно-территориальных экспериментов первой половины XX столетия несут изрядную долю ответственности за это.

Литература

- Аволово 1968 – *Аволово О.* Размышления о нигерийской Конституции. М.: Наука, 1968. 175 с.
- История Нигерии 1981 – *История Нигерии в новое и новейшее время / Под ред. Ю.И. Зотова, И.В. Следзевского.* М.: Главная редакция восточной литературы, 1981. 368 с.
- Каменская 1998 – *Каменская Г.В.* Федерализм: мифология и политическая практика: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М.: Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН, 1998. 45 с.
- Сурыпин 2013 – *Сурыпин С.* Эволюция косвенного управления в Юго-Восточной Нигерии: система «назначенных вождей» // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук.* 2013. № 4 (51). С. 112–116.
- Adeniran 2020 – *Adeniran O.* Nigeria (Federal Republic of Nigeria) // *The Forum of Federations handbook of federal countries 2020.* Ed. by A. Griffiths, R. Chattopadhyay, J. Light, C. Stieren. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020.
- Babalola 2019 – *Babalola D.* The political economy of federalism in Nigeria. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 188 p.
- Campbell, Page 2018 – *Campbell J., Page M.* Nigeria. What everyone needs to know. Oxford: Oxford University Press, 2018. 240 p.
- Diamond 1988 – *Diamond L.* Class, ethnicity and democracy in Nigeria. The failure of the First Republic. Houndmills: The Macmillan Press, 1988. 392 p.

- Dikshit 1975 – *Dikshit R.D.* The political geography of federalism. An inquiry into origins and stability. New Delhi: The Macmillan Company of India, 1975. 273 p.
- Egwim 2020 – *Egwim A.I.* The dynamics of federalism in Nigeria. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 142 p.
- Falola, Heaton 2008 – *Falola T., Heaton M.* A history of Nigeria. N.Y.: Cambridge University Press, 2008. 370 p.
- Ferguson 2004 – *Ferguson N.* Empire. How Britain made the modern world. L.: Penguin Books, 2004. 422 p.
- Hill 2012 – *Hill J.N.C.* Nigeria since independence. Forever fragile? Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. 173 p.
- Johnston 1967 – *Johnston H.A.S.* The Fulani empire of Sokoto. L.; Ibadan; Nairobi: Oxford University Press, 1967. 312 p.
- Kalu 2008 – *Kalu K.N.* State power, autarchy and political conquest in Nigerian federalism. Lanham, MD: Lexington Books, 2008. 330 p.
- Kendle 1997 – *Kendle J.* Federal Britain. A history. L.; N.Y.: Routledge, 1997. 224 p.
- Natufe 2015 – *Natufe I.* The amalgamation of Nigeria and the quest for a nation // Федерализм в Африке: проблемы и перспективы = Federalism in Africa. Problems and perspectives / Ed. by I. Natufe, H. Turyinskaya. M.: Institute of Africa, Russian Academy of Sciences, 2015. С. 95–129.
- Osadolor 2018 – *Osadolor O.B.* The national question in historical perspective // The national question in Nigeria. Comparative perspective / Ed. by A. Momoh, S. Adedjumbi. L.; N.Y.: Routledge, 2018. P. 31–48.
- Paden 2005 – *Paden J.* Muslim civic cultures and conflict resolution. The challenge of democratic federalism in Nigeria. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 2005. XIII, 303 p.

References

- Adeniran, O. (2020), “Nigeria (Federal Republic of Nigeria)”, in Griffiths, A., Chatopadhyay, R., Light, J., Stieren, C. (eds.), *The Forum of Federations handbook of federal countries*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.
- Awolowo, O. (1968), *Razmyshleniya o nigeriiskoi Konstitutsii* [Reflections on Nigerian Constitution], Nauka, Moscow, USSR.
- Babalola, D. (2019), *The political economy of federalism in Nigeria*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.
- Campbell, J., and Page, M. (2018), *Nigeria. What everyone needs to know*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Diamond, L. (1988), *Class, ethnicity and democracy in Nigeria. The failure of the First Republic*, The Macmillan Press, Houndmills, UK.
- Dikshit, R.D. (1975), *The political geography of federalism. An inquiry into origins and stability*, The Macmillan Company of India, New Delhi, India.
- Egwim, A.I. (2020), *The dynamics of federalism in Nigeria*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.

- Falola, T., and Heaton, M. (2008), *A history of Nigeria*, Cambridge University Press, New York, USA.
- Ferguson, N. (2004), *Empire. How Britain made the modern world*, Penguin Books, London, UK.
- Hill, J.N.C. (2012), *Nigeria since independence. Forever fragile?* Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK.
- Johnston, H.A.S. (1967), *The Fulani empire of Sokoto*, Oxford University Press, London, UK, Ibadan, Nigeria, Nairobi, Kenya.
- Kalu, K.N. (2008), *State power, autarchy and political conquest in Nigerian federalism*, Lexington Books, Lanham, MD, USA.
- Kamenskaya, G.V. (1998), *Federalism: mifologiya i politicheskaya praktika: Avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk* [Federalism. Mythology and political practice. Abstract of D. Sc. Dissertation (Political science)], Institut mirovoi ekonomiki i mezhdunarodnykh otnoshenii Rossiiskoi Akademii Nauk, Moscow, Russia.
- Kendle, J. (1997), *Federal Britain. A history*, Routledge, London, UK, New York, USA.
- Natufe, I. (2015), “The amalgamation of Nigeria and the quest for a nation”, in Natufe, I. and Turyinskaya, H. (eds.), *Federalism in Africa. Issues and perspectives*, Institute of Africa, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 95–129.
- Osador, O.B. (2018), “The national question in historical perspective”, in Momoh, A. and Adejumobi, S. (eds.), *The national question in Nigeria. Comparative perspective*, Routledge, London, UK, New York, USA, pp. 31–48.
- Paden, J. (2005), *Muslim civic cultures and conflict resolution. The challenge of democratic federalism in Nigeria*, The Brookings Institution, Washington, D.C., USA.
- Suryapin, S. (2013), “Evolution of indirect rule in South-East Nigeria. The system of nominated chiefs”, *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, vol. 51, no. 4, pp. 112–116.
- Zotov, Yu.I. and Sledzevskii I.V. (eds.) (1981), *Istoriya Nigerii v novoe i noveishee vremya* [History of Nigeria in modern and recent times], Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Андрей А. Захаров, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zakharov.aa@rggu.ru

Information about the author

Andrei A. Zakharov, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; zakharov.aa@rggu.ru

Политические риски: мировой опыт и российская специфика

УДК 327.8

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-95-107

Технологии риск-рецепции как инструмент политического влияния в международных отношениях

Татьяна А. Подшибякина
*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону,
Россия, tan5@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы управления рисками в сфере мировой политики, значимость которой возрастает в условиях современного геополитического кризиса. Целью исследования является рассмотрение проблемы восприятия рисков в политической перспективе; обоснование применения когнитивно-нарратологического подхода к ее исследованию; описание технологий риск-рецепции как механизма формирования одного из видов стратегических нарративов; оценка перспектив применения некоторых технологий манипулирования восприятием рисков в сфере международных отношений. Проведен анализ научных публикаций по проблемам восприятия риска, выделен ряд междисциплинарных направлений, представляющих ценность для политической науки. Обосновано применение когнитивно-нарратологической методологии и концепции стратегических нарративов при исследовании проблем восприятия риска. Операционализация концепций управления восприятием рисков в практике международной коммуникации осуществлена на примере технологий стратегического планирования корпорации RAND – американского аналитического центра по изучению глобальной политики. Приведено описание принципов действия технологий риск-рецепции (технологий управления восприятием рисков), показано, что механизм их применения включает воздействие на когницию «восприятия», или «рецепции». На примере одного из видов стратегических нарративов дана оценка перспектив применения некоторых технологий манипулирования восприятием рисков в сфере международных отношений.

Ключевые слова: политические риски, восприятие рисков, технологии риск-рецепции, когнитивно-нарратологическая методология, стратегические нарративы

© Подшибякина Т.А., 2023

Для цитирования: Подшибякина Т.А. Технологии риск-рецепции как инструмент политического влияния в международных отношениях // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 3. С. 95–107. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-95-107

Risk-reception technologies as a tool of political influence in international relations

Tatiana A. Podshibyakina

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, tan5@bk.ru

Abstract. The article is about analyzing the issue of risk management in the sphere of world politics, the importance of which is increasing in the conditions of the modern geopolitical crisis. The purpose of the study is to consider the issue of risk perception in a political perspective; substantiation of the application of the cognitive-narratological approach to its study; description of risk-reception technologies as a mechanism for the formation of one of the types of strategic narratives; assessment of the prospects for the use of certain technologies for manipulating the perception of risks in the field of international relations. The analysis of scientific publications on the issues of risk perception is carried out, a number of interdisciplinary areas of value for political science are identified. The application of cognitive-narratological methodology and the concept of strategic narratives in the study of risk perception issues is substantiated. The operationalization of risk perception management concepts in the practice of international communication is carried out using the example of strategic planning technologies of the RAND Corporation, an American analytical center for the study of global politics. The principles of risk reception technologies (risk perception management technologies) are described, it is shown that the mechanism of their application includes the impact on the cognition of “perception” or “reception”. By the example of one of the types of strategic narratives, an assessment of the prospects for the use of certain technologies for manipulating risk perception in the field of international relations is given.

Keywords: political risks, risk perception, risk reception technologies, cognitive-narratological methodology, strategic narratives

For citation: Podshibyakina, T.A. (2023), “Risk-reception technologies as a tool of political influence in international relations”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International relations” Series*, no. 3. pp. 95–107, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-95-107

Введение

Мир, казавшийся еще недавно привычным и стабильным, в ощущениях новой реальности стал непредсказуемым и опасным. Н. Луман в работе «Риск и опасность» утверждал: «расширение возможностей решений благодаря росту знаний или развитию технологий перемещает проблему из сферы опасности в сферу риска» [Луман 2013, с. 35]. В настоящее время существует запрос на разработку технологий управления политическим сознанием, необходимых для стратегического планирования в сфере коммуникативного взаимодействия государств в мировой политике. В условиях роста геополитической напряженности и распространения гибридных войн оказываются востребованными технологии риск-рецепции, или технологии управления восприятием рисков. Данные политические инновации требуют осмысления, оценки эффективности применения и понимания способов организации противодействия, поскольку несут угрозу национальной безопасности или государственному суверенитету страны.

Цель исследования заключается в рассмотрении проблемы восприятия рисков в политической перспективе, обосновании применения когнитивно-нарратологического подхода к ее исследованию, описании технологий риск-рецепции как механизма формирования одного из видов стратегических нарративов, оценке перспектив применения некоторых технологий манипулирования восприятием рисков в сфере международных отношений.

Восприятие рисков: постановка проблемы в политической перспективе

Исследование социальных проблем, связанных с рисками различного свойства, началось достаточно давно, и в настоящее время уже ставится вопрос о создании самостоятельной науки, изучающей закономерности угроз и рисков. «Наука о рисках – это дисциплинарная система для точного прогнозирования, оценки и управления рисками. Она включает в себя концепции, теории, структуры, методы, принципы и модели, связанные с генерацией знаний, для лучшего понимания, оценки, характеристики и управления рисками» [Нао, Ли, Уи 2023]. Накоплению практических знаний об актуальных проблемах регулирования рисков на основе их всестороннего анализа способствовали публикации в научной периодике. Большой вклад в становление научного направления внес «Журнал исследований рисков» («Journal of Risk Research»),

ставший площадкой обмена мнениями по данной проблематике. Темы, вызывающие интерес в этой предметной области, исключительно разнообразны от структуры риска до эвристических форм его восприятия и практического опыта управления им.

Обобщая обзор междисциплинарных публикаций по проблемам восприятия риска, представляющих ценность для политических исследований, можно выделить следующие направления:

1. Исследование способов получения, хранения и обработки информации о рисках и угрозах в индивидуальном, общественном и групповом сознании; выявление механизмов влияния различных факторов на формирование характеристик риска; разработка целенаправленных стратегий информирования о рисках [Perko, Thijssen, Turcanu, Van Gorp 2014].

2. Сравнительный анализ соотношения когнитивных и эмоциональных аспектов воспринимаемых характеристик риска, знаний и эвристических эмоциональных предикторов; оценка рисков экспертами и неспециалистами [Oh, Paek, Hove 2015].

3. Разработка методологии изучения рисков: психометрической парадигмы [Slovic 1987] и ее совершенствование с использованием критического анализа [Boholm 1998], методологии сравнения различных рисков на основе совещательного метода их ранжирования [Lundberg, Willis 2019].

4. Апробация междисциплинарных методов изучения влияния на восприятие риска; построение теоретических моделей восприятия рисков: психометрической модели, модели ментального шума, модели негативного доминирования, модели определения уверенности [Paek, Hove 2017].

5. Описание межкультурных факторов, влияющих на управление рисками [Rohrman, Renn 2000].

6. Анализ управления рисками в цифровую эпоху и выстраивание стратегий управления все более сложными цифровыми обществами [Gerunov 2022].

7. Изучение средств массовой информации как фактора формирования восприятия риска [Coleman 1993], способов влияния различных типов СМИ на восприятие риска [McComas 2006], закономерностей риск-коммуникации в различных сферах [Renn 2006].

Методология исследования восприятия рисков

Восприятие риска в широком значении трактуется как интерпретация и другие субъективные суждения о рисках и рассматри-

вается в двух аспектах: когнитивном и эмоциональном. Междисциплинарные исследования восприятия рисков активно ведутся с 80-х годов XX века, определяющей является психометрическая парадигма», предложенная Полом Словичем [Slovic 1987]. В ее основе лежит концепция характеристик риска, предполагающая, что восприятие риска является субъективным, строится на таких критериях, как страх, знание и управляемость. Характеристики риска исследователи делят на два типа: когнитивные и эмоциональные (С. Доле, К. Келлер, М. Зигрист, Х. Кирс, С. Данвуди, К. Нойвирт, К.-Л. Коулман). Когнитивное измерение характеристик риска связано с вероятностью и тяжестью последствий, которые оцениваются на основе доступной информации (Э. Бонне, Д. Ли, Л. Лемир, Д. Кревски). Эмоциональное измерение относится к беспокойству или страху, которые человек испытывает по поводу опасности (Л. Коулман).

В данном исследовании предлагается использование когнитивно-нарратологического подхода, опирающегося на достижения когнитивной нарратологии, в частности, теорию когнитивной рецепции Й. Эдера. А также используются возможности теории стратегических нарративов А. Мискиммона, Бена О'Лоулина и Л. Розелле. Преимущество применения когнитивно-нарратологической методологии заключается в сочетании методов, позволяющих изучать одновременно и когниции, и эмоции.

Й. Эдер употребляет понятие «теории когнитивной рецепции» как собирательный термин для теорий, «которые используют концепции когнитивной науки, чтобы установить, как понимаются тексты или нарративы» [Eder 2003, p. 284]. При исследовании феномена восприятия рисков используются и когнитивные теории междисциплинарного характера: теории интенциональности и воображения из аналитической философии разума, модели восприятия и категоризации из когнитивной психологии, теории текстовой интерпретации из лингвистики. «Когнитивная теория рассматривает общение и восприятие как активные, конструктивные, рационально мотивированные и когнитивно управляемые процессы обработки информации, которые основаны на человеческой телесности и опыте» [Eder 2003, p. 283].

Концепция стратегических нарративов [Miskimmon, Roselle, O'Loughlin 2013] используется для анализа коммуникативного взаимодействия участников международных отношений. Объектом исследования выступают стратегические нарративы – разновидности дискурса, посредством которого политические субъекты целенаправленно воздействуют на поведение, убеждения, представления других участников коммуникации. Нарратив – это

некая «история», рассказанная с определенной целью оказания воздействия на слушателя.

Технологии риск-рецепции целесообразно рассматривать в двух уровнях: теоретико-методологическом и практическом. Такой подход позволит оценить степень научной проработанности концепций, понять технологические возможности их применения и оценить эффективность воздействия на индивидуальное и групповое сознание на практике.

*Технологии риск-рецепции
восприятия рисков:
международная политическая
практика*

Технологии риск-рецепции можно отнести к технологиям управления рисками, их особенностью является использование в качестве инструмента манипулирования различных дискурсивных практик, формирующих «нужное» восприятие. Одним из частных коммуникативных случаев является разработка стратегических нарративов в целях воздействия на потенциального или реального противника. Примером применения технологий управления восприятием рисков в практике международной коммуникации является внедрение их принципов в стратегическое планирование корпорацией RAND (аббревиатура “research and development”) – американским некоммерческим аналитическим центром по глобальной политике.

Операционализация понятия «восприятие рисков» произведена на материалах известного доклада американской корпорации RAND «Перенапряжение и разбалансировка России. Рейтинг вариантов наложения затрат» [Dobbins, Cohen 2019]. Стратегию предложили эксперты корпорации Д. Доббинс, Р.С. Коэн, Н. Чандлер, Б. Фредерик, Э. Гейст, П. Де Лука, Ф.Э. Морган, Х.Дж. Шац, Б. Уильямс. Это один из вариантов концепции долгосрочной стратегической конкуренции, используемой корпорацией RAND против СССР в период холодной войны. Одним из важнейших механизмов реализации заявленной в докладе цели названа стратегия «инвестиций в новые возможности по манипулированию восприятием рисков русскими», предназначенная для воздействия на военно-политическое руководство России (табл. 1). Условно назовем способы, реализующие в практиках данную стратегию, технологиями риск-рецепции, поскольку основным объектом их приложения являются когниции «восприятия», или «рецепции» [Dobbins, Cohen 2019].

Таблица 1

Инвестирование в новые возможности
манипулирования восприятием рисков Россией

Наземные варианты Вероятность успеха	Выгода	Затраты	Риски
Инвестиции в постепенные улучшения противодействия доступу и блокированию территории	Высокая	Умеренные	Умеренные
Инвестиции в революционные возможности группового противодействия доступу и запрету доступа	Высокая	Высокие	Высокие
Инвестиции в дополнительные улучшения противодействия наземным силам	Низкая	Низкие	Низкие
Инвестиции в революционные возможности беспилотных наземных войск	Умеренная	Умеренные	Умеренные
Инвестиции в оружие, основанное на «новых физических принципах» (например, противоздушное оружие направленной энергии).	Умеренная	Высокие	Высокие

С точки зрения описания технологии риск-рецепции в политической сфере, интерес представляет раздел доклада, посвященный идеологии (табл. 2).

В докладе экспертами определена дискурс-рамка, внутри которой впоследствии выстраивались стратегические нарративы, становясь оружием когнитивной войны между Россией и США. «Россия остается империей, Россия – агрессор, Россия – диктатура, Россия – стратегический противник, Россия должна быть уничтожена (отменена)». Стратегические нарративы как вид политического дискурса имеют одну отличительную особенность: нарратив представляет собой логически завершенную историю со своими героями и антигероями. Как показывает практика, стратегические нарративы используются всеми участниками для инициирования выгодной политической повестки и продвижения в информационное пространство своего представления о происходящих событиях. Пресловутое единство коллективного

Запада в оценках действий России в мировой политике во многом сформировано медийными системами посредством создания в общественном сознании единой понятийной структуры, или смысловых фреймов, не позволяющих выйти за обозначенные пределы по своему усмотрению.

Таблица 2

Идеологические и информационные варианты навязывания затрат

Идеологические и информационные варианты навязывания затрат	Вероятность успеха в расширении России	Преимущества	Затраты и риски
Снижение веры в российскую избирательную систему	Низкая	Умеренные	Высокие
Создавать впечатление, что режим не преследует общественных интересов	Умеренная	Умеренные	Высокие
Поощряйте внутренние протесты и другое ненасильственное сопротивление	Низкая	Умеренные	Высокие
Подорвать имидж России за рубежом	Умеренная	Умеренные	Умеренные

Проанализируем стратегический нарратив экзистенциальной угрозы для России как коммуникативное событие по следующим критериям: Что говорят? Кому предназначено? С какой целью?

Что говорят? Лингвисты фиксируют актуализацию понятия «экзистенция» в современном российском публичном медийном дискурсе с осени 2022 г., что подтверждается частотностью его употребления различными публичными спикерами. При этом отмечается, что понятие «экзистенциальный» используется как философское, книжное: «связанный с бытием, существованием человека». Общий контекст его употребления: «несущий угрозу существованию человека, его жизни».

Кому это предназначено? Сразу оговоримся, что необходимо отсечь «когнитивный шум» простого транслирования того, что актуально для западных СМИ. С этой точки зрения контент явно не рассчитан на российское общественное мнение, нельзя

говорить с гражданами на языке символических значений, который они не понимают, хотя для европейцев экзистенциализм является основой формируемого у них мировоззрения. Неужели можно предположить, что на досуге россияне читают произведения Кьеркегора, Камю и Сартра? Экзистенциальная западная философия в России всегда трактовалась как нечто буржуазное, чуждое, а воспринималась просто как нечто совершенно непонятное. Предполагаем, что конкретно стратегический нарратив экзистенциальной угрозы предназначен для российской военно-политической элиты, принимающей решения по ведению специальной военной операции.

С какой целью? Самым авторитетным источником для получения информации является корпорация RAND, специалистам которой можно доверять хотя бы потому, что именно они и разрабатывает эти стратегии. Конечно, возникает вопрос, почему их доклады открыты, вероятнее всего их используют как специальный коммуникативный канал передачи информации. Доклад экспертов корпорации RAND Самуэля Чарапа и Миранды Прибе «Как избежать долгой войны. Политика США и траектория российско-украинского конфликта» [Charap, Priebe 2023], опубликованный в начале 2023 г., позволяет сделать вывод о содержании стратегии и ее предназначении. Утверждение, что Кремль считает военную операцию на Украине экзистенциальной, понадобилось, вероятнее всего, для того, чтобы спровоцировать Россию на применение нестратегического ядерного оружия в целях эскалации конфликта в конце 2022 г. Под экзистенциальной угрозой понимается угроза самому существованию России, утраты ею суверенитета. Цель обвинений – подорвать поддержку России в мире и усугубить внутривластную ситуацию. Технологии риск-рецепции замещают реальное действие, в данном случае происходит манипулирование оценкой опасности экзистенциальной угрозы ядерной войны, а не эскалация ядерного противостояния.

Выводы

Анализ политических аспектов проблемы восприятия рисков на примере коммуникативных процессов в сфере международных отношений дал возможность сделать несколько принципиальных обобщений относительно эвристического и практического потенциала когнитивных теорий. Когнитивно-нарратологический подход, выбираемый в качестве теоретико-методологического основания исследования, позволяет выявлять и когнитивные,

и эмоциональные элементы восприятия рисков. Именно последние, в отличие от рациональных когний, иногда в большей степени помогают объяснять особенности когнитивных процессов восприятия и репрезентации, протекающих в сознании. Эффективность практик управления политическими рисками зависит от многих факторов, в том числе от успешности технологий управления/манипулирования когнитивными свойствами индивидуального, группового и общественного сознания. Принцип механизма действия технологий риск-рецепции (технологий управления восприятием рисков) включает воздействие на когницию «восприятия», или «рецепции». Востребованность технологий риск-рецепции как элемента стратегического воздействия на политических оппонентов напрямую связана с ограниченностью иного рода ресурсов: экономических, военных, информационных. Технологии риск-рецепции, включающие механизм стратегических нарративов, являются чрезвычайно перспективными в сфере международных отношений, прежде всего как инструмент «мягкой силы», когда иные ресурсы влияния недоступны. Коммуникативные технологии с использованием стратегических нарративов, применяемые в практике международных отношений, имеют значительный потенциал управления восприятием рисков. Проблема эффективности применения технологий риск-рецепции заключается в недостаточной изученности вопроса о том, почему одни стратегии достигают поставленных целей, а другие показывают ничтожные результаты в условиях современного геополитического кризиса.

Литература

- Луман 2013 – *Луман Н.* Риск и опасность // Отечественные записки. 2013. № 2. С. 19–51.
- Boholm 1998 – *Boholm A.* Comparative studies of risk perception. A review of 20 years of research // Journal of risk research. 1998. Vol. 1. No. 2. P. 135–163.
- Charap, Priebe 2023 – *Charap S., Priebe M.* Avoiding a Long War. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA2510-1.html> (дата обращения 29.01.2023).
- Coleman 1993 – *Coleman C.L.* The influence of mass media and interpersonal communication on societal and personal risk judgments // Communication Research. 1993. Vol. 20. No. 4. P. 611–628.
- Dobbins, Cohen 2019 – *Dobbins, J., Cohen R.S. et al.* Overextending and unbalancing Russia. Assessing the impact of cost-imposing options. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2019. URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html (дата обращения 29.01.2023).

- Eder 2003 – *Eder J.* Narratology and cognitive reception theories // What is narratology? Questions and answers regarding the status of a theory / Ed. by T. Kind, H.-H. Müller. Berlin: De Gruyter, 2003. P. 277–301.
- Gerunov 2022 – *Gerunov A.* Risk in digital assets // Risk analysis for the digital age. Springer, 2022. P. 81–114.
- Hao, Li, Wu 2023 – *Hao J., Li J., Wu D.* Bibliometric analysis of risk science from 1996 to 2021. Insights and implications // Journal of Risk Research. 2023. Vol. 26. No. 5. URL: <https://doi.org/10.1080/13669877.2023.2176914> (дата обращения 02.04.2023).
- Lundberg, Willis 2019 – *Lundberg R., Willis H.H.* Examining the effectiveness of risk elicitations. Comparing a deliberative risk ranking to a nationally representative survey on homeland security risk // Journal of Risk Research. 2019. Vol. 22. No. 12. P. 1546–1560.
- McComas 2006 – *McComas K.A.* Defining moments in risk communication research. 1996–2005 // Journal of Health Communication. 2006. Vol. 11. No. 1. P. 75–91.
- Miskimmon, Roselle, O’Loughlin 2013 – *Miskimmon A., Roselle L., O’Loughlin B.* Strategic narratives. Communication power and the New World Order. New York: Routledge. 2013. 224 p.
- Oh, Paek, Hove 2015 – *Oh S.H., Paek H.J., Hove T.* Cognitive and emotional dimensions of perceived risk characteristics, genre-specific media effects, and risk perceptions. The case of H1N1 influenza in South Korea // Asian Journal of Communication. 2015. Vol. 25. No. 1. P. 14–32.
- Paek, Hove 2017 – *Paek H.J., Hove T.* Risk perceptions and risk characteristics. 29 March 2017. URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228613.013.283> (дата обращения 29.03.2023).
- Perko, Thijssen, Turcanu, Van Gorp 2014 – *Perko T., Thijssen P., Turcanu C., Van Gorp B.* Insights into the reception and acceptance of risk messages. Nuclear emergency communication // Journal of Risk Research. 2014. Vol. 17. No. 9. P. 1207–1232.
- Renn 2006 – *Renn O.* Risk communication – consumers between information and irritation // Journal of Risk Research. 2006. Vol. 9. No. 8. P. 833–849.
- Rohrmann, Renn 2000 – *Rohrmann B., Renn O.* Risk perception research. An introduction // Cross-cultural risk perception. A survey of empirical studies. Amsterdam: Manuscript for Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 11–53.
- Slovic 1987 – *Slovic P.* Perception of risk // Science. 1987. Vol. 236. No. 4799. P. 280–285.

References

- Boholm, A. (1998). “Comparative studies of risk perception. A review of 20 years of research”, *Journal of risk research*, vol. 1, no. 2, pp. 135–163.
- Charap S. and Priebe, M. (2023), *Avoiding a Long War*, available at: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA2510-1.html> (Accessed 29 Jan. 2023).

- Coleman, C.L. (1993), "The influence of mass media and interpersonal communication on societal and personal risk judgments", *Communication Research*, vol. 20, no. 4, pp. 611–628.
- Dobbins, J., Cohen, R.S., et al. (2019), *Overextending and unbalancing Russia. Assessing the impact of cost-imposing options*, Santa Monica, CA: RAND Corporation, available at: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html (Accessed 29 Jan. 2023).
- Eder, J. (2003), "Narratology and cognitive reception theories", in Kindt, T. and Müller, H.-H. (eds.), *What is narratology? Questions and answers regarding the status of a theory*, De Gruyter, Berlin, Germany, pp. 277–301.
- Gerunov, A. (2022), "Risk in digital assets", in *Risk analysis for the digital age*, Springer, pp. 81–114.
- Hao, J., Li, J. and Wu, D. (2023), "Bibliometric analysis of risk science from 1996 to 2021. Insights and implications", *Journal of Risk Research*, vol. 26, no. 5, available at: <https://doi.org/10.1080/13669877.2023.2176914> (Accessed 2 Apr. 2023).
- Luhman, N. (2013), "Risk and peril", *Otechestvennyye zapiski*, no. 2, pp. 19–51.
- Lundberg, R. and Willis, H.H. (2019), "Examining the effectiveness of risk elicitation. Comparing a deliberative risk ranking to a nationally representative survey on homeland security risk", *Journal of Risk Research*, vol. 22, no. 12, pp. 1546–1560.
- McComas, K.A. (2006), "Defining moments in risk communication research. 1996–2005", *Journal of Health Communication*, vol. 11, no. 1, pp. 75–91.
- Miskimmon, A., Roselle, L. and O'Loughlin, B. (2013), *Strategic Narratives: Communication power and the New World Order*, Routledge, New York, USA.
- Oh, S.H., Paek, H.J. and Hove, T. (2015), "Cognitive and emotional dimensions of perceived risk characteristics, genre-specific media effects, and risk perceptions. The case of H1N1 influenza in South Korea", *Asian Journal of Communication*, vol. 25, no. 1, pp. 14–32.
- Paek, H.J. and Hove, T. (2017), *Risk perceptions and risk characteristics*, available at: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228613.013.283> (Accessed 29 Mar. 2023).
- Perko, T., Thijssen, P., Turcanu, C. and Van Gorp, B. (2014), "Insights into the reception and acceptance of risk messages. Nuclear emergency communication", *Journal of Risk Research*, vol. 17, no. 9, pp. 1207–1232.
- Renn, O. (2006), "Risk communication – consumers between information and irritation", *Journal of Risk Research*, vol. 9, no. 8, pp. 833–849.
- Rohrmann, B. and Renn, O. (2000), "Risk perception research. An introduction", *Cross-cultural risk perception. A survey of empirical studies*, Manuscript for Kluwer Academic Publishers, Amsterdam, Netherlands, pp. 11–53.
- Slovic, P. (1987). "Perception of risk", *Science*, vol. 236, no. 4799, pp. 280–285.

Информация об авторе

Татьяна А. Подшибякина, доктор политических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; 344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105; tan5@bk.ru

Information about the author

Tatiana A. Podshibyakina, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; 105, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, Russia, 344006; tan5@bk.ru

Социально-политические риски гражданского участия российской молодежи в условиях цифровизации общества

Юлия Б. Киняшева

*Тульский государственный университет, Тула, Россия,
kinyasheva76@mail.ru*

Сергей В. Муращенко

*Тульский государственный университет, Тула, Россия,
msv231284msv@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются онлайн-формы гражданского участия молодежи в цифровом пространстве, направленные на защиту гражданских прав, выражение политических позиций, демонстрацию отношения к принимаемым решениям органами власти. Зачастую гражданская активность молодежи выходит за рамки социальных задач и вопросов (волонтерство, участие в социальных проектах и др.), приобретает политизированный характер в связи с зависимостью многих решений от органов власти. Поэтому в статье гражданское участие рассматривается во взаимосвязи с политической активностью молодежи. Доказано, что излишняя свобода действий и бесконтрольность в социальных медиа, доступность разных информационных каналов, снижение доверия и лояльности к официальным источникам информации создают зону социально-политических рисков проявления протестной гражданской активности молодежи, которая попадает под влияние манипуляторов (инфлюенсеров) и усиливается как в онлайн-, так и офлайн-форматах. В ходе экспертного опроса было установлено, что в результате онлайн-коммуникации проявляются контентные, коммуникационные, электронные и идеологические социально-политические риски, последствием которых могут быть деструктивные действия со стороны молодых граждан в социальных сетях (критика, осуждение, буллинг, дезинформация, агрессия и т. д.) в отношении политической системы. Благодаря принятию своевременных институциональных мер возможно управление цифровым пространством, и в частности, социально-политическими рисками гражданского участия молодежи в современной России.

Ключевые слова: гражданское участие, политическое участие, цифровизация, молодежь, сетевизация политической системы, социально-по-

литический риск, контентный риск, электронный риск, идеологический риск, коммуникационный риск

Для цитирования: Киняшева Ю.Б., Мурашченков С.В. Социально-политические риски гражданского участия российской молодежи в условиях цифровизации общества // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 3. С. 108–121. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-108-121

Socio-political risks of civic participation of the Russian youth in the conditions of digitalization of society

Yulia B. Kinyasheva

Tula State University, Tula, Russia, kinyasheva76@mail.ru

Sergei V. Murashchenkov

Tula State University, Tula, Russia, msv231284msv@yandex.ru

Abstract. The article considers online forms of civic participation of young people in the digital space, aimed at protecting their rights, expressing political positions, demonstrating attitude to decisions made by authorities. Oftentimes the civic activity of young people goes beyond social tasks and issues (volunteering, participation in social projects, etc.), becomes politicized due to the dependence of many decisions on the authorities. Therefore, the article considers civic participation in relation to the political activity of young people. It is proved that excessive freedom of action and lack of control in social media, the availability of various information channels, a decrease in trust and loyalty to official sources of information, create a zone of socio-political risks of the manifestation of the protest civic activity of young people, which falls under the influence of manipulators (influencers) and intensifies both online and offline formats. During the expert survey, it was found that as a result of online communication, content, communicational, electronic and ideological socio-political risks manifest themselves. The risks may produce consequences which may be destructive actions on the part of young citizens in social networks (criticism, condemnation, bullying, disinformation, aggression, etc.) against the political system. Due to the adoption of timely institutional measures, it is possible to manage the digital space, and in particular, the socio-political risks of civic participation of young people in modern Russia.

Keywords: civic participation, political participation, digitalization, youth, networking of the political system, socio-political risk, content risk, electronic risk, ideological risk, communication risk

For citation: Kinyasheva, Yu.B., Murashchenkov, S.V. (2023), "Socio-political risks of civic participation of the Russian youth in the conditions of digitalization of society", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 108–121, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-108-121

В политической системе общества цифровизация рассматривается как современный тренд с широкими коммуникативными возможностями, преобразующими традиционный формат гражданского участия молодежи (и политического участия в частности) в онлайн-практики. Учитывая, что молодежь наиболее активная и восприимчивая социальная группа, способная быстрее адаптироваться к различного рода социально-политическим, экономическим и иным изменениям, проявление ее гражданской активности в Интернет-пространстве становится неотъемлемой частью современной жизни. Особый интерес здесь представляет формирование цифровых навыков и умений у молодых людей использовать сетевые ресурсы для решения социально значимых вопросов, защиты своих нарушенных прав и свобод, отстаивания политических интересов и выражения политических взглядов. В то же время неконтролируемая сетевая коммуникация может представлять угрозу для целостности политической системы: способствовать снижению легитимности действующей власти, приводить к социально-политическим потрясениям, трансформировать ценностное сознание граждан и формировать их протестную активность. Именно поэтому анализ рисков политического участия молодежи в условиях цифровизации общества представляется весьма актуальным, особенно в текущей ситуации в мире.

Для понимания возможностей онлайн-формата политического участия молодежи важно проанализировать содержание концепций современного сетевого общества. Согласно М. Кастельсу, это социальная структура, выстраивающаяся вокруг сетей, информации и коммуникационных технологий, позволяющая, с одной стороны, интегрировать граждан для достижения каких-либо целей в едином информационном пространстве (создание групп, бесед, чатов, блогов на веб-платформах), с другой стороны, ведущая к фрагментации и дезинтеграции в реальной жизни [Кастельс 2000, с. 15–23; Серкина 2019, с. 161–169]. Ю. Хабермас рассматривает цифровое общество как систему, в которой осуществляется процесс наращивания коммуникаций, способных создавать новые виды и формы организаций между гражданами в информационном пространстве. Он подчеркивает, что неравномерность доступа к

сетевым ресурсам, разные навыки людей в работе с информацией дифференцирует их по социальным группам, происходит так называемый «цифровой водораздел» [Хабермас 2012, с. 111–120; Макаревич 2020, с. 98–119]. Следовательно, сетевизация политической системы предполагает использование разнообразных технологий и форм коммуникации между различными субъектами всех общественных сфер с целью влияния на происходящие процессы в обществе.

Цифровое общество предоставляет молодым гражданам возможность реализовать свои права, интегрироваться в различные социально-политические процессы и структуры. Следовательно, участие в политической жизни, выражение своих позиций и взглядов, объединение с единомышленниками для решения каких-либо социально-политических задач, а также влияния на принятие политических решений позволяет рассматривать гражданскую активность в контексте политической. Х. Макклоски определяет политическое участие как «добровольную деятельность, посредством которой члены общества участвуют в выборе правителей и, прямо или косвенно, в формировании государственной политики» [McCloskey, p. 481]. Согласно М. Каазе, «под политическим участием понимается всякая деятельность, добровольно осуществляемая гражданами с целью оказать влияние на принятие решений на различных уровнях политической системы» [Kaase 1991, pp. 251–252]. Гражданское участие, в интерпретации Г. Алмонда и С. Вербы, трактуется как «процесс контроля и влияния на акторов принятия решений, затрагивающих интересы граждан, а усвоение политических ценностей гражданской культуры зависит от включенности граждан в разные сферы активности» [Алмонд, Верба 1992, с. 122–134]. По С.Г. Кирдиной, гражданское участие – это «сфера деятельности граждан за пределами частной жизни, их готовность и возможность активно участвовать в происходящих социальных процессах» [Кирдина 2012, с. 65]. Другие исследователи – Л.И. Никовская, В.Н. Якимец, В.В. Петухов – рассматривают гражданское участие через призму инструментального подхода, говоря о легитимных формах гражданской активности в решении социально-политических проблем. Учеными подчеркивается значимость именно гражданской инициативы, стремление реализовать свое участие в общественных процессах. Важным элементом гражданского участия становится развитие взаимодействия граждан и органов власти, где активность граждан сопряжена с созданием условий со стороны государственных структур к реализации ими своих гражданских прав [Никовская, Якимец 2016; Петухов 2012]. Таким образом, связь между гражданским и политическим участием

обусловлена проявляемой активностью субъектов, выходящих за пределы частных интересов, ориентированной на общественные вопросы и социально значимые задачи. При этом гражданское участие приобретает черты политического при непосредственном взаимодействии с органами власти и влиянии на принятие политико-управленческих решений, обеспечивающих жизнедеятельность всего общества.

Проявление активности среди молодого населения является вполне закономерным, поскольку молодежь достаточно мобильна, развита интеллектуально, творчески ориентирована, способна реализовать себя в различных сферах, здорова для труда и какой-либо деятельности. Именно молодое население наиболее быстро осваивает цифровые инновации, быстрее начинает применять современные информационные технологии в своей жизнедеятельности. М. Мид отмечает, что современному обществу свойственна «префигуративная культура», когда молодежь не только перенимает знания и навыки у взрослых, но сама создает новые тренды, которым обучает старшее поколение [Мид 1988, с. 211–243]. При этом молодые люди достаточно уязвимы, впечатлительны, обладают меньшим адаптационным потенциалом, что открывает возможности для воздействия на их сознание, манипуляции и давления.

Развитие цифрового общества приводит к изменению традиционных форм проявления гражданского участия молодежи, развиваются новые возможности самореализации граждан и защиты своих прав, в том числе в политической сфере. Для изучения тенденций участия молодых граждан в социально-политических процессах в социальных сетях при непосредственном участии авторов статьи было проведено исследование методом экспертных оценок (опрошены 30 экспертов, занятых в сфере политики и государственного управления, образования и науки, информационной безопасности, программирования и SMM)¹. Учитывая разнообразие статистических данных по тематике исследования, было принято решение о важности использования именно качественного метода, позволяющего решить несколько системных задач: сопоставить количественные и качественные характеристики изучаемого объекта (цифрового гражданского участия) и детальнее охарактеризовать не только сам объект исследования и его параметры, но и процессы, связанные с ним (риски цифрового участия, последствия, условия).

¹Экспертный опрос «Участие молодежи в решении социально-политических проблем: формы, условия, риски». Лаборатория социально-политических исследований ТулГУ (2022 г.). Руководители: Батанина И.А., Муращенко С.В., Киняшева Ю.Б. Объем выборки: 30 экспертов.

Целью данного исследования являлся анализ условий и форм реализации гражданского участия молодежи в социальных медиа для снижения вероятности возникновения рисков в их деятельности и поиска конструктивных мер их преодоления в цифровой среде. В исследовании авторами была интерпретирована категория «цифровизация участия», которая рассматривается как расширение возможностей граждан в реализации и защите своих прав посредством обращений к информационным и коммуникационным технологиям, как новая форма выражения молодыми людьми своих позиций, как инструмент осуществления коллективной мобилизации и вовлечения в какие-либо социально-политические процессы. Операционализовав данное понятие через призму проявления как его конструктивного, так и деструктивного потенциала, руководители исследования приходят к мнению о важности преодоления негативных аспектов онлайн-участия граждан, прогнозируемых и вероятных в современной цифровой среде.

Итак, в современном российском обществе различают следующие формы гражданского участия: вступление в политические партии, общественно-политические движения (11 экспертов); участие в проектной деятельности, направленной на преобразование каких-либо сфер общества (6 экспертов); развитие некоммерческих общественных организаций (4 эксперта); социальная и волонтерская помощь по различным направлениям (8 экспертов); обращение в различные государственные структуры для решения конкретных проблем в сфере ЖКХ, транспорта, социального обеспечения и т. д. (21 эксперт); ведение социальных страниц, блогов, чатов в сетевых ресурсах (26 экспертов); участие в экспертных общественных комиссиях, общественных комитетах, советах жилых домов и т. д. (3 эксперта); создание инициативных групп для решения каких-либо задач (9 экспертов); выступление в средствах массовой информации с инициативными предложениями (5 экспертов); создание петиций, коллективных писем, предложений для органов власти разного уровня (6 экспертов); участие в митингах, акциях, демонстрациях (12 экспертов); обращения на порталы органов власти, в электронные приемные, «горячие» линии и т. д. (19 экспертов). Подобные результаты экспертного опроса в целом сохраняются с 2019 г.², которые подтверждают выводы онлайн-опроса Р.В. Пырмы [Пырма 2019, с. 103–104]. Согласно мнению экспертов, на фоне социально-

²Онлайн-опрос 1000 респондентов (август–сентябрь 2019 г.). Репрезентативная выборка сформирована в соответствии с возрастными квотами молодежи 15–19, 20–24, 25–29 лет с территориальным распределением по федеральным округам РФ.

политической напряженности в российском обществе (экономические санкции, сложная международная обстановка, внутренние противоречия, изменения законодательства) начинают доминировать онлайн-формы участия молодежи в политической жизни общества, выражающие протестные настроения.

Эксперты отмечают двойственный процесс конструирования моделей гражданского участия российской молодежи: «сверху», принуждая и мобилизуя молодых людей участвовать в предлагаемых органами власти формах выражения своих прав и свобод (участие в конкурсах грантов; привлечение в общественные советы, организации; развитие наблюдательных комиссий; привлечение к социально-политическим акциям и др.), и «снизу», самостоятельно: вовлекаясь в какие-либо сообщества, группы, проявляя искренний интерес к деятельности государственных структур, выражая свои позиции и мнения по поводу актуальных событий, принимаемых решений и т. д. Объективно контролируемый процесс гражданского участия («сверху») может вызвать интерес к политической жизни, повысить воспроизводимость и целостность политической системы, что обусловит добровольность и консенсусность последующей гражданской активности со стороны данных субъектов. В то же время принудительный характер часто приводит к отторжению молодых людей от каких-либо политических процессов, формированию оппозиционных взглядов, радикальных настроений, что детерминировано максималистскими взглядами на политику, стремлением к свободе выбора форм взаимодействия и каналов коммуникации. Зачастую в политической системе сетевые каналы коммуникации ограничиваются традиционными форматами, техническими возможностями инфраструктуры, а также излишним контролем над информационными потоками.

Популярность онлайн-форм участия молодых людей в социально-политической жизни также определяется такими преимуществами, как оперативность, открытость и публичность коммуникаций, разнообразие проектов и площадок в Интернете. Так, согласно Brand Analytics в октябре 2022 г. число активных авторов в социальных медиа в России составило 62,2 млн. Авторы написали более 1,5 млрд публичных сообщений в месяц – постов, репостов и комментариев (по сравнению с октябрём 2021 г. – 1,1 млрд сообщений). При этом наиболее популярными социальными сетями называется сеть ВКонтакте (28 млн человек)³. Также отмечается и

³См.: Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2022. URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2022/> (дата обращения 31.01.2023).

рост контента (+36%) в качестве ответной реакции социальных медиа на общественно-политические события. Также в связи с запрещением после начала специальной военной операции зарубежных социальных сетей Instagram и Facebook наблюдается активный рост пользователей социальной платформы Telegram (на 144% по сравнению с октябрём 2021 г.)⁴. Однако нахождение в цифровом пространстве создает и множество рисков участия молодых граждан в социально-политических процессах.

По мнению экспертов, молодежь сталкивается в социальных медиа со следующими социально-политическими рисками:

- контентные риски, связанные с потреблением социально-политической информации неподобающего и незаконного содержания, оказывающие психологическое влияние на личность, формирование оппозиционных, экстремистских, антиправительственных взглядов и настроений;
- коммуникационные риски, предполагающие обмен информацией между субъектами, использующие в адрес молодых людей методы агрессивного воздействия, манипулирования сознанием, информационного давления, поиска жертв через сети, планирующие вовлечение в ряды преступных организаций;
- идеологические риски, предполагающие в политических целях дезинформацию, информационное насилие, формирование ложного мировоззрения и пр.;
- электронные риски, включающие хищение персональной информации, создание ложных страниц, профилей, внедрение вредоносного программного обеспечения, проведение вирусных атак, онлайн-мошенничество, спам и другое.

Все эксперты сходятся во мнении, что в современных условиях указанные риски носят комбинированный характер, сочетая разные способы влияния на настроения и поведение молодежи.

Недостаточно правдивая информация (23 эксперта) в социальных медиа, содержащая определенную информационную повестку (18 экспертов), включающую активную критику политических субъектов (12 экспертов), осуждение их действий, решений (17 экспертов), призывы к каким-либо изменениям (4 эксперта), приводит к формированию протестной модели гражданского участия, сохраняющей латентные позиции в онлайн-пространстве. Среди экспертных оценок наиболее интересны следующие: *«молодежь в комментариях часто высказывает свои позиции, но не готова публично их продемонстрировать»*; *«критикует власть под постами*

⁴Там же.

без предложения вариантов решения проблемы»; «в комментариях много ботов, которые должны зажечь аудиторию, провоцируя на мнения или реальные действия»; «при обсуждении местной, текущей повестки диалог сводится к критике власти и внешней политики»; «отмечается периодический всплеск молодежной активности в социальных сетях, как только острота повестки дня снижается, пропадает интерес к ней и со стороны молодежи» и др. Следовательно, контентный риск не представляется столь опасным для политической системы и может быть контролируемым (формирование информационной повестки, целенаправленное управление подаваемой информацией), но является системным фактором, способным актуализировать другие риски для общества.

Проявление коммуникационных рисков в современном обществе является, с одной стороны, следствием неграмотного и неаккуратного поведения молодежи в цифровом пространстве (26 экспертов) («пишут всё, что вздумается», «дают резкие высказывания и замечания», «не думают о вреде комментариев», «не оценивают свое поведение в социальных сетях», «не замечают провокаций со стороны иных лиц» и др.), а с другой – втягиванием их в диалог представителями преступных организаций (23 эксперта), отбором и оценкой психологической несостоятельности молодых людей в адекватном и объективном оценивании ситуации (16 экспертов), вербовкой на протестные (7 экспертов) или преступные действия (6 экспертов). Как отмечает информационное агентство ТАСС, в 2021 г. «10,5 млн детей являются активными подписчиками деструктивных групп и сообществ в сети Интернет», хотя постепенно такая статистика снижается ввиду блокировки ряда социальных сетей, активности равнодушных граждан и действий правоохранительных органов⁵.

Идеологические риски представляют собой комплекс угроз государству и обществу, имеющих отсроченный характер действия и связанных с формированием концепций мироустройства, взглядов на политическую систему, вариантов ее развития. Благодаря развитию социальных сетей, свободе общения в сети Интернет у молодежи могут конструироваться нетрадиционные ценности (15 экспертов), ошибочные идеалы (6 экспертов), оппозиционное мировоззрение (18 экспертов), ложные представления об истории (21 эксперт). Нахождение граждан в цифровом пространстве трансформирует их личность, делая представителей молодежи: бо-

⁵См.: Более 10 млн детей в России подписаны на деструктивные группы и сообщества в Интернете. URL: <https://tass.ru/obschestvo/15758099> (дата обращения 01.02.2023).

лее взрослыми в понимании и оценивании ими политической ситуации, своей гражданской позиции; более деятельными и способными к активным действиям по отстаиванию своих гражданских прав; более самостоятельными и не нуждающимися в контроле и поддержке со стороны родителей, педагогов, наставников. Именно поэтому молодежь часто подвержена влиянию со стороны тех субъектов, которые внушают, по ее мнению, большее доверие. В высказываниях экспертов объясняется подверженность молодых лиц идеологической внушаемости: *«молодежь черпает информацию скорее из социальных сетей, чем из официальных источников»*, *«молодежь привлекают сайты, блоги, группы в социальных сетях, которые используют “лайтовый” контент, непринужденное общение, что обеспечивает популярность этим медиа»*, *«содержат интересный контент»*, *«происходит обнародование эксклюзивных фактов»*, *«молодые люди ищут ответы на вопросы, которые не могут найти в официальных информационных ресурсах»*. Подобная ситуация приводит к формированию у молодежи отличной от предложенной государством системы ценностей, что создает идеологическую угрозу для существования целостности политической системы в будущем.

В России особенно распространены электронные риски в различных сферах жизни общества, что не исключает их проявление и в политической среде. 23 экспертами отмечено, что наиболее актуальным для социально-политического процесса становится кибертерроризм, то есть взломы правительственных и военных сайтов, баз данных. Как правило, к этой незаконной деятельности привлекается молодежь, владеющая IT-технологиями. Это становится серьезной угрозой для стабильности политической системы, обороноспособности государства, а также функционирования критической инфраструктуры. Это находит подтверждение и в словах вице-преьера Д. Чернышенко. Он отмечает, что «в 2022 г. число кибератак на Россию увеличилось на 80% по сравнению с 2021 г. российские специалисты ликвидировали более 25 тысяч кибератак на государственные ресурсы и 1200 – на критическую инфраструктуру»⁶.

Таким образом, рассмотренные социально-политические риски, проявляемые в ходе активных действий молодежи в цифровом пространстве выступают одними из базовых предпосылок развития протестных форм участия, причем с вероятностью актуализации их и в офлайн-среде.

⁶См.: Число кибератак на Россию увеличилось на 80% // Коммерсантъ. 24.10.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5632614> (дата обращения 25.12. 2022).

Подводя итог проведенному исследованию, нужно отметить, что социально-политические риски во многом связаны и с личностными проблемами молодежи в социальных сетях. Под деструктивным влиянием со стороны манипуляторов у молодых людей наблюдаются нарушения идентичности и формирование аутических симптомов, проявляемых в замкнутости и искаженном представлении о реальности [Касавина 2019, с. 224–226]. Большой поток информации, фрагментарность восприятия сведений, подмена реальной жизни виртуальной ведут к отчуждению личности от традиционных форматов коммуникации. А это, в свою очередь, способствует вовлечению молодых граждан в закрытые онлайн-группы, пропагандирующие антисистемные идеи. В подобных группах может происходить вербование участников на протестные акции, действия экстремистского толка. Следовательно, отсутствие навыков работы с информацией в цифровой среде и развитых адаптационных возможностей делает молодежь уязвимой категорией для преступных организаций, которые могут их вовлекать в противозаконную деятельность.

Также развивается интернет-зависимость у молодых людей из-за пребывания в сетевых ресурсах большое количество времени. Учитывая высокую интернет-активность молодежи, снижение возрастных границ пользователей и бесконтрольность присутствия в информационном пространстве, возникает множество рисков, связанных с потреблением негативной информации, возникновением агрессивных форм поведения. Эта агрессия зачастую проявляется не только в активности в интернет-среде (комментарии к постам, призывы к насильственным действиям, выкладывание фото- и видеоконтента со сценами насилия и т. д.), но и в реальном мире в ходе отношений с другими гражданами. Перенос агрессии и насильственных действий в обычную жизнь приводит к деструктивным формам взаимодействия (конфликты этнического характера, уличные драки, погромы и др.) [Буланова, Костенко 2019, с. 124–126].

В современном обществе возрастает значение виртуализации процессов, что превращает интернет-пространство в средство развлечения, досуга. В результате, с одной стороны, снижается вероятность развития деструктивных форм гражданского участия за счет утраты гражданами интереса к общественно-политическим процессам, с другой – проявляется деградация институтов гражданского общества, отказ от участия в политической жизни, увеличение разрыва отношений между властью и гражданами. Все это негативно сказывается на легитимности политических институтов, способности их влиять на принятие действенных политических решений [Дорожкин, Гаекулов 2022, с. 118–119].

Таким образом, становится очевидно, что при усилении роли цифровизации, развитии интернет-ресурсов возникает потребность, с одной стороны, оптимизации форм контроля государственными органами за потоком информации и информационной средой в целом, действиями различных субъектов, с другой – повышения компетентности пользователей с целью совершенствования форм гражданского участия. Необходимо не только иметь знания и навыки работы в интернет-среде, но и уметь рационально оценивать получаемую информацию о политических процессах, рассуждать на политические темы, самостоятельно принимать политические решения. Цифровая среда должна способствовать развитию гражданского участия, конструктивному самовыражению позиций молодежи, связанных с решением общественно-политических проблем, участием в социально значимых мероприятиях.

Литература

- Алмонд, Верба 1992 – *Алмонд Г.А., Верба С.* Гражданская культура и стабильность демократии // Полис: Политические исследования. 1992. № 4. С. 122–134.
- Буланова, Костенко 2019 – *Буланова М.Б., Костенко В.В.* НЕЕТ-молодежь: протестный потенциал и реальность // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 120–129.
- Дорожкин, Гаекулов 2022 – *Дорожкин Ю.Н., Гаекулов Э.Н.* Цифровая трансформация гражданского протестного участия в современной России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 2. С. 115–121.
- Касавина 2019 – *Касавина Н.А.* Молодежь в цифровом обществе: риски и возможности // Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов: XV Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов»: Сб. докл. СПб., 2019. С. 222–229.
- Кастельс 2000 – *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
- Кирдина 2012 – *Кирдина С.Г.* «Гражданское общество»: уход от идеологемы // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 63–73.
- Макаревич 2020 – *Макаревич Э.Ф.* Концепция публичной сферы Ю. Хабермаса как модель медиавлияния в новой реальности // PolitBook. 2020. № 3. С. 98–119.
- Мид 1988 – *Мид М.* Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 429 с.
- Никовская, Якимец 2016 – *Никовская Л.И., Якимец В.Н.* Институциональное развитие межсекторного партнерства в России // Полис: Политические исследования. 2016. № 5. С. 37–48.
- Петухов 2012 – *Петухов В.В.* Гражданское общество и гражданское участие // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1. С. 23–26.

- Пырма 2019 – *Пырма Р.В.* Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 9. С. 110–110.
- Серкина 2019 – *Серкина Н.Е.* Понятие сетевого общества М. Кастельса // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 2. С. 161–169.
- Хабермас 2012 – *Хабермас Ю.* Ах, Европа: Небольшие политические сочинения. М.: Весь мир, 2012. 160 с.
- Kaase 1991 – *Kaase M.* Partizipation. Staat und Politik. Bonn, 1991. S. 251–252.
- McCloskey 1983 – *McCloskey D.* The rhetoric of economics // Journal of Economic Literature. 1983. Vol. 21. No. 2. P. 481–517.

References

- Almond, G.A. and Verba, S. (1992), “Civic culture and stability of democracy”, *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 122–134.
- Bulanova, M.B. and Kostenko, V.V. (2019), “NEET-youth. Protest potential and reality”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 120–129.
- Dorozhkin, Yu.N. and Gaetkulov, E.N. (2022), “Digital transformation of civil protest participation in modern Russia”, *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, vol. 12, no. 2, pp. 115–121.
- Kasavina, N.A. (2019), “Youth in a digital society. Risks and opportunities”, in *Usloviya i sposoby povysheniya aktivnosti molodezhi kak sub”ekta innovatsii i ustoichivogo razvitiya regionov: XV Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Problemy sotsiokul’turnoi evolyutsii Rossii i ee regionov”: Sb. dokl.* [Terms and means of increasing youth activism as a subject of innovation and sustainable development of regions. 15th All-Russian scientific and practical conference “Issues of the socio-cultural evolution of Russia and its regions”. Collection of reports. Saint Petersburg, Russia, pp. 222–229.
- Castells, M. (2000), *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul’tura* [Information age. Economics, society and culture], HSE University, Moscow, Russia.
- Kirdina, S.G. (2012), “‘Civil society’. Departure from the ideologeme”, *Sotsiologicheskoe Issledovaniia*, no. 2, pp. 63–73.
- Makarevich, E.F. (2020), “The concept of the public sphere by J. Habermas as a model of media influence in the new reality”, *PolitBook*, no. 3, pp. 98–119.
- Mead, M. (1988), *Kul’tura i mir detstva* [Culture and the world of childhood], Nauka, Moscow, USSR.
- Nikovskaya, L.I. and Yakimets, V.N. (2016), “Institutional development of intersectoral partnership in Russia”, *Polis. Political Studies*, no. 5, pp. 37–48.
- Petukhov, V.V. (2012), “Civil society and civic participation”, *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny*, no. 1, pp. 23–26.

- Пурма, R.V. (2019), "Protest moods of Russian youth in the digital network", *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, no. 9, pp. 110–110.
- Serkina, N.E. (2019), "The concept of a network society by M. Castells", *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, no. 2, pp. 161–169.
- Habermas J. (2012), *Ah, Europe. Short political writings*, Ves' Mir, Moscow, Russia.
- Kaase, M. (1991), *Partizipation. Staat und Politik*, Bonn, Germany, SS. 251–252.
- McCloskey, D. (1983), "The rhetoric of economics", *Journal of Economic Literature*, vol. 21, no. 2, pp. 481–517.

Информация об авторах

Юлия Б. Киняшева, кандидат политических наук, Тульский государственный университет, Тула, Россия; 300012, Россия, Тула, пр-т Ленина, д. 92; kinyasheva76@mail.ru

Сергей В. Муращенко, кандидат политических наук, Тульский государственный университет, Тула, Россия; 300012, Россия, Тула, пр-т Ленина, д. 92; msv231284msv@yandex.ru

Information about the authors

Yulia B. Kinyasheva, Cand. of Sci. (Political Science), Tula State University, Tula, Russia; 92, Lenin Av., Tula, 300012, Russia; kinyasheva76@mail.ru

Sergei V. Murashchenkov, Cand. of Sci. (Political Science), Tula State University, Tula, Russia; 92, Lenin Av., Tula, 300012, Russia; msv231284msv@yandex.ru

Политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 328.1

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-122-137

Роспуск парламента в парламентских системах:
новации в законодательстве и политической практике

Олег И. Зазнаев

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия, Oleg.Zaznaev@kpfu.ru*

Аннотация. Институт роспуска парламента необходим для разрешения конфликта между парламентом и правительством. Роспуск парламента следует как результат вынесения вотума недоверия правительству, а также в предписанных законом случаях. Один из наиболее частых вариантов – роспуск по инициативе премьер-министра для создания преимуществ правящей партии на досрочных выборах. В статье выделяются новые тенденции в развитии института роспуска парламента в парламентских системах. Одна из них – более редкое его использование для преодоления кризиса во взаимоотношениях ветвей власти. Автор утверждает, что роспуск парламента постепенно превращается из института субъективного усмотрения премьер-министра и правительства в правовой способ разрешения типовых ситуаций в политическом процессе. Этой цели служат конституционно-правовые ограничения на роспуск, которые широко распространены в законодательстве многих парламентских стран. Автор отмечает, что сегодня происходит конституционализация института роспуска с одновременной деполитизацией этого института, а именно – сужением свободы выбора акторов, прежде всего премьер-министра. При этом в современных парламентских системах наблюдается разный объем законодательных ограничений на роспуск. Автор анализирует такую разновидность ограничения на роспуск, как установление фиксированной даты выборов в парламенты Великобритании и Канады. В статье утверждается, что на практике это ограничение не ведет к ослаблению премьер-министра в вопросах роспуска. Сделан вывод о том, что, несмотря на новации в развитии института роспуска парламента,

© Зазнаев О.И., 2023

Статья подготовлена на основе доклада, сделанного автором 3 декабря 2022 г. на Всероссийской конференции РАПН с международным участием «Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности». См.: [Зазнаев 2022].

парламентская система остается гибкой, давая возможность использовать роспуск как механизм разрешения политических разногласий.

Ключевые слова: парламентская система, роспуск парламента, досрочные выборы, вотум доверия, вотум недоверия, конституционно-правовые ограничения роспуска парламента, фиксированная дата выборов в парламент, премьер-министр

Для цитирования: Зазнаев О.И. Роспуск парламента в парламентских системах: новации в законодательстве и политической практике // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 3. С. 122–137. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-122-137

Dissolution of parliament in parliamentary systems. Innovations in the legislation and political practice

Oleg I. Zaznaev

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia,

Oleg.Zaznaev@kpfu.ru

Abstract. The institution of parliamentary dissolution is necessary to resolve the conflict between the parliament and the government. The dissolution of parliament results from a vote no confidence to the government, as well as it happens in cases prescribed by law. One of the most common options is the dissolution at the initiative of the prime minister to create advantages for the ruling party in early elections. The article highlights new trends in the development of the institution of parliament dissolution. One of them is the rarer use of dissolution to overcome the crisis in the relationship between the branches of government. The author argues that parliament dissolution is gradually turning from an institution of subjective discretion of the prime minister and government into a legal way to resolve deadlocks in the political process. This goal is served by the constitutional and legal restrictions on dissolution, which are widespread in the legislation of many parliamentary countries. The author notes that today there is a constitutionalization of the dissolution institute with the simultaneous depoliticization of that institution, namely, the narrowing of the freedom of choice of actors, primarily the prime minister. At the same time, in contemporary parliamentary systems, there is a different amount of dissolution legislative restrictions. The author analyzes such a kind of restriction on dissolution as the introduction of a fixed date for elections to the parliaments of Great Britain and Canada. The article claims that in practice this restriction does not lead to the weakening of the prime minister's power of dissolution. It is concluded that despite innovations in the development of the parliamentary dissolution institution, the parliamentary

system remains flexible, making it possible to use dissolution as a mechanism for resolving political differences.

Keywords: parliamentary system, dissolution of parliament, early elections, vote of confidence, vote of no confidence, constitutional and legal restrictions on the dissolution of parliament, fixed date for parliamentary elections, prime minister

For citation: Zaznaev, O.I. (2023), “Dissolution of parliament in parliamentary systems. Innovations in the legislation and political practice”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 122–137, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-122-137

Введение

Роспуск парламента до истечения конституционного срока полномочий является одним из существенных признаков парламентской системы. По словам У. Блэкстона, автора «Комментария к английским законам», роспуск – это «гражданская смерть парламента» [Bowden 2017, p. 129]. Необходимость роспуска парламента (часто в сочетании с отставкой правительства) обуславливается стремлением разрешить конфликт между законодательной и исполнительной властью. Поэтому парламентской системе свойственна гибкость [Зазнаев, Сидоров 2022, с. 36–37], на что справедливо обратил внимание Х. Линц: «Если попытаться в нескольких словах изложить суть основного различия между президентской и парламентской системами, то можно сказать, что парламентаризм придает политическому процессу определенную гибкость, тогда как системе президентского правления присуща жесткость» [Linz 1994, p. 6].

Роспуск парламента является следствием следующих действий или ситуации:

- 1) вынесение вотума недоверия правительству по инициативе парламента;
- 2) потеря доверия правительства, когда оно по своей инициативе ставит этот вопрос в парламенте;
- 3) принятие решения о роспуске политическим актором/акторами (главой государства, парламентом, премьер-министром или правительством – в зависимости от правил роспуска¹) вне процедур доверия/недоверия правительству;

¹Систематизированные правила роспуска парламента в табличном виде см.: [Delegation 2003, pp. 160–162].

- 4) возникновение прописанной в законе ситуации (например, невозможность сформировать правительство в течение определенного времени [Parliaments 2015, pp. 6, 18] или истечение срока конституционных полномочий парламента), когда актер (например, президент) распускает парламент. Этот случай можно оставить за скобками нашего рассмотрения, поскольку у актора нет выбора, а значит, отсутствует политическая «интрига».

«Чистая» парламентская система характеризуется двумя основными чертами: «исполнительная власть, состоящая из премьер-министра и кабинета министров, возникает из законодательного собрания» и «исполнительная власть в любое время может быть смещена через вотум недоверия большинством законодательного собрания» [Rhodes 2006, p. 324]. Во многих парламентских системах премьер-министр может вносить в парламент предложение о вотуме доверия. Если кабинет теряет вотум доверия, он уходит в отставку и заменяется новым кабинетом, либо легислатура распускается и проводятся новые выборы [Indriðason, Kam 2020, p. 96]. Постановка правительством вопроса о доверии и опасность вотума недоверия со стороны парламента создают возможность «торга» между парламентом и правительством. В ситуации, когда парламент в состоянии проголосовать за вотум недоверия, он может угрожать правительству голосованием по его смещению, что заставляет правительство хотя бы минимально следовать предпочтениям большинства легислатуры. В свою очередь, правительство, которое ставит вопрос о вотуме доверия, может использовать угрозу своей отставки при обсуждении законодательных решений с парламентом, добиваясь от легислатуры нужного ему поведения [Schleiter, Evans 2019, p. 122]. Когда большинство парламента не хочет нового правительства или новых выборов, это заставляет законодателей поддерживать предложения кабинета, даже если эти предложения не соответствуют интересам большинства легислатуры [Indriðason, Kam 2020, p. 96].

При этом вероятность торга зависит от конституционных норм. В разных странах последствия вынесенного правительству вотума недоверия различаются [Schleiter, Evans 2019, p. 2]. В одних странах вотум недоверия автоматически ведет к роспуску парламента, в других странах правила таковы, что они дают парламенту шанс (шансы) сформировать новый кабинет без роспуска парламента и проведения досрочных выборов. Подсчитано, что 56% всех премьер-министров в 21-й промышленно развитой стране в период 1946–1995 гг. сменились без проведения новых выборов [Cheibub 2006, p. 122]. Большинство конституций допускает досрочные

выборы, когда правительство теряет доверие, только при условии согласия других действующих лиц, часто президента, или при определенных, оговоренных конституцией обстоятельствах. Например, в конституциях указывается, что досрочные выборы проводятся в результате вотума недоверия только в том случае, если действующий парламент неоднократно не мог сформировать новое правительство.

Если правительство ставит перед парламентом вопрос о доверии и не получает его, то, как и в случае с вотумом недоверия по инициативе парламента, в одних странах за этим следует «автоматический» роспуск парламента, а в других законодательству дается возможность сформировать новое правительство. В тех странах, где результатом вотума недоверия или отказа в доверии правительству является безусловный роспуск парламента, законодатели рассчитывают, как им голосовать [Cheibub, Rasch 2022, pp. 489–490]. Премьер-министр, имеющий полное право угрожать парламентам досрочными выборами в случае потери вотума доверия, имеет больше возможностей добиться уступок от депутатов, чем премьер-министр, не имеющий права назначать досрочные выборы. Следуя той же логике, инициированный парламентам вотум недоверия менее полезен для него в плане получения уступок от правительства, поскольку законодатели вынуждены понести значительные расходы на досрочных выборах [Schleiter, Evans 2019, p. 7]. Шансы на «торг» между парламентам и правительством возрастают, когда «на кону» оказывается судьба парламента или/и правительства. Осознание минусов роспуска парламента и проведения досрочных выборов побуждает акторов идти на компромиссы.

Вне процедур доверия/недоверия правительству в парламентских системах возможен роспуск по инициативе или решению главы государства (монарха или президента), самого парламента, премьер-министра или правительства. De jure акт о роспуске оформляется главой государства (который, как правило, в парламентской системе de facto редко обладает большой властью в этом вопросе), но инициаторами и участниками этого процесса могут быть другие акторы. Роспуск парламента необходим для того, чтобы оперативно реагировать на изменение политических обстоятельств, к которым можно отнести неработоспособность парламента в условиях нарушения баланса сил, смену премьер-министра между выборами, необходимость получения нового мандата парламента для проведения определенной политики или изменение в партийной конфигурации правительства [Blick 2016, p. 20]. Среди инициаторов и «проводников» роспуска парламента выделяется прежде всего премьер-министр и правительство, обладающие в целом ряде стран

полномочиями по роспуску. При этом зачастую мотивы исполнительной власти – отнюдь не альтруистические. Исполнительная власть может преследовать эгоистические политические интересы, идя на роспуск (подробнее об этом речь пойдет ниже).

Итак, роспуск парламента – институт, который ведет к изменению расстановки политических сил – балансу или доминированию одного из акторов (парламента или правительства). Политические последствия роспуска могут быть сравнимы с избирательной системой, от типа которой зависит «победитель» на выборах. Как и избирательная система, роспуск влияет на поведение «игроков», которые выстраивают свою «победную» стратегию и тактику исходя из существования этого института.

Новые тенденции в роспуске парламента

Институт роспуска парламента в последние десятилетия претерпевает изменения как на уровне законодательства, так и в политической практике его применения. Остановимся на новых тенденциях в развитии этого института.

1. На практике роспуск парламента стал *реже* использоваться политическими акторами. Закономерное следствие этого – «удлинение жизни» парламента. Так, европейские парламента XIX в. редко действовали весь срок конституционных полномочий: обычно они с легкостью распускались монархами досрочно. Подсчитано, что в XIX в. европейские парламента с четырехлетним сроком конституционных полномочий в среднем действовали 2,4 года, а в XX в. – 3,2 года; парламента с пятилетним конституционным сроком в XIX в. заседали в среднем 3 года, а после Второй мировой войны – 4 года [Cheibub, Rasch 2022, p. 477].

На наш взгляд, увеличение периода «жизни» парламента позитивно влияет на политику, поскольку и у парламента, и у правительства возникает больше возможностей для реализации программы. Парламентская и правительственная «чехарда» дестабилизирует политическую ситуацию.

2. Роспуск парламента постепенно превращается из института усмотрения премьер-министра и правительства с большой свободой действий исполнительной власти в *правовой способ разрешения тупиковых ситуаций* в процессе формирования правительства и во время законодательного процесса [Зазнаев 2022, с. 157]. Премьер-министры (лидеры правящих партий) нередко прибегают к роспуску с целью создания для себя и своей партии конкурентных пре-

имущества на досрочных выборах тогда, когда они «чувствуют», что способны не только одержать победу на выборах, но и увеличить размер правящего большинства в парламенте. При этом разногласий между акторами, которые можно преодолеть только путем роспуска, может и не быть. А ведь согласно догме «классической» теории парламентаризма роспуск парламента дает избирателям шанс принять окончательное решение в случае разногласий между правительством и парламентом по важным вопросам.

Роспуск как исключительно субъективное намерение премьер-министра и правительства подвергается справедливой критике. Политики и ученые отмечают, что правительства объявляют досрочные выборы «ради краткосрочной политической выгоды», «пытаются манипулировать календарем просто для партийной выгоды», создают неравное «игровое поле для всех партий»², а роспуск парламента используют лидеры, «чтобы объявить выборы в наиболее выгодное для них время – когда они рассчитывают на победу» [Smith 2003, p. 397]. В таких странах, как Великобритания и Канада, досрочный роспуск парламента рассматривается как несправедливое право премьер-министра, поскольку дает ему преимущество перед оппозиционными партиями [Зазнаев 2023, с. 146].

Премьер-министры и их партии получают весомые политические «плюсы» от роспуска парламента и проведения досрочных выборов парламента, поскольку они «дают действующему премьер-министру значительный электоральный бонус по сравнению с регулярными и неудачными выборами (имеются в виду досрочные выборы как результат «неудачи» правительства – вотума недоверия или отказа парламента в доверии. – О. З.)». Эмпирически доказано, что досрочные выборы по инициативе премьер-министра-инкумбента дают приращение голосов избирателей до 5%, что сравнимо с долей голосов небольшой, но успешной политической партии [Schleiter, Tavits 2016, p. 840]. Неслучайно такого рода выборы в литературе назвали «оппортунистическими» [Schleiter, Tavits 2016, p. 840], поскольку налицо следование своим интересам, в том числе обманным путем. Результаты другого эмпирического исследования также показывают, что правительства и премьер-министры используют полномочие по роспуску ради партийной выгоды [Goplerud, Schleiter 2016, p. 450].

Осознавая «минусы» роспуска по инициативе премьер-министра и правительства, государства стремятся трансформировать

²Harper promises law to set election date every four years // CBC News. 26 May 2006. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/harper-promises-law-to-set-election-date-every-four-years-1.615777> (дата обращения 06.04.2023).

институт роспуска в сугубо правовой способ разрешения тупиковых и конфликтных ситуаций в политике. А значит, предпринимаются попытки законодательно ограничить свободу усмотрения премьер-министра и «прописать» ситуации, при возникновении которых возможен роспуск.

3. В последние десятилетия для защиты легислатуры от премьер-министра и правительства государства вводят *конституционные правовые ограничения на роспуск парламента*. Неограниченный роспуск традиционно существовал в Великобритании и странах с сильной вестминстерской традицией – Австралии, Канаде и Новой Зеландии, однако и здесь в последние годы произошли изменения.

Можно выделить несколько «линий», по которым осуществляются ограничения на роспуск парламента:

- 1) «запуск» процедуры роспуска – включение вопроса о роспуске в повестку дня и продвижение этого вопроса, например, ограничение круга субъектов, иницирующих роспуск, или ограничение их действий на разных стадиях процесса роспуска;
- 2) «спусковой крючок» – возможность принимать окончательное решение, «запускающее» роспуск, каким-либо из субъектов;
- 3) коллективный «фильтр» – действия коллективных субъектов (парламента и правительства), которые должны достичь внутреннего консенсуса, прежде чем они смогут использовать свои полномочия по роспуску;
- 4) временные «барьеры», например, запреты на роспуск в течение последней части парламентского или президентского срока;
- 5) субъектные «барьеры» – зависимость решения инициатора роспуска от обязательного согласия другого субъекта или необязательных консультаций с другими субъектами [Gorlerud, Schleiter 2016, p. 431].

В конституциях стран мира сегодня прописываются разные ограничения на роспуск:

- установление предельного числа инициатив роспуска: а) исходящих от одного и того же субъекта, б) по одной и той же причине, в) в течение одной сессии парламента;
- время, которое должно пройти, прежде чем предложение о роспуске может быть проголосовано;
- кворум депутатов;
- переход от относительного к абсолютному или квалифицированному большинству ($\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{5}$);

- запрет на роспуск в определенные промежутки времени – в начале или в конце конституционного срока парламента, кабинета или главы государства;
- наступление конкретных тупиковых событий: а) когда не удается получить доверие правительству по истечении определенного времени с момента его назначения; б) после определенного количества неудачных попыток формирования правительства; в) если не принят бюджет или закон;
- необходимость коллективных действий субъектов, которые должны достичь консенсуса, прежде чем они смогут использовать свои полномочия по роспуску;
- необходимость обязательного согласия другого субъекта или необязательные консультации с другими субъектами.

Введение ограничений на роспуск парламента означает *конституционализацию* этого института: новые положения вводятся в конституцию и законы. Если прежде вопросы вотума недоверия и роспуска регулировались преимущественно обычаями и политическими нормами, то сейчас – правом. Очевидно, смещение в сторону более жесткого регулятора, коим является право, не может не сказаться на функционировании института роспуска парламента. Как справедливо отмечается в литературе, «действующее правительство теперь имеет меньше свободы действий в отношении роспуска собрания, и оно не единственный актер, который может действовать стратегически, чтобы вызвать роспуск» [Cheibub, Rasch 2022, p. 490]. У акторов уменьшается «поле» политического усмотрения. Такую новацию можно, на мой взгляд, оценить как *деполитизацию* института роспуска парламента.

В основе идеи конституционно-правовых ограничений на роспуск парламента лежит мысль о том, что такие меры «должны стимулировать партии, правительство и парламента на сотрудничество друг с другом и преодоление разногласий нерадикальным путем без прекращения деятельности парламента и досрочных выборов. Роспуск парламента остается механизмом выхода из тупика, но тупиковые ситуации четко прописаны в конституции, а сам роспуск выступает как крайняя мера» [Зазнаев 2022, с. 157]. Для политических партий регулярные выборы являются приоритетной опцией, поскольку позволяют им планировать заранее свою избирательную кампанию. Уменьшение случаев роспуска благотворно повлияет на избирательную кампанию и ее результаты.

4. Современные парламентарские страны демонстрируют *разный объем законодательных ограничений на роспуск*. Для их измерения М. Гоплеруд и П. Шлейтер разработали *Индекс роспуска ассамблеи* [Goplerud, Schleiter 2016], который подсчитывается отдельно для

премьер-министра, правительства в целом, легислатуры и президента/монарха по 10-балльной шкале. Если для актора значение индекса 0, то это означает отсутствие каких-либо конституционных полномочий по роспуску (например, в Норвегии, где роспуска парламента просто нет), а если 10, то отражает полную свободу действий отдельного субъекта распустить собрание (например, премьер-министра Великобритании, в 1945–2011 гг.). Авторы исходят из максимального значения 10 и затем «штрафуют» актора в соответствии с ограничениями на роспуск. Чем выше индекс для актора, тем большими полномочиями по роспуску он обладает. Очевидно, что максимальное значение 10 для одного актора при нулевом значении для других акторов означает практически неограниченную власть этого актора в вопросах роспуска парламента.

В табл. 1 видны два типа законодательных ограничений – ограничения акторов законом (поэтому снижается для них индекс) и ограничения со стороны других акторов, участвующих в процедуре роспуска (индекс представлен у нескольких акторов). Основные достоинства индекса роспуска ассамблеи заключаются в том, что он охватывает всех участников процесса роспуска и учитывает сложность правил роспуска с достаточной точностью [Goplerud, Schleiter 2016, p. 437]. Индекс позволяет определить «самое сильное» действующее лицо в процессе роспуска, силу какого-либо конкретного субъекта или нескольких действующих лиц, общее количество участников, вовлеченных в процессы роспуска, число путей роспуска или общую легкость роспуска [Goplerud, Schleiter 2016, p. 437].

На мой взгляд, по табл. 1 можно косвенно определить объем законодательных ограничений на роспуск. Практически полная свобода действий по роспуску имеется у премьер-министров Великобритании (в 1945–2011 гг. и с 2022 г.), Дании и Канады. Незначительно ограничены возможности по роспуску премьер-министра Австралии. Напротив, в таких странах, как Бельгия, Греция, ФРГ, Чешская Республика и Эстония все акторы, задействованные в процессе роспуска, довольно сильно ограничены законом. Наконец, есть страны, где наблюдается «перекося» в «силе» акторов по вопросу роспуска: например в Испании у премьер-министра значительно больше полномочий, чем у легислатуры; в Венгрии легислатура «перевешивает» президента, а в Швеции правительство более сильное, чем легислатура.

Единственное, что не удастся установить по табл. 1 – это отследить динамику изменений в вопросе роспуска. Поскольку анализ сделан преимущественно в послевоенный период, то неясно, с самого начала существовали такие ограничения или были приняты позже (хотя по ряду стран учтена динамика).

Таблица 1

Индекс роспуска ассамблеи (избранные страны)

Страна	Актор			
	Премьер-министр	Правительство	Легислатура	Президент/монарх
Австралия	10.00		1.66	
Бельгия (1995)		4.25	5.50	
Великобритания (1945)	10.00			
Великобритания (2011)			4.00	
Великобритания (2022)	10.00			
Венгрия (2011)			7.00	4.74
Греция (1986)		4.25	3.50	2.50
Дания	10.00			
Израиль (2003)	2.50		5.50	2.50
Испания	8.55		1.75	
Италия				9.03
Канада	10.00			
Нидерланды		8.50		
Новая Зеландия	10.00			
ФРГ	2.50		1.75	5.00
Чешская Республика (2009)			2.44	3.17
Швеция (1975)		8.29	1.38	
Эстония		2.13	3.85	5.00
Япония		8.50		

Источник: [Goplerud, Schleiter 2016, pp. 435–436]

5. Один из вариантов ограничения на роспуск парламента – это установление *фиксированной даты выборов*³. В 2011 г. в Великобритании «Актом о парламентах с фиксированным сроком полномочий»⁴ (отменен в 2022 г.) была установлена фиксированная

³Подробнее об этом см.: [Зазнаев 2023].

⁴Fixed-term Parliaments Act 2011 (ch. 14) // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2011/14/introduction/enacted> (дата обращения 06.04.2023).

дата всеобщих выборов – первый четверг мая пятого календарного года после предыдущих выборов. В Канаде, как и в Великобритании, даты выборов не указывались в законах. В 2001 г. канадская Британская Колумбия первой среди провинций приняла закон о фиксированной дате провинциальных выборов. Затем другие провинции пошли по ее пути. В 2007 г. фиксированная дата была принята Оттавой – это «третий понедельник октября четвертого календарного года, следующего за днем голосования последних всеобщих выборов»⁵.

Фиксация дат выборов в парламентских странах – весомое новшество, которое, казалось бы, должно изменить основы парламентаризма, в частности, придать системе несвойственную ей жесткость и независимое «выживание» законодательной и исполнительной власти. Эта мера, по идее, должна была сказаться на функционировании всей системы государственной власти. На самом деле в Великобритании и Канаде парламентская система осталась гибкой, давая возможность премьер-министру эффективно влиять на процесс досрочного роспуска парламента.

В Великобритании установление фиксированной даты выборов в палату общин (2011–2022 гг.) практически никак не повлияло на свободу действий премьер-министра по объявлению досрочных выборов. Дело в том, что премьер-министр мог посоветовать монарху воспользоваться королевской прерогативой досрочного роспуска парламента в двух оговоренных в законе случаях: 1) объявление вотума недоверия правительству, после чего следовал роспуск палаты, и 2) голосование о досрочном роспуске парламента, которое принималось $\frac{2}{3}$ голосов от общего числа членов палаты [Зазнаев 2023, с. 147–148]. По нашему мнению, «закон создавал соблазн для премьера инициировать досрочный роспуск парламента в выгодных для него ситуациях. Это привело к манипулированию Актом 2011 г., когда лидер мог искусственно добиться нужного числа голосов палаты. Тем самым «буква закона» соблюдалась, но его «дух испарялся» [Зазнаев 2023, с. 153]. Оба основания роспуска фактически не сдерживали премьер-министра, который советовал монарху воспользоваться королевской прерогативой досрочного роспуска парламента.

В Канаде законодательные акты, в которых была установлена фиксированная дата выборов в легислатуры Канады и провинций, не отменили нормы, согласно которым представители королевской

⁵Canada Elections Act (S.C. 2000, с. 9). Act current to 2023-03-20 and last amended on 2023-01-14 // Justice Laws Website. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/E-2.01/> (дата обращения 06.04.2023).

власти в Канаде (генерал-губернатор Канады и лейтенант-губернаторы провинций) распускали парламенты по совету глав правительств и объявляли досрочные выборы. На самом деле законами был сокращен срок полномочий законодательных собраний (до четырех лет). Мы пришли к выводу, что в механизме функционирования парламентской системы как на федеральном, так и провинциальном уровне изменений не произошло: «легислатура и кабинет продолжали “выживать” совместно и зависеть друг от друга. Логика парламентской системы не нарушена» [Зазнаев 2023, с. 160].

Заключение

Институт роспуска парламента необходим для разрешения конфликта между парламентом и правительством, поскольку позволяет «снять» кризис и преодолеть «тупики» во взаимоотношениях законодательной и исполнительной власти путем устранения одной стороны конфликта – парламента. Роспуск парламента является результатом вынесения вотума недоверия правительству по инициативе правительства или потери доверия правительству, если этот вопрос перед парламентом ставит само правительство. Кроме того, роспуск возможен вне процедур доверия/недоверия правительству по инициативе премьер-министра или других акторов, а также в жестко предписанных законом случаях как реакция на политический кризис. Неработоспособность парламента, смена премьер-министра между выборами, необходимость получения нового мандата парламента для проведения определенной политики или изменение в партийной конфигурации правительства могут стать основаниями для роспуска парламента. Один из наиболее частых вариантов – роспуск по инициативе премьер-министра с целью получения лучших результатов на досрочных выборах.

В последние десятилетия в развитии института роспуска парламента произошли изменения.

Во-первых, политические акторы стали реже использовать роспуск, что привело к «удлинению» срока деятельности парламента.

Во-вторых, роспуск парламента постепенно превращается из института субъективного усмотрения премьер-министра и правительства в правовой способ разрешения тупиковых ситуаций в политическом процессе. Государства трансформируют роспуск в правовой путь разрешения конфликтов с законодательным ограничением свободы действий премьер-министра по роспуску.

В-третьих, этой цели служат конституционно-правовые ограничения на роспуск – происходит конституционализация инсти-

тута роспуска с одновременной деполитизацией этого института, а именно – сужением свободы выбора акторов, прежде всего, премьер-министра. Роспуск рассматривается как крайняя мера, которая применяется в строго очерченных правовых рамках. Ограничения на роспуск призваны стимулировать партии, правительство и парламент на сотрудничество друг с другом и преодоление разногласий нерадикальным путем.

В-четвертых, в современных парламентских системах наблюдается разный объем законодательных ограничений на роспуск разных акторов. В одних странах до сих пор сохраняется практически полная свобода действий премьер-министра по роспуску, в других, напротив, все акторы, задействованные в процессе роспуска, довольно сильно ограничены законом в вопросах роспуска. При этом одни акторы сильнее других – значительно или незначительно.

В-пятых, установление фиксированной даты выборов в парламент в Великобритании и Канаде – одно из правовых ограничений на роспуск. Однако на практике это ограничение не привело к ослаблению премьер-министра в вопросах роспуска.

Несмотря на новации в институте роспуска парламента, парламентская система остается гибкой, давая возможность использовать роспуск как механизм разрешения политических разногласий.

Литература

- Зазнаев 2022 – *Зазнаев О.И.* Роспуск парламента в парламентских системах: новые тенденции // Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности: Материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием. Москва, ИНИОН РАН, МГИМО МИД России, 2–3 декабря 2022 г. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 157–158.
- Зазнаев 2023 – *Зазнаев О.И.* Фиксированная дата выборов в парламент: новый формат взаимодействия законодательной и исполнительной власти в Великобритании и Канаде // Политическая наука. 2023. № 1. С. 139–163.
- Зазнаев, Сидоров 2022 – *Зазнаев О.И., Сидоров В.В.* Формы правления и этнические конфликты. Казань: Логос-Пресс, 2022. 232 с.
- Blick 2016 – *Blick A.* Constitutional implications of the Fixed-term Parliaments Act 2011 // *Parliamentary affairs*. 2016. Vol. 69. No. 1. P. 19–25.
- Bowden 2017 – *Bowden J.W.J.* When the bell tolls for parliament. Dissolution by efflux of time // *Journal of parliamentary and political law*. 2017. Vol. 11. No. 1. P. 129–144.
- Cheibub 2006 – *Cheibub J.A.* Presidentialism, parliamentarism, and democracy. N.Y: Cambridge University Press, 2006. 222 p.

- Cheibub, Rasch 2022 – *Cheibub J.A., Rasch B.E.* Constitutional parliamentarism in Europe, 1800–2019 // *West European Politics*. 2022. Vol. 45. No. 3. P. 470–501.
- Delegation 2003 – Delegation and accountability in parliamentary democracies / Ed. by K. Strøm, W.C. Müller, T. Bergman. Oxford: Oxford University Press, 2003. 764 p.
- Goplerud, Schleiter 2016 – *Goplerud M., Schleiter P.* An index of assembly dissolution powers // *Comparative Political Studies*. 2016. Vol. 49 (4). P. 427–456.
- Indriðason, Kam 2020 – *Indriðason I.H., Kam C.* A rational choice perspective on political executives // *The Oxford handbook of political executives* / Ed. by R.B. Andeweg, R. Elgie, L. Helms, J. Kaarbo, and F. Müller-Rommel. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 91–109.
- Linz 1994 – *Linz J.* Presidential or parliamentary democracy. Does it make a difference? // *The failure of presidential democracy. Comparative perspectives* / Ed. by J.J. Linz, A. Valenzuela. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1994. P. 3–90.
- Parliaments 2015 – Parliaments and government formation. Unpacking investiture rules / Ed. by B. Rasch, S. Martin, and J.A. Cheibub. Oxford: Oxford University Press, 2015. 385 p.
- Rhodes 2006 – *Rhodes R.A.W.* Executives in parliamentary government // *The Oxford handbook of political institutions* / Ed. by R.A.W. Rhodes, S. Binder, B. Rockman. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 323–343.
- Schleiter, Evans 2019 – *Schleiter P., Evans G.* The changing confidence relationship between the UK executive and parliament in comparative context // *Parliamentary Affairs*. 2019. Vol. 74. No. 1. P. 121–137.
- Schleiter, Tavits 2016 – *Schleiter P., Tavits M.* The electoral benefits of opportunistic election timing // *The Journal of Politics*. 2016. Vol. 78. No. 3. P. 836–850.
- Smith 2003 – *Smith, A.* Election timing in majoritarian parliaments // *British Journal of Political Science*. 2003. Vol. 33. P. 397–418.

References

- Blick, A. (2016), “Constitutional implications of the Fixed-term Parliaments Act 2011”, *Parliamentary affairs*, vol. 69, no. 1, pp. 19–25.
- Bowden, J.W.J. (2017), “When the bell tolls for parliament. Dissolution by efflux of time”, *Journal of parliamentary and political law*, vol. 11, no. 1, pp. 129–144.
- Cheibub, J.A. (2006), “*Presidentialism, parliamentarism, and democracy*”, Cambridge University Press, New York, USA.
- Cheibub, J.A. and Rasch, B.E. (2022), “Constitutional parliamentarism in Europe, 1800–2019”, *West European Politics*, vol. 45, no. 3, pp. 470–501.
- Goplerud, M. and Schleiter, P. (2016), “An index of assembly dissolution powers”, *Comparative Political Studies*, vol. 49, no. 4, pp. 427–456.
- Indriðason, I.H. and Kam, C. (2020), “A rational choice perspective on political executives”, in Andeweg, R.B., Elgie, R., Helms, L., Kaarbo, J. and Müller-Rommel F. (eds.), *The Oxford handbook of political executives*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 91–109.

- Linz, J. (1994), "Presidential or parliamentary democracy. Does it make a difference?", in Linz, J.J. and Valenzuela, A. (eds.), *The failure of presidential democracy. Comparative perspectives*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore, USA, pp. 3–90.
- Rasch, B., Martin, S. and Cheibub J.A. (eds.) (2015), *Parliaments and government formation. Unpacking investiture rules*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Rhodes, R.A.W. (2006), "Executives in parliamentary government", in Rhodes, R.A.W., Binder S. and Rockman B. (eds.), *The Oxford handbook of political institutions*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 323–343.
- Schleiter, P. and Evans, G. (2019), "The changing confidence relationship between the UK executive and parliament in comparative context", *Parliamentary Affairs*, vol. 74, no. 1, pp. 121–137.
- Schleiter, P. and Tavits, M. (2016), 'The electoral benefits of opportunistic election timing', *The Journal of Politics*, vol. 78, no. 3, pp. 836–850.
- Smith, A. (2003), "Election timing in majoritarian parliaments", *British Journal of Political Science*, vol. 33, pp. 397–418.
- Strøm, K., Müller, W.C. and Bergman, T. (eds.) (2003), *Delegation and accountability in parliamentary democracies*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Zaznaev, O.I. (2022), "Dissolution of parliament in parliamentary systems. New trends", in Gaman-Golutvina, O.V., Smorgunov, L.V. and Timofeeva, L.N. (eds.), *Politicheskie vyzovy i politicheskii dialog v usloviyakh global'noi turbulentnosti, Materialy Vserossiiskoi konferentsii RAPN s mezhdunarodnym uchastiem. Moskva, INION RAN, MGIMO MID Rossii, 2–3 dekabrya 2022 g.* [Political challenges and political dialogue in the context of global turbulence. Proceeding of the All-Russian conference with international participation, Moscow, INION RAN, MGIMO, 2–3 December 2022], Aspekt Press, Moscow, Russia, pp. 157–158.
- Zaznaev, O.I. (2023), "A fixed date of parliamentary election as a new format of interaction between legislative and executive power in the UK and Canada", *Political Science (Ru)*, no. 1, pp. 139–163.
- Zaznaev, O.I. and Sidorov, V.V. (2022), *Formy pravleniya i etnicheskie konflikty* [Forms of government and ethnic conflicts], Logos-Press, Kazan, Russia.

Информация об авторе

Олег И. Зазнаев, доктор юридических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; 420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, д. 18; Oleg.Zaznaev@kpfu.ru

Information about the author

Oleg I. Zaznaev, Dr of Sci. (Law), professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia; 18, Kremlyovskaya St., Kazan, Russia, 420008; Oleg.Zaznaev@kpfu.ru

Феномен религиозных партий на постсоветском пространстве

Сергей П. Донцев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dontsev@gmail.com*

Аннотация. В статье проведен анализ феномена религиозных партий на постсоветском пространстве. Показано, что они формировались либо в форматах исламских партий, либо христианско-демократических. Выделяются государства, которые вводят запрет на создание партий по религиозному признаку, и те, что допускают их существование. Показаны предпосылки появления подобных ограничений. Отдельно анализируется случай Таджикистана, где подходы к возможностям легального существования религиозных партий принципиально менялись. Проанализированы также и другие критерии, связанные с религиозной сферой и ограничивающие деятельность партий (пропаганда религиозной розни и вражды, финансирование партий религиозными структурами и т. д.). Результаты анализа представлены в табл. 1. В статье показано, что исламские и христианско-демократические партии проявляют себя на постсоветском пространстве в качестве оппозиционных. Проанализированы предпосылки и факторы, ценностные основания такой ситуации. Показано, что исламские прото-партии и движения, предлагающие альтернативный проект государственности, могут существовать только в нелегальном формате, а христианско-демократические партии, приобретающие национально-государственную специфику, могут быть как оппозиционными, так и поддерживающими действующую власть в зависимости от ее политического курса. Проанализированы причины институциональной слабости религиозных партий, и сделан вывод об отрицательном результате проектов создания религиозных партий на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: партийные системы, религиозные партии, христианская демократия, исламские партии, государственно-конфессиональные отношения, религиозная политика, постсоветское пространство

Для цитирования: Донцев С.П. Феномен религиозных партий на постсоветском пространстве // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 3. С. 138–153. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-138-153

The phenomenon of religious parties in the post-Soviet space

Sergei P. Dontsev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dontsev@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the phenomenon of religious parties in the post-Soviet space. It is shown that they were formed either in the formats of Islamic parties or Christian-democratic. There are States that impose a ban on the creation of parties on religious grounds, and those that allow their existence. The prerequisites for the appearance of such restrictions are shown. The article especially analyzes the case of Tadjikistan, where approaches to the possibilities of the legal existence of religious parties have fundamentally changed. Other criteria related to the religious sphere and limiting the activities of parties (propaganda of religious discord and enmity, financing of parties by religious structures, etc.) are also analyzed. The results of the analysis are presented in the summary table 1. The article shows that Islamic and Christian Democratic parties manifest themselves in the post-Soviet space as oppositional. There is an analysis of the prerequisites and factors, the value bases of such a situation. It is shown that Islamic proto-parties and movements offering an alternative project of statehood can exist only in an illegal format, and Christian Democratic parties acquiring national-state specifics can be both oppositional and supporting the current government, depending on its political course. The author also analyzes the reasons for the institutional weakness of religious parties. The conclusion is made about the negative result of projects to create religious parties in the post-Soviet space.

Keywords: party systems, religious parties, Christian democracy, Islamic parties, state-religious relations, religious politics, post-Soviet space

For citation: Dontsev, S.P. “The phenomenon of religious parties in the post-Soviet space”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 138–153, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-138-153

Введение

Классические исследования происхождения партийных систем традиционно уделяют особое внимание религиозному фактору, акцентируя внимание на влиянии церквей и религиозных сект на появление европейских партий и политических ассоциаций в XIX в. [Дюверже 2000, с. 80; Острогорский 1997, с. 79]. Религиозные

организации и само духовенство были непосредственно причастны к созданию как правых христианских и консервативных партий, так и демократических [Дюверже 2000, с. 80]. Во второй половине XX в. интерес к религиозным партиям был обусловлен расцветом христианско-демократического движения в послевоенной Европе, а затем появлением феномена «исламских партий», оказавших существенное влияние на политические процессы во многих государствах с преобладающим мусульманским населением. После обретения независимости все бывшие советские республики провозгласили новые принципы формирования своих политических систем, среди которых была и многопартийность. На фоне процессов десекуляризации и религиозного возрождения в республиках бывшего СССР происходила политизация религиозной сферы, одним из следствий которой было появление религиозных партий. Анализу данного феномена на постсоветском пространстве, из которого традиционно исключаются прибалтийские государства, и посвящена данная статья.

Религиозные партии на постсоветском пространстве формировались либо в форматах исламских партий, либо христианско-демократических. Также заметным явлением стало использование религиозной риторики национал-консервативными партиями, которые могли быть неформально связанными с религиозными структурами. Например, Консервативная партия Грузии рассматривалась экспертами как «ретранслятор идей высших церковных иерархов» [Кирчанов 2014; Какителашвили 2019, с. 108]. Однако для подобных партий религиозная компонента была все же вторичной, а ключевыми ценностями, как правило, являлись идеи нации и государства.

При изучении постсоветских религиозных партий возникает вопрос методологического характера о самой возможности изучения столь разных явлений, как исламские и христианско-демократические партии в рамках одного феномена на фоне порой принципиально разных подходов к проектированию партийных систем в бывших советских республиках. В защиту такой возможности можно привести следующие аргументы: все рассматриваемые страны преодолевали последствия советского секулярного проекта [Узланер 2010], и особенности последующего возвращения религии в публичное пространство имели множественные схожие черты, особенно в вопросах формирования государственной религиозной политики [Малахов, Летняков 2021], кроме того, как будет показано ниже, нормативно-правовое регулирование деятельности религиозных партий также имеет в постсоветских государствах много общего (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная таблица законодательных ограничений на деятельность политических партий по религиозным признакам на постсоветском пространстве

Государство	Конституционный запрет на создание партии по религиозному признаку	Запрет на создание партии по религиозному признаку в профильном законодательстве	Запрет на религиозные признаки в названии партии	Запрет на указание преемственности какой-либо религии	Запрет на пропаганду религиозной вражды, дискриминацию или унижение религиозных чувств и символов	Запрет на получение партиями финансирования от религиозных организаций
Азербайджан	-	-	+	-	+	+
Армения	-	-	-	-	-	+
Белоруссия	-	-	-	+	+	+
Грузия	-	-	-	-	+	+
Казахстан	+	+	+	-	+	+
Киргизия	+	+			+	+
Молдавия	-		-		+	+
Россия	-	+	+		+	+
Таджикистан	+	+			+	+
Туркменистан	+	+	-	-	+	+
Узбекистан	+	+			+	+
Украина	-				+	+

Безусловно, изучение феномена религиозных партий также осложняется неопределенностью дефиниций этого понятия и различными подходами к выделению ключевых его признаков. Ситуация усугубляется также и тем, что изучение отдельных разновидностей религиозных партий (в первую очередь христианско-демократических и исламских) становится самостоятельным направлением исследований, и их концептуализация происходит исходя из особенностей проявления данного феномена в условиях конкретной религиозной традиции [Кудряшова, Козинцев 2021].

Партии, созданные непосредственно религиозными организациями, а это, безусловно, самый очевидный признак религиозной партии, в постсоветских государствах отсутствуют. Следовательно, религиозные партии могут вычлняться исключительно по наличию религиозной составляющей в названии, уставах и программах. При этом упоминание религиозных ценностей и наличие повестки, связанной с изменением религиозной политики государства, не превращает партию автоматически в религиозную, важно, чтобы эта повестка была доминирующей.

Партии, которые относятся к религиозным, помимо определяющих «маркеров» в своих названиях, выступают за усиление роли религиозных ценностей в общественной жизни. Их конкретизация может быть различной: от декларирования внеконфессиональных религиозных ценностей в политике до требований присутствия конкретной религиозной организации в армии и системе государственного образования. Для исламских партий исследователи также в качестве характерных черт выделяют требования подчинения законодательства принципам шариата, построение исламского государства, проповедь всемусульманской солидарности и следование исламскому пути развития [Сапронова 2018, с. 30–33].

Политика ограничений

Во всех постсоветских государствах приняты профильные законы («О политических партиях», «О политических объединениях»), жестко формализующие понятие «политическая партия». Общественно-политические структуры, претендующие на подобный статус, должны обладать государственной регистрацией и соответствовать определенным критериям, связанным, как правило, с численностью, региональным представительством, составом учредителей. Несоответствие данным критериям ведет к невозможности регистрации или ликвидации партий. И если даже такие партии сохраняются в незарегистрированном статусе и оставляют в своем названии слово «партия», то с точки зрения государства

они партиями не являются. То же самое касается и запрещенных партий, лишенных государственной регистрации.

Среди законодательных ограничений на деятельность политических партий (а таковые есть во всех постсоветских государствах) рассмотрим те, что связаны с религиозной сферой. Заметим, что все постсоветские законы о партиях так или иначе ее затрагивают (см. табл. 1).

В самом общем виде все государства можно разделить на те, что вводят запрет на создание партий по религиозному признаку, и те, что допускают их существование. Запреты существуют в России, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане. В данных государствах не допускается создание политических партий по признакам религиозной принадлежности граждан. Причем во всех перечисленных государствах, кроме России, данный запрет является конституционным и отражен в отдельных статьях конституций, посвященных деятельности политических партий. Одновременно данные запреты дублируются и в профильных законах. В России же ограничения не имеют характера конституционной нормы, но присутствуют в принятом в 2001 г. законе «О политических партиях», причем российский закон – единственный на постсоветском пространстве, где конкретизируется, что именно является признаком религиозной принадлежности (указание в уставе и программе политической партии целей защиты религиозных интересов, а также отражение указанных целей в наименовании политической партии¹). В Казахстане также действует отдельный запрет на религиозные признаки в названии партий². К группе стран, запрещающих создание религиозных партий, примыкает также Азербайджан. Здесь формальный запрет на создание партии по религиозным признакам отсутствует, но законодательно запрещены в названиях ссылки на религиозные признаки³, что фактически является механизмом недопущения создания религиозных партий. Отдельный запрет на религиозные признаки в названии партии также присутствует в России и Казахстане.

¹См.: Федеральный закон № 95-ФЗ от 11.07.2001 «О политических партиях». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102071991&ysclid=lgmlbibnr4304507475> (дата обращения 20.05.2023).

²См.: Закон Республики Казахстан № 344-III от 15.07.2002 «О политических партиях». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1032141&pos=5;-106#pos=5;-106 (дата обращения 20.05.2023).

³См.: Закон Азербайджанской Республики № 693-VIQ от 16.12.2022 «О политических партиях». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37724382 (дата обращения 20.05.2023).

Характерно, что во всех государствах, где существует конституционный запрет на создание религиозных партий (кроме Таджикистана), данная норма появилась в самых первых редакциях Конституций, принятых в начале 1990-х гг., и в дальнейшем не претерпевала изменений. И даже в тех государствах, где происходили серьезные режимные трансформации (как например, в Киргизии, где институциональные реформы меняли политическую систему в направлении парламентаризации [Борисов 2018, с. 105]), запрещающие религиозные партии нормы сохранились в обновленных конституциях в том же виде, в каком были и раньше.

Особая ситуация наблюдалась в Таджикистане, где возможности легального существования религиозных политических партий радикально пересматривались (в 1999 и 2016 гг.). Как отмечали многие исследователи, исламский фактор был определяющим в гражданской войне 1992–1997 гг. [Халид 2010, с. 208–213]. В Объединенной таджикской оппозиции ключевую роль играла Партия исламского возрождения Таджикистана, а ее лидер А. Саидов стал председателем Комиссии по национальному примирению и подписал мирное соглашение, завершившее окончание гражданской войны. Одним из результатов мирного урегулирования стала политическая реформа и легализация религиозных партий, и в первую очередь Партии исламского возрождения Таджикистана. В 1998 г. в парламенте – Высшем Собрании Таджикистана – обсуждался законопроект «О политических партиях», и тогда депутаты поддержали запрет на создание религиозных партий. Учитывая резко отрицательную реакцию Объединенной таджикской оппозиции, президент Э. Рахмон наложил на закон вето и отправил его на доработку «во имя мира и национального согласия» [Абдуллоев 2013, с. 228]. А уже в 1999 г. по результатам первого конституционного референдума в Конституции Таджикистана появилась статья 28, в которой говорилось о праве граждан участвовать в создании политических партий, имеющих в том числе «религиозный и атеистический характер»⁴. Таким образом, Таджикистан стал первым и единственным государством постсоветского пространства, законодательно закрепившим возможность создания религиозных партий, а Партия исламского возрождения Таджикистана стала единственной исламской партией, представленной в парламентах постсоветских государств. Однако затем политическая ситуация стала меняться. Центральная власть достаточно окрепла для

⁴Конституция Республики Таджикистан (в редакции, принятой на референдуме 26 сентября 1999 г.). URL: <https://prokuratura.tj/ru/legislation/the-constitution-of-the-republic-of-tajikistan.html> (дата обращения 20.05.2023).

того, чтобы взять курс на выдавливание исламской оппозиции из легального политического пространства. Этому способствовал и тот факт, что Партия исламского возрождения Таджикистана показывала на всем протяжении своего легального существования довольно скромные электоральные результаты (правда, в условиях непрекращающегося давления со стороны власти), получая на трех парламентских выборах (2000, 2005, 2010 гг.) всего по два депутатских мандата, а в 2015 г. не смогла даже преодолеть 5%-ный барьер. В этом же году партия была обвинена в попытке государственного переворота и запрещена. Логическим завершением этих процессов стало очередное масштабное обновление Конституции Таджикистана в 2016 г. В числе 72 поправок были и те, что принципиально меняли принципы функционирования партийной системы, в том числе и вводили запрет на создание и деятельность религиозных партий⁵. В результате в Таджикистане исчезли возможности существования институализированной исламской оппозиции. Отмечалось, что данный запрет также обуславливался необходимостью пресечения влияния транснациональных партий и движений экстремистского толка (Хизб ут-Тахрир, Талибан), деятельность которых представляла угрозу национальной безопасности в республике [Диноршоев 2016, с. 18]. Таким образом Таджикистан продемонстрировал исключительный на постсоветском пространстве случай ситуативного изменения условий легального существования религиозных партий, обусловленных динамикой политического процесса.

Остальные государства, кроме вышеперечисленных, допускают создание религиозных партий. Отдельные ограничения могут существовать, но они оказываются довольно мягкими. В Молдове, например, наименование и символика партий не должны воспроизводить или сочетаться с символикой религиозных культов⁶, что не мешает существованию в стране христианско-демократических партий.

Существует еще ряд критериев, ограничивающих деятельность партий, и при этом связанных с религиозной сферой, но они характерны и для государств, допускающих создание религиозных

⁵См.: Конституция Республики Таджикистан (с изменениями и дополнениями от 26 сентября 1999 г., 22 июня 2003 г. и 22 мая 2016 г.). Ст. 8. URL: www.prezident.tj/ru/taxonomy/term/5/112 (дата обращения 20.05.2023).

⁶См.: Закон № 294 от 21.12.2007 «О политических партиях в Республике Молдова». URL: https://lege.md/ru/act/o_politicheskikh_partiyah (дата обращения 20.05.2023).

партий и запрещающих их. Отметим, что законодательство о политических партиях могло существенно меняться, снижались или повышались регистрационные барьеры и требования к партиям, но религиозная компонента, появившись в самых первых редакциях профильных законов, оставалась, как правило, неизменной.

В регулирующих партийные системы законах всех постсоветских государств (кроме Армении) существуют запреты на создание и деятельность политических партий в целях пропаганды религиозной розни и вражды, оскорбляющие религиозные чувства или дискриминирующие по религиозному признаку. В Туркменистане в названиях политических партий запрещены слова, унижающие религиозные чувства и символы⁷, а в Беларуси запрещено указывать в уставе, программе, названии партий на превосходство какой-либо религии⁸.

В ряде государств отдельно акцентируется запрет на ограничение членства в партии по признакам религиозной принадлежности (Беларусь, Грузия, Казахстан, Россия).

Также практически все постсоветские государства (за исключением Киргизии) объединяет наличие законодательных ограничений на финансирование политических партий религиозными организациями. Отдельные законодательные нормы устанавливают запреты на получение денежных средств от религиозных организаций, а в Армении, Беларуси, России, Туркменистане отдельно подчеркивается запрет на финансирование от структур, учрежденных религиозными организациями. В Узбекистане в профильном законе от 1996 г. «О политических партиях» о запрете финансирования партий религиозными организациями ничего не говорится, однако в принятом в 2004 г. специальном законе «О финансировании политических партий» данный запрет появился⁹. В ряде государств есть определенная специфика данных ограничений, но она не меняет принципиальный запрет на финансирование. Так, в Молдове

⁷См.: Закон Туркменистана от № 254-IV 10 января 2012 г. «О политических партиях» (редакции Законов Туркменистана от 16.08.2014 г., 20.10.2018 г.). URL: www.turkmenistan.gov.tm/ru/post/16478/zakon-turkmenistana-%3Cbr%3E-o-politicheskikh-partiyakh (дата обращения 20.05.2023).

⁸См.: Закон Республики Беларусь № 3266-XII от 5 октября 1994 г. «О политических партиях» (с изм. и доп.) URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19403266> (дата обращения 20.05.2023).

⁹См.: Закон Республики Узбекистан № 617-II от 30.04.2004 г. «О финансировании политических партий». URL: <https://lex.uz/docs/168377> (дата обращения 20.05.2023).

запрещается даже предоставление партиям бесплатных услуг от религиозных организаций¹⁰, а в Грузии делается исключение для средств, полученных в результате проведения лекций, семинаров и других подобных публичных мероприятий¹¹. Наличие подобных запретов свидетельствует о схожем векторе религиозной политики, направленной на недопущение появления политической субъектности у религиозных организаций. В тех странах, где существует запрет на религиозные партии, ограничение финансирования позволяет исключить ситуации его обхода, когда партия, не являясь формально религиозной, тем не менее оказывается связанной с конкретной религиозной организацией.

Религиозная оппозиция

Особенность существования религиозных партий на постсоветском пространстве состоит также в том, что многие из них являются оппозиционными. И это касается как исламских партий, так и христианско-демократических.

В государствах центральной Азии после распада Советского Союза именно ислам и исламские настроения стали активно влиять на различные оппозиционные движения, принимавшие самые разные формы – от тайных обществ до организованных структур, пытавшихся легализоваться в формате партий [Халид 2010, с. 199–235], задавая тем самым вектор противостояния: религиозный фундаментализм – светский авторитаризм. Безусловно, так называемые светские режимы пытались также использовать религиозный фактор в своих интересах, но это был именно инструменталистский подход. Ислам здесь рассматривался исключительно как элемент национально-культурной идентичности, что вкупе с созданием централизованных и во многом зависимых от государства структур религиозного управления, а также запретом религиозных партий делало фактически невозможным реализацию исламскими движениями сколь-либо заметной политической субъектности. И даже Таджикистан, где, как было сказано выше, был период легального существования исламских партий и где оппозиция смогла объеди-

¹⁰ См.: Закон № 294 от 21.12.2007 г. «О политических партиях в Республике Молдова». URL: https://lege.md/ru/act/o_politicheskikh_partiyah (дата обращения 20.05.2023).

¹¹ См.: Органический закон Грузии № 1028 от 31 октября 1997 г. «О политических объединениях граждан». URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/28324?publication=39> (дата обращения 20.05.2023).

нить такие, казалось бы, разные в своих ценностных основаниях группы, как демократы и исламисты, в итоге пришел к той же модели государственно-религиозных отношений, что и у его соседей: запрет религиозных партий и политика ограничений на проявления исламской политической субъектности. В итоге исламские протопартии и движения, предлагающие альтернативный проект государственности, основанной на исламских ценностях, пока могут существовать в государствах Средней Азии, Азербайджане и России только в нелегальном формате.

В странах же, где ислам не является доминирующей религией, религиозные партии, как было сказано выше, создавались в первую очередь в формате христианско-демократического движения, приобретавшего национальную специфику (в России до законодательного запрета религиозных партий существовали и исламские, и христианско-демократические партии). Особенность христианско-демократических партий постсоветских государств состоит в том, что они, как правило, декларируют приверженность западному, евро-атлантическому выбору, вступлению страны в НАТО (Консервативно-Христианская партия – БНФ в Беларуси, Христианско-демократическое движение в Грузии, Христианско-демократический союз на Украине и др.). Такие партии также выступают за сильное национальное государство, развитие национальной культуры, негативно оценивают советский период истории (Консервативно-Христианская партия – БНФ – в Беларуси, Христианско-демократическое движение в Грузии), а в наиболее радикальных вариантах – борются против «российского империализма и колониализма» и даже выступают за создание автокефальных, независимых от Московского патриархата православных церквей¹². И если ранняя христианская демократия в постсоветских государствах (в том числе и в России) начала – середины 1990-х гг. больше апеллировала к опыту европейской послевоенной христианской демократии, пытаясь (в основном безуспешно) популяризовать демократические идеалы, совмещенные с христианскими ценностями (интерпретируемыми внеконфессионально), то затем ценностные основания политических программ таких партий стали смещаться к умеренному национализму, уделяя все больше внимания национальной идее с религиозной составляющей. В тех же случаях, когда к этому добавлялся евро-атлантический дискурс, такие партии закономерно становились либо оппозиционными (в тех странах,

¹² См.: Праграма Кансерватыўна-Хрысціянскай партыі – БНФ (Партыі БНФ). URL: <http://www.narodnaja-partyja.org/03--Pragramy--fr--pg> (дата обращения 20.05.2023).

где это шло вразрез с государственной политикой), либо, наоборот, поддерживали власть, которая провозглашала европейский вектор развития. Так, в Беларуси Консервативно-Христианская партия – БНФ, образовавшаяся в 1999 г. в результате раскола оппозиционного Белорусского Народного фронта и считающая себя его правопреемницей, находится в оппозиции к А. Лукашенко, а партия «Белорусская христианская демократия», также имеющая радикально-оппозиционную повестку, несмотря на многочисленные попытки легализоваться, так и не имеет государственной регистрации. Противоположная картина наблюдается на Украине, где в составе христианско-демократического движения с самого начала его зарождения заметно присутствовали национально-ориентированные партии (например, Христианско-демократический фронт, преобразовавшийся в Украинскую христианско-демократическую партию). Многие из христианско-демократических партий Украины выступают за европейский курс развития страны, поддерживают идеи интеграции с Европейским союзом, вступление в НАТО и т. п.

Институциональная слабость

Наиболее жесткие ограничения на деятельность религиозных партий возникали именно в тех странах, где была высокая вероятность политизации религии, превращения ее в инструмент политической борьбы, там, где актуализация религиозного фактора могла рассматриваться как угроза национальной безопасности. В силу того, что религиозный экстремизм на постсоветском пространстве наиболее заметно себе проявляет в форме исламского экстремизма, то закономерно, что именно в странах Средней Азии, Азербайджане и России появились формальные запреты на деятельность религиозных партий. В странах, где в начале 1990-х гг. религиозное возрождение и процесс политизации религии проходили наиболее ярко (в первую очередь, в Узбекистане и Таджикистане), действующие политические элиты стали использовать религиозный фактор для идеологического противостояния с оппонентами, не допуская, чтобы религия превращалась в потенциальный инструмент оппозиции [Малашенко 98, с. 76]. Власть перехватывала религиозную повестку у религиозных партий, превращая ее в инструмент укрепления национально-государственной идентичности, и последовательно выводила религиозные партии из легального политического пространства. Случай Таджикистана иллюстрирует тезис о том, что в условиях существования сильной оппозиции, мобилирующей по религиозному признаку, государство вынуждено идти на компро-

миссные варианты, допускающие создание религиозных партий, но ровно до тех пор, пока оппозиция обладает политической субъектностью.

Кудряшова и Козинцев отмечают, что исламские партии выполняют функцию институциональных посредников между политической и религиозной системами коммуникации, дифференцируя исламские ценности и обеспечивая их сочетание с возникшими в процессе модернизации институтами национального государства [Кудряшова, Козинцев 2021]. Если вместо «исламских ценностей» использовать более широкое понятие «религиозные ценности», то данную функциональную характеристику можно рассматривать как особую черту всех религиозных партий, а не только исламских. Другой вопрос, насколько такая коммуникативная функция будет востребована. Слабость религиозных партий постсоветского пространства показывает, что в условиях, когда политическое заведомо довлеет над религиозным, институциональный коммуникатор в виде партий становится если не излишним, то по крайней мере не обязательным. Особенно в тех случаях, когда партии не в полной мере выполняют функции агрегации и артикуляции интересов своих избирателей и функционируют «формально», что также является одной из особенностей партийных систем многих государств постсоветского пространства [Political parties in post-Soviet space 2005, pp. 41 50].

В странах, где функционирование религиозных партий допускается, их политическая субъектность проявляется преимущественно в рамках христианско-демократического движения. Но и здесь она имеет очень ограниченный характер. В России несостоятельность христианско-демократического движения (которая наблюдалась задолго до формального запрета религиозных партий) объяснялась отсутствием христианско-демократической политической традиции и собственной идеологии, учитывающей специфические национально-государственные особенности, отсутствием социальной базы и поддержки со стороны главенствующей церкви [Щипков 2004]. Эти же факторы влияли и на слабость христианско-демократических партий в других постсоветских государствах. Если же в программах таких партий становилась заметна национально-государственная составляющая, то они, размывая свою религиозную специфику, все равно оставались неконкурентными по сравнению с традиционными государственно-ориентированными национальными партиями.

Таким образом, несмотря на разную совокупность причин, различный политический и правовой контекст, результат реализации политических проектов создания религиозных партий во

всех постсоветских государствах оказался отрицательным – религиозные партии либо запрещены, либо не обладают сколь-либо значимой политической субъектностью. Ответ на вопрос, могут ли подобные проекты быть актуализированы, зависит во многом от востребованности обществом упомянутой выше коммуникативной функции религиозных партий, усиления тенденций политизации религии и наличия соответствующей воли действующих политических акторов.

Литература

- Абдуллоев 2013 – *Абдуллоев И.Р.* Из истории реформирования политической системы в Таджикистане // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2013. № 3 (55). С. 224–232.
- Борисов 2018 – *Борисов Н.А.* Парламентаризация форм правления в постсоветских государствах: причины и следствия // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 3 (13). С. 93–110.
- Диноршоев 2016 – *Диноршоев А.* Конституционно-правовой обзор изменений 2016 года в конституцию Республики Таджикистан // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6 (115). С. 14–20.
- Дюверже 2000 – *Дюверже М.* Политические партии. М.: Академический проект, 2000. 538 с.
- Кирчанов 2014 – *Кирчанов М.В.* Религиозные партии в Грузии: политические платформы и идеологические трансформации // Центральная Азия и Кавказ. 2014. № 2. С. 106–113.
- Какителашвили 2019 – *Какителашвили М.* Мониторинг правовой модели многопартийности в государствах-участниках СНГ // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1 (30). С. 16–24.
- Кудряшова, Козинцев 2021 – *Кудряшова И.В., Козинцев А.С.* Исламские партии между небесным и земным: трансформация понятия «партия» в мусульманском политическом дискурсе // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2021. № 4 (103). С. 63–80.
- Малахов, Летняков 2021 – *Малахов В.С., Летняков Д.Э.* Религиозная политика постсоветских государств: между «эффектом колена» и «правительностью» // Полис: Политические исследования. 2021. № 4. С. 163–175.
- Малашенко 1998 – Ислам в СНГ / Отв. ред. А.В. Малашенко. М.: ИВ РАН, 1998. 176 с.
- Острогорский 1997 – *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997. 640 с.
- Сапронова 2018 – *Сапронова М.А.* Исламские партии и государство // Азия и Африка сегодня. 2018. № 11. С. 30–33.

- Узланер 2010 – *Узланер Д.А.* Советская модель секуляризации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 62–69.
- Халид 2010 – *Халид А.* Ислам после коммунизма: религия и политика в Центральной Азии / Пер. с англ. А.Б. Богдановой. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 304 с.
- Щипков 2004 – *Щипков А.В.* Христианская демократия в России. М.: Ключ-С, 2004. 120 с.
- Political parties in post-Soviet space 2005 – Political parties in post-Soviet space. Russia, Belarus, Ukraine, Moldova, and the Baltics / Ed. by A. Kulik, S. Pshizova. Westport; L.: Praeger, 2005. 271 p.

References

- Abdulloev, I.R. (2013), “From the history of reforming the political system in Tajikistan”, *Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya gumanitarnykh nauk*, vol. 55, no. 3, pp. 224–232.
- Borisov, N.A. (2018), “Parliamentarization of government management forms in the post-Soviet states. The causes and consequences”, *RSUH/RGGU. Series “Political Science. History. International Relations”*, vol. 13, no. 3, pp. 93–110.
- Dinorshoev, A. (2016), “Constitutional and legal review of the 2016 amendments to the Constitution of the Republic of Tajikistan”, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 115, no. 6, pp. 14–20.
- Duverger, M. (2000), *Politicheskie partii* [Political parties], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia.
- Kirchanov, M.V. (2014), “Religious parties in Georgia. Political platforms and ideological transformations”, *Central Asia and the Caucasus*, no. 2, pp. 106–113.
- Kakitelashvili, M. (2019), “Monitoring the legal model of multiparty system in the CIS member States”, *Monitoring pravoprimeneniya*, vol. 30, no. 1, pp. 16–24.
- Kudryashova, I.V. and Kozintsev, A.S. (2021), “Islamic parties between sacred and profane. Transformation of the concept of party in the Muslim political discourse”, *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, vol. 103, no. 4, pp. 63–80.
- Malakhov, V.S. and Letnyakov, D.E. (2021), “Religious politics of post-Soviet states. Between path dependence and governmentality”, *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 163–175.
- Malashenko, A.V. (ed.) (1998), *Islam v SNG* [Islam in the CIS], Institut vostokovedeniya Rossiiskoi akademii nauk, Moscow, Russia.
- Ostrogorskii, M.Ya. (1997), *Demokratiya i politicheskie partii* [Democracy and political parties], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Sapronova, M.A. (2018), “Islamic parties and the state”, *Asia and Africa today*, no. 11, pp. 30–33.
- Uzlaner, D.A. (2010), “The Soviet model of secularization”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 62–69.

- Khalid, A. (2010), *Islam posle kommunizma: religiya i politika v Tsentral'noi Azii* [Islam after communism. Religion and politics in Central Asia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Shchipkov, A.V. (2004), *Khristianskaya demokratiya v Rossii* [Christian democracy in Russia], Klyuch-S, Moscow, Russia.
- Kulik, A. and Pshizova, S. (eds.) (2005), *Political parties in post-Soviet space. Russia, Belarus, Ukraine, Moldova, and the Baltics*, Praeger, Westport, USA, London, UK.

Информация об авторе

Сергей П. Донцев, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dontsev@gmail.com

Information about the author

Sergei P. Dontsev, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; dontsev@gmail.com

Политическое проектирование образа будущего как фактор социально-политической стабильности России

Ханлар А. Гаджиев

*Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия, gadzhiev_hanlar@mail.ru*

Ирина С. Шушпанова

*Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия, i.s.shushpanova@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу политического проектирования образа будущего России как инструмента государственной политики и его потенциала по поддержанию социально-политической стабильности страны. Исследуется сущность политического проектирования; приводится обоснование влияния образа будущего на социально-политическую стабильность; рассматривается возможность и особенности проектирования образа будущего России; иллюстрируется значимость проекта образа будущего с учетом общественного мнения россиян.

Результаты исследования демонстрируют, что в массовом сознании россиян образ будущего носит гибридный характер. Он характеризуется частичной фрагментарностью и неопределенностью в отдельных сферах жизнедеятельности, что усиливает риски социально-политической дестабилизации. Основываясь на эмпирической социологической информации, авторы приходят к выводу о том, что сформировавшийся в российском обществе образ будущего состоит из ядра и периферии. Наиболее устойчивыми и слабо изменяемыми его элементами являются ценностные ориентации граждан. Они составляют ядро образа будущего. Изменчивость в зависимости от влияния внешних и внутренних факторов характерна для периферийных компонентов. К ним можно отнести прогноз граждан своего материального положения, уровень тревожности в отношении будущего, отношения общества и власти, фиксирующие социально-психологическое настроение и состояние социума, и другие. Достаточно устойчивым является мнение россиян о том, что в основу возрождения будущей России должны лечь такие понятия, как «справедливость», «мир», «порядок», «закон» и «права человека». Проводя мониторинг актуальных потребностей, интересов и запросов российского общества, органы власти

могут спроектировать оптимальную модель образа будущего России, в основе которой лежали бы разделяемые, культивируемые и воспроизводимые социумом установки и ценности. Такое проектирование должно базироваться на принципах научности, системности, верифицированности и актуальности, чтобы способствовать поддержанию социально-политической стабильности России.

Ключевые слова: политическое проектирование, образ будущего, российское общество, государство, стабильность, общественное мнение, власть, ценности

Для цитирования: Гаджиев Х.А., Шущпанова И.С. Политическое проектирование образа будущего как фактор социально-политической стабильности России // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 3. С. 154–169. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-154-169

Political image of the future projection as a factor of Russia's socio-political stability

Khanlar A. Gadzhiev

*Institute of Socio-Political Research under the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, gadzhiev_hanlar@mail.ru*

Irina S. Shushpanova

*Institute of Socio-Political Research under the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, i.s.shushpanova@mail.ru*

Abstract. The article is analyzing the political projection of the image of Russia's future as an instrument of public policy and its potential to maintain the country's socio-political stability. The essence of political projection is investigated; the substantiation of the influence of the image of the future on socio-political stability is given; the possibility and features of projection of the image of Russia's future are considered; the significance of the project of the image of the future is illustrated, taking the public opinion of Russians into account.

The results of the study demonstrate that in the Russians' mass consciousness, the image of the future is of hybrid character. It is characterized by partial fragmentation and indefiniteness in certain spheres of life, which increases the risks of socio-political destabilization. Based on empirical sociological information, the authors come to the conclusion that the image of the future formed in Russian society consists of a core and a periphery. Value orientation of citizens is its most stable and the least changeable element. They form the core of the

image of the future. Depending on the influence of external and internal factors, changeability is characteristic of the peripheral components. These include citizens' prediction of their financial situation, the level of anxiety about the future, the society's relations with the authorities, fixing the society's socio-psychological sentiment and states, and others. The Russians' opinion that such concepts as "justice", "peace", "order", "law" and "human rights" must be the basis for the revival of the future Russia is quite stable. The authorities can design an optimal model of the image of Russia's future, based on attitudes and values shared and cultivated by society, by monitoring the relevant needs, interests and requests of the Russian society. Such projection should be based on the principles of science, consistency, verification and relevance in order to contribute to maintaining Russia's socio-political stability.

Keywords: political projection, image of the future, Russian society, state, stability, public opinion, authority, values

For citation: Gadzhiev, Kh.A. and Shushpanova, I.S. (2023), "Political image of the future projection as a factor of Russia's socio-political stability", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relationships" Series*, no. 3, pp. 154–169, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-154-169

Введение

В условиях глобальной неустойчивости, вызванной обострением прежних (экологических, социально-экономических и др.) и возникновением новых (пандемия) мировых проблем, а также стремительно меняющимся геополитическим раскладом сил и международных «правил игры», актуализируется ключевая функция государства – обеспечение и поддержание социально-политической стабильности. Реализация данной функции крайне затруднительна без формирования минимально приемлемого уровня определенности в общественной жизни и соответствующего позитивного восприятия в массовом сознании граждан образа будущего. Однако формальное конструирование образа будущего, нерелевантного фактическим реалиям и/или не имеющего под собой хотя бы базовых столпов, выраженных прежде всего в социальном благополучии социума и реализации национальных интересов, сделали бы его неубедительным для граждан и неработающим средством.

На сегодняшний день проблема формирования образа будущего особенно остро стоит перед Россией. Глобальная турбулентность и неопределенность, дополненная беспрецедентным политическим и экономическим давлением на международной арене, которые отражаются на ключевых сферах общественной жизни, разительно

обострили вопрос поддержания социально-политической стабильности и выдвинули на повестку дня проблему образа будущего страны, а также процессы его политического конструирования. В контексте поддержания социально-политической стабильности России формирование образа будущего – это задача власти и политико-административной системы, важнейшим элементом которой является политическое проектирование.

Политическое проектирование образа будущего

Как правило, политическое проектирование принято связывать с таким явлением, как *политический проект*. Последний зачастую интерпретируется как акт, план или программа действий по созданию новых либо изменению уже существующих явлений в политической сфере в соответствии с поставленными политическими целями [Политическое проектирование 2013, с. 119; Иванова 2011, с. 189]. Иными словами, политический проект содержит в себе не только образ социально-политических изменений, но также и совокупность конкретных целей, задач, принципов, методов и приоритетов, которые необходимы для его воплощения в жизнь. Отталкиваясь от этого, непосредственно *политическое проектирование* следует рассматривать как направление политико-административной деятельности, нацеленное на создание новых систематизированных комплексов властных решений и мероприятий по преобразованию различных сфер общественной жизни. Поскольку политическое проектирование ориентировано на будущее, то оно, как правило, содержит в себе черты прогнозирования и стратегического планирования [Ежов 2012, с. 17]. Это вполне объяснимо сложностью и спецификой политико-административного процесса, который стремится соответствовать непрерывно возрастающему уровню развития современных обществ.

Многогранность и сложность политического проектирования наглядно видна, если обратиться к его разновидностям: в зависимости от субъектов политико-административного процесса, выступающих инициаторами/потребителями результатов проектной деятельности, оно может быть государственным или быть связано с другими акторами публичной политики (например, партий, избирательных объединений и т. д.) [Политическое проектирование 2013, с. 119]; в зависимости от планируемой продолжительности реализации – проектирование, рассчитанное на долгосрочный, среднесрочный или краткосрочный периоды; в зависимости от охвата

плоскостей общественной жизни – комплексное (нацелено на все или большинство сфер общественной жизни), межотраслевое (нацелено на тесно взаимосвязанные сферы общественной жизни) и отраслевое (нацелено преимущественно на отдельно взятые сферы общественной жизни), и т. д.

Наиболее часто встречающимся на практике, прочно выстроенным и оказывающим ключевое влияние на общественное развитие является политическое проектирование, инициированное и реализуемое государством. В зависимости от возможностей конкретной страны, последствия реализации и эффекты проекта могут отражаться на международной арене: касается государств, являющихся глобальными и региональными лидерами. Они, наряду с прочим, способны задавать политические и экономические тренды на международном уровне, формировать повестку дня и привлекательный для других стран образ модели общественного развития.

Важнейшим и вместе с тем труднореализуемым объектом политического проектирования для государства является образ будущего. Объясняется это, во-первых, тем, что разработанный проект может не быть принят обществом должным образом и не прижиться. Самая явная возможная причина – сильное расхождение с существующей действительностью, которое очевидно даже на обыденном уровне и иллюстрирует невозможность кардинального изменения положения дел в будущем.

Во-вторых, спроектированный образ будущего должен быть успешно распространен в социуме, что, однако, подразумевает не просто его трансляцию в информационных потоках различных средств массовой информации и средств массовой коммуникации, но и доверие граждан к построенной модели будущего страны.

В-третьих, поскольку образ будущего содержит в себе предполагаемые очертания и модель общественного развития и института государства, то возникает необходимость в ходе политического проектирования учитывать несовпадающие интересы значимых социальных групп и в целом широких слоев населения, искать компромиссное содержание проекта, что, разумеется, усложняет для государства поиск его наилучшего варианта. Более того, граждане воспринимают образ будущего прежде всего сквозь призму предполагаемого собственного положения в нем, смотрят на государство как на главного организатора будущего, а на социум в целом и себя в частности – как участников этого будущего.

По своей сути понятие «образ будущего» носит диалектический характер, в котором системно взаимосвязаны конструктивные элементы и рискогенные компоненты. Существенная доля неопределенности самого будущего детерминирует его образ с позиции

хрупкости и противоречивости. Однако необходимо отметить, что граждане строят свой образ будущего на основе имеющейся у них информации, степени ее достоверности, проявляя всю противоречивость мыслей и деятельности. Граждане, вследствие низкого уровня ответственности, зачастую перекалывают ее на институты власти, ясно осознавая все противоречия, существующие между потребностями социума и деятельностью государства. Именно на решении социально значимых вопросов, усиливающих чувства несправедливости и обиды гражданского общества, по мнению ряда исследователей, должно строиться проектирование образа будущего [Токарев, Кравчук 2022, с. 133].

Для российского общества роль государства в выстраивании жизни социума традиционно была и остается определяющей. Это обусловлено целым рядом факторов, связанных с особенностями культурно-исторического развития общества и его многосоставностью, со спецификой самой политической системы, содержащей в себе сильные институты власти и высокоцентрализованную модель управления [Политическая система 2022], большой территорией и значительными ресурсами и т. д.

Как отмечается специалистами по политической психологии, в восприятии россиян власть не просто включена в картину будущего, она является его обязательной частью. Согласно оценкам, часть проблем граждане решают самостоятельно, не апеллируя к органам власти (например, финансовые), однако одновременно актуализирована потребность в государстве, осуществляющем функции защитника, заботящегося о своих гражданах. Имеет место мозаичность и неоднородность проектирования образов будущего в представлениях граждан о власти. Противоречивость данного процесса заключается в рефлексии на рациональном, эмоциональном и поведенческом уровнях. На эмоциональном уровне образ идеальной власти граждане рисуют с позитивных позиций. В то же время реальная власть описывается респондентами в нейтральных и отрицательных характеристиках. Такое понимание детерминруется отчуждением власти и общества, отсутствием полноценного понимания функции и деятельности институтов государства. В то же время интересно, что кризисные ситуации (пандемия) позволили наполнить образ идеальной власти в сознании граждан ясностью и четкостью (Шестопал 2021, с. 110).

Диалектичность проектирования образа будущего нередко в исследованиях раскрывается через идею «своего пути» России. Здесь обозначаются два возможных сценария: «открытый» вариант, предполагающий децентрализацию власти и развитие процесса интеграции на международной арене, и «закрытый» ва-

риант», характеризующийся укреплением федеральной власти и «внешнеполитическим изоляционизмом» (Zheltikova, Khokhlova 2019, p. 71).

Определяющая роль российского государства в общественной жизни (Мельвиль, Тимофеев 2010, с. 49), с одной стороны, создает важные благоприятные предпосылки для возможности принятия гражданами образа будущего, сформированного в результате политического проектирования. Однако с другой – может усложнять ситуацию для самого государства, поскольку не предполагает высокой самоорганизации граждан и их политической активности. В результате государство как бы остается без репрезентативной и жизненно необходимой информации об актуальном проблемном поле общества. Иными словами, в таком случае возникает риск дистанцирования власти от реальных социальных запросов, на которых в первую очередь нужно формировать образ будущего. В свою очередь, подобное несоответствие между социальными запросами и образом будущего чревато ростом рисков социально-политической дестабилизации.

В России для минимизации рисков социально-политической дестабилизации, связанных с политическим проектированием образа будущего, принципиально важным в сложившейся ситуации является выстраивание более эффективного диалога власти и общества. Это требует использования уже имеющихся и развития новых (прежде всего цифровых) каналов и механизмов политической обратной связи. Только таким образом государство могло бы своевременно, репрезентативно и максимально точно видеть актуальные социальные запросы и наиболее острые проблемы, реагируя на них и формируя на их основе приближенный к действительности образ будущего, как ключевое условие поддержания социально-политической стабильности.

Современная Россия, несомненно, является стабильным государством, и на сегодняшний день серьезных рисков и угроз, связанных с внутренней ареной и сигнализирующих о возможной дестабилизации, не наблюдается. Однако высокая степень глобальной неопределенности и обстановка на международной арене потенциально могут создать непредсказуемую ситуацию и серьезные вызовы для политико-административной системы России. Поэтому здесь важны превентивные меры по недопущению неуправляемых угроз и минимизации любых рисков. В этом смысле именно политическое проектирование образа будущего, выстроенного на основе диалога власти и общества, а также эффективно используемых каналов и механизмов политической обратной связи, должно быть в числе первых государственных приоритетов.

Образ будущего во мнениях российских граждан

Необходимость политического проектирования образа будущего и существующие для этого предпосылки наглядно прослеживаются в российском общественном мнении.

В настоящей работе в качестве эмпирической основы исследования образа будущего, сложившегося в российском обществе, взяты результаты социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», проводимого Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, начиная с 1992 г. В дополнение используется эмпирическая информация, полученная в ходе исследования «Куда идешь, Россия?», позволяющая более конкретно определить социально-политические закономерности формирования и структуру образа будущего в российском обществе¹.

Методом сбора социологической информации послужил всероссийский опрос (анкетирование). На разных этапах изучения объем репрезентативной выборки фиксировался в диапазоне от 1312 до 1866 респондентов. Ошибка выборки находилась на уровне 3%.

В мае 2022 г. был проведен 52-й этап мониторинга «Как живешь, Россия?», в основе которого лежала выборочная совокупность в размере 1700 респондентов. Согласно его результатам, более четвертой части российского общества тревожили вопросы, связанные с «ростом цен на продукты питания» (58%), «дороговизной жизни» (50%), «повышением тарифов на услуги ЖКХ» (30%), «высокой инфляцией» (27%) и «страхом перед будущим» (27%)². На протяжении многих лет социально-экономические проблемы, детерминированные материальными факторами социального благополучия граждан, фиксируют актуальные запросы общества на поддержание приемлемого для жизнедеятельности уровня. Начиная с 2016 г., когда санкционная политика недружественных стран в отношении России стала набирать обороты, актуализировалась тревога россиян в отношении своего будущего. В период с декабря 2015 г. по май 2022 г. количество граждан,

¹См.: Куда идешь, Россия? Экспресс-информация / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; отв. ред. В.К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. URL: <http://испи.рф/wp-content/uploads/2021/02/куда-идешь-россия-экспресс.pdf> (дата обращения 11.05.2023).

²См.: *Левашов В.К.* Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 52-й этап социологического мониторинга, май 2022 г.: [бюллетень] / В.К. Левашов, Н.М. Великая [и др.]; отв. ред. В.К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. С. 9.

которых волновала данная проблема, возросло с 19 до 27%. Однако в определенные годы органам власти удалось снизить градус напряженности, оказав всестороннюю поддержку широким слоям населения в период COVID-кризиса. Так, в сентябре 2020 г. и июне 2021 г. уровень тревожности граждан в отношении своего будущего снизился до 19 и 13% соответственно. За год значение данного показателя возросло на 14 пунктов – с 13 до 27%.

Следующим индикатором, характеризующим особенности социального самочувствия граждан в контексте анализа образа будущего, является доминирующая в обществе оценка их трудовой мотивации. С июня 2019 г. наблюдалась тенденция роста с 31 до 45% в мае 2022 г. числа граждан, считавших, что «сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие». За данный период численность респондентов, имеющих противоположные взгляды, снизилась с 49 до 44%. Таким образом, обозначенный тренд создает положительные предпосылки улучшения материального положения россиян в будущем. Однако, оценивая свое благосостояние через 5 лет, респонденты чаще всего выбирали ответ «среднее» (35%) или «затрудняюсь ответить» (25%). Позитивно смотрели в будущее 23%, прогнозируя «очень хорошее» и «хорошее» экономическое положение своей семьи. На грани бедности через 5 лет, согласно самооценкам граждан, могут находиться 17% россиян. Свое материальное положение в ближайшем будущем они оценили в категориях «плохое» или «очень плохое». На прямой вопрос «Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?» в мае 2022 г. большинство граждан ответили отрицательно (56%). Только 26% респондентов придерживались противоположной точки зрения, а 18% – затруднились ответить. Доминирующее в общественном сознании мнение о своем социально-экономическом положении, рассмотренного через призму актуального психологического состояния, формирует отчасти образ неопределенности и фрагментарности будущего. С целью минимизации рисков усиления социально-экономического неравенства в российском обществе в будущем органам власти необходимо оказывать разностороннюю поддержку, формируя «подушку социально-экономической безопасности» граждан.

В российском обществе устойчиво доминирует мнение о том, что «большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране». С 69% в июне 2019 г. до 77% в мае 2022 г. возросло число респондентов, разделяющих такие взгляды. Динамика значений данного показателя позволяет зафиксировать рост рисков в будущем, связанных с отчужденностью российской власти и социума

[Великая 2021а, с. 69]. Резервами формирования более позитивного образа будущего во взаимоотношениях власти и общества могут стать улучшение отношения граждан к политической системе страны и рост доверия россиян к органам государства. В период с июня 2019 г. по май 2022 г. число респондентов, считавших, что «политическую систему необходимо изменить радикальным образом», снизилось с 27 до 18%. В то же время количество «реформаторов» увеличилось с 39 до 51%. За данный период зафиксирован рост уровня доверия граждан к Президенту РФ (с 54 до 74%), правительству РФ (с 32 до 52%), Совету безопасности (с 36 до 51%), Администрации Президента РФ (с 26 до 49%), руководителям регионов (с 31 до 43%), Совету Федерации (с 25 до 37%), Государственной думе (с 14 до 31%).

Проводимая институтами власти антикризисная политика, нацеленная на снижение влияния санкций, постепенно находит одобрение российского общества. С 17% в декабре 2018 г. до 42% в мае 2022 г. возросло число респондентов, положительно оценивающих курс проводимых государством экономических преобразований. Численность когорты россиян, разделяющих противоположные взгляды, снизилась с 36 до 23%. В то же время около пятой части российского социума оказались вне экономической политики, выказав свое безразличие (17% в мае 2022 г.). Таким образом, органы власти и российское общество постепенно налаживают диалог, формируя предпосылки для улучшения образа будущего, стабильности государства, снижения уровня неопределенности, тревог и неуверенности в завтрашнем дне.

Пожалуй, главным резервом, способным сформировать позитивные взгляды и настроения граждан в отношении будущего, является оказываемое гражданами высокое доверие Президенту РФ. Так, в мае 2022 г. большинство респондентов видели в В.В. Путине антикризисного лидера (62%). За три года существенно выросло значение оценки граждан его деятельности на посту Президента РФ: с 5,9 до 7,8 баллов по 10-балльной шкале.

В формировании образа будущего важную роль играют ценностные ориентации и установки, сформированные в российском обществе. Начиная с первого этапа социологических наблюдений, проведенных в декабре 1998 г., в сознании россиян сформировалось устойчивое мнение о том, в каком обществе хотели бы они жить. Наибольшее число граждан выбирали социалистическое общество (рис. 1). За все годы мониторинга в мае 2022 г. наблюдалось наибольшее число респондентов, разделяющих данную точку зрения (48%). Капиталистическое общество предпочли 12% россиян. Затруднились ответить 34% опрошен-

ных. В каком-то другом обществе хотят жить 6% респондентов. Для сравнения отметим, что «29% российской молодежи ответили, что предпочли бы капиталистическое общество» [Великая 2021b, с. 34]. Социализм оказался наиболее привлекательным для 17% молодых граждан.

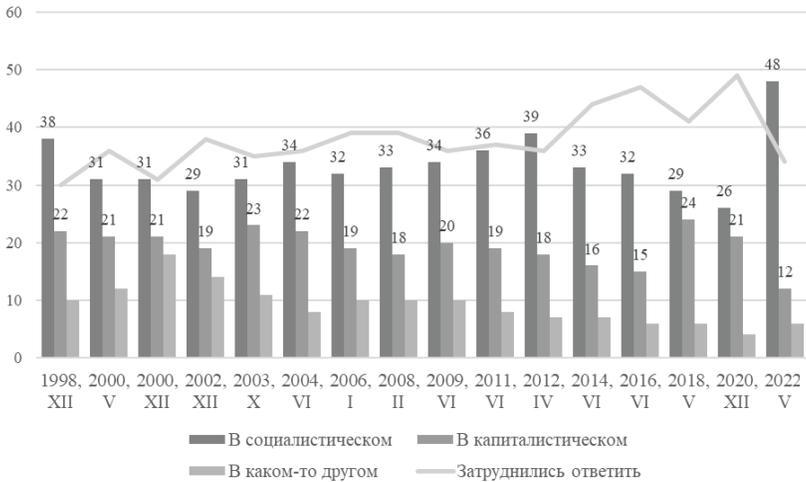

Рис. 1. Динамика распределений ответов российских граждан на вопрос, в каком обществе хотели бы жить (РФ, % от числа опрошенных).

Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН

Более детально анализируя ценностные ориентации граждан, отметим, что «социализм» в первую очередь тесно связан с такими смысловыми установками, как «справедливость» (44%), «коллективизм» (39%), «патриотизм» (39%), «порядок» (35%), «взаимопомощь» (33%), «равенство всех перед законом» (28%). В сознании граждан «капитализм» в большей степени связан с «частной собственностью» (58%), «конкуренцией» (54%), «властью узкой группы людей» (41%), «коррупцией» (40%), «социальной незащищенностью» (25%). В российском обществе сформировался запрос на проектирование и формирование образа будущего страны, в котором культивируются и воспроизводятся общественно значимые ценности справедливости, сплоченности, любви к Родине и порядка во всех сферах жизнедеятельности. Такие ценностные

ориентации составляют ядро образа будущего России, характеризуя его устойчивость.

По мнению респондентов, в основу возрождения будущей России, в первую очередь, должны лечь такие понятия, как «справедливость» (31%), «мир» (27%), «порядок» (22%), «закон» (21%) и «права человека» (19%). За годы мониторинга, начиная с 1995 г., данные ценностные ориентации являются неизменными и значимыми для российского общества. Дополняя картину образа будущего страны, отметим, что все больше граждан разделяют мнение о том, что «рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов» (табл. 1). За два года их число выросло с 33 до 44%. Распад России прогнозировали лишь 5–6% опрошенных. Ранее, в период с февраля 2008 г. по июнь 2015 г. наибольшее число россиян полагали, что «Россия будет существовать в нынешних границах» (33–41%).

В целом образ будущего, сформированный в сознании граждан, не статичен. Его периферийные элементы способны трансформироваться под воздействием ряда значимых факторов, связанных как с кризисными явлениями, так и с внутренними факторами стабилизации, устойчивости и развития.

Таким образом, как видно из приведенных результатов мониторинга, образ будущего, сформировавшийся в российском социуме под воздействием внешних и внутренних факторов, имеет гибридный формат. Ценностные ориентации граждан, составляющие ядро образа личного будущего и страны в целом, зачастую характеризуются константностью и трудноизменяемостью. Периферические структурные компоненты, образуя оболочку образа будущего, способны изменяться в зависимости от характера и степени воздействия различного рода факторов. Российские органы власти во многом способны снизить уровни социально-психологической напряженности, тревог, неопределенности, неуверенности в обществе, сформировав более позитивный образ будущего, консолидировав социум, превентивно ограничив влияние недружественных стран по отношению к суверенитету России. Идеальный образ будущего сильного российского государства, по мнению граждан, должен быть основан на принципах и ценностях справедливости, мира, порядка, верховенства закона и права, а также патриотизма.

Таблица 1

Мнение респондентов о будущем, которое ожидает Россию
(РФ, % от числа опрошенных)

	Россия обречена на дальнейший распад	Россия будет существовать в нынешних границах	Рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов	Другое мнение	Затруднились ответить
1992, VIII	18	13	44	1	23
1993, XI	15	17	42	1	25
1997, I	18	12	37	3	30
1998, XII	17	17	39	2	25
1999, XI	14	19	42	2	24
2000, V	9	24	43	2	22
2000, XII	12	20	41	1	26
2002, XII	14	27	36	2	21
2003, X	13	27	41	2	17
2008, II	9	33	32	2	25
2011, VI	16	37	29	2	16
2015, VI	5	41	35	1	18
2020, XII	5	29	33	1	32
2022, V	6	29	44	0	21

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН

Заключение

Формирование отвечающего внешним и внутренним вызовам образа будущего России – важнейшая задача государственной политики по предупреждению глубоких политических кризисов и социально-политической дестабилизации. Российское государство имеет все возможности и благоприятные предпосылки, включая имеющиеся у него резервы общественного доверия, для политического проектирования успешно работающей и принимаемой социумом модели развития. Однако достижение данной цели возможно путем не упрощения процесса формирования и содержания образа будущего, а напротив, сложного варианта проектирования, учитывающего и особенности российского общества, и сложившиеся непростые внешние условия и угрозы, и тот факт, что образ будущего – это в принципе результат диалектического процесса столкновения разных сценариев развития, каждый из которых естественным путем вносит свою составляющую в конечный сценарий, делая его максимально приемлемым для общества.

Литература

- Великая 2021a – *Великая Н.М., Шушпанова И.С., Афанасьев В.А.* Образ будущего в массовом сознании граждан как фактор устойчивого социально-политического развития общества // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 64–77.
- Великая 2021b – *Великая Н.М., Шушпанова И.С.* Российская молодежь о перспективах и образах будущего социально-политического развития страны // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 2. С. 29–40.
- Ежов 2012 – *Ежов Д.А.* Государственная политика: подходы к дефиниции и способы разработки // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2012. № 4. С. 16–19.
- Иванова 2011 – *Иванова С.В.* О политическом проектировании и проектной деятельности в сфере политики // Пространство и Время. 2011. № 1 (3). С. 188–193.
- Мельвиль, Тимофеев 2010 – *Мельвиль А.Ю., Тимофеев И.Н.* 2020: российские альтернативы revisited // Полития. 2010. № 2 (57). С. 42–65.
- Политическое проектирование 2013 – Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: теории и технологии: Материалы «круглого стола» сотрудников и аспирантов Российского государственного гуманитарного университета и Российского университета дружбы народов / М.Н. Грачев, Ю.В. Ирхин, Н.А. Борисов [и др.] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 3. С. 117–149.

- Политическая система 2022 – Политическая система современной России / Х.А. Гаджиев и др.; под ред. Х.А. Гаджиева. М.: МАКС Пресс, 2022. 276 с.
- Токарев, Кравчук 2022 – Токарев А.А., Кравчук И.Д., Бойко М.Ю., Ильинский Р.В. Социология российского образа будущего: предварительные результаты // Полис: Политические исследования. 2022. № 5. С. 117–136.
- Шестопал 2021 – Шестопал Е.Б. Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 99–112.
- Zheltikova, Khokhlova 2019 – Zheltikova I., Khokhlova E. The image of the future of contemporary Russia // Journal of Futures Studies. 2019. September. Vol. 24. No. 1. P. 63–76.

References

- Velikaya, N.M., Shushpanova, I.S. and Afannas'ev, V.A. (2021), "The image of the future in the mass consciousness of citizens as a factor of sustainable socio-political development of society", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 64–77.
- Velikaya, N.M. and Shushpanova, I.S. (2021), "Russian youth about prospects and images of the future socio-political development of the country", *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, no. 2, pp. 29–40.
- Ezhov, D.A. (2012), "State policy. Approaches to definitions and development methods", *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie v XXI veke: teoriya, metodologiya, praktika* [State and municipal management in the 21st century. Theory, methodology, practice], no. 4, pp. 16–19.
- Ivanova, S.V. (2011), "On political design and project activities in the sphere of politics", *Almanac Space and Time*, vol. 3, no. 1, pp. 188–193.
- Melville, A. and Timofeev, I. (2010), "2020: Russian alternatives revisited", *Politiya*, no. 2, pp. 42–64.
- Grachev, M.N., Irhin, Yu.V. and Borisov, N.A., etc. (2013), "Political projection in the space of social communications. Theories and technologies. Proceeding of the 'round table' of employees and graduate students of the Russian State University for the Humanities and the Peoples' Friendship University of Russia", *RUDN Journal of Political Science*, no. 3, pp. 117–149.
- Gadzhiev, H.A. (ed.) (2022), *Politicheskaya sistema sovremennoi Rossii* [The political system of modern Russia], MAKS Press, Moscow, Russia.
- Tokarev, A.A., Kravchuk, I.D., Boiko, M.Yu. and Il'inskiy, R.V. (2022), "Sociology of the Russian image of the future. Preliminary results", *Polis. Political Studies*, no. 5, pp. 117–136.
- Shestopal, E.B. (2021), "Image of an ideal future. Russians' normative concepts of authorities", *Tomsk State University Journal*, no. 464, pp. 99–112.
- Zheltikova, I. and Khokhlova, E. (2019), "The image of the future of contemporary Russia", *Journal of Futures Studies*, vol. 24, no. 1, pp. 63–76.

Информация об авторах

Ханлар А. Гаджиев, кандидат политических наук, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; gadzhiev_hanlar@mail.ru

Ирина С. Шущпанова, кандидат социологических наук, доцент, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; i.s.shushpanova@mail.ru

Information about the author

Khanlar A. Gadzhiev, Cand. of Sci. (Political Science), Institute of Socio-Political Research under the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 6/1, Fotieva St., Moscow, Russia, 119333; gadzhiev_hanlar@mail.ru

Irina S. Shushpanova, Cand. of Sci. (Sociology), Institute of Socio-Political Research under the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 6/1, Fotieva St., Moscow, Russia, 119333; i.s.shushpanova@mail.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Политология. История. Международные отношения»
№ 3
2023

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 16.10.2023
Выход в свет 23.10.2023
Формат 60×90^{1/16}
Уч.-изд. л. 10,3. Усл. печ. л. 10,6
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 1823

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru